

יהדות קווקז

**סיפורי יהדות קווקז
ומנהגיה**

מאת אדם דוידוב

МУДРЕЦЫ КАВКАЗА

*Повествование о мудрецах Кавказа
и традиции горских евреев*

Адам Давидов

Copyright by author

Все права сохранены за автором

כל הזכויות שמורות למחבר

ПРЕДИСЛОВИЕ

История горских евреев – часть славной и трагической истории всего еврейского народа. Более двух тысяч лет евреи живут на Кавказе. Это подтверждают многие источники – от Танаха до современных исследований в Азербайджане, Дагестане и в Израиле. Еврейская диаспора на Кавказе то сокращалась, то росла, в зависимости от преследований, которым подвергались евреи, сначала в языческой Персии, а потом в странах кровожадного ислама.

Не следует принимать во внимание нелепые измышления некоторых "историков", в том числе и израильских, озабоченных комплексом юдофобии. Горские евреи с удивлением читают о себе, что они бывшие персы, хазары, авары, мусульмане и тому подобное. В конце концов, можно договориться до того, что река Иордан – приток реки Миссисипи.

А.Т. Васильев, добросовестно и доброжелательно изучавший быт горских евреев, писал в нескольких номерах "Нового обозрения" за 1889 год: "...горские евреи считают своё происхождение от колена Иудина, находившегося когда-то в плену у персов".

Он описывает могильные надгробия коленов, с генеалогией в тысячи лет, с древнееврейским языком и древнееврейскими символами, вырезанными на камне. (*Из "Истории горских евреев Северного Кавказа в документах" С.А. Даниловой*).

Советуем также почитать "Пленники Салмансара" Б.Б. Маноаха, "Горские евреи" В. Дымшица, а кто знает иврит – "Горские евреи на Кавказе и в Израиле" Моше Юсупова. Есть ещё много других замечательных исследований, к сожалению, не можем привести их все.

В двадцатом веке прогрессивное человечество Европы и России, арабы Палестины и многих арабских стран уничтожали с патологической ненавистью не только евреев, но и еврейские кладбища.

На Кавказе их засыпали, перекапывали или застраивали. В Нальчике на старинном кладбище, на окраине бывшей Еврейской колонки, возвели пятиэтажные жилые дома. А арабы Эрец Исраэль строили свои дома из надгробных плит с *האר זейтим* – Масличной горы или с древнего еврейского кладбища в Хевроне.

Мы предлагаем вам не историческое исследование, а рассказы о духовных учителях горских евреев. В основе каждого рассказа – исторические личности, которые любили свой народ и жили в соответствии с законами Торы. Надеемся, что они вызовут ответное чувство и желание продолжить вековые традиции, сохранившие нас от уничтожения.

ШИМОН СЭФЕРО

В 4121 году Юлиан Отступник стал императором Византии. Он разрешил евреям вернуться в Ирушалаим и начать строительство Храма. Юлиан объявил также о своём желании идти войной на Персию, к Экбатане и Сузам.

Асаф принёс эти вести в бет-мидраш, восстановленный учениками раби на месте разрушенной бани кохена Элиазара в Тверии. За стенами пылал хамсин, но раби Шимон в глубоком размышлении почти не ощущал жары. Вчера он получил второе послание из далёкой, невообразимо далёкой страны, которая дальше Гиркании – из города Тэрэбанта.

"Где край земли и где оканчиваются пути изгнания? – думал он. – Персы не так страшны для евреев, как последователи жестокой секты, захватившей власть по обе стороны моря. Они ненавидят евреев и не позволят Юлиану одолеть персов. Не следует надеяться на Отступника – рано или поздно христиане свергнут его. Но если персы войдут в Ирушалаим, евреи восстановят Храм...".

В полдень шамаш принёс фрукты. Ученики сели, поджав ноги, на пол вокруг низкого стола. Раби взял в руки свиток и стал читать:

"В день третий от святой субботы, в первый день месяца Тамуз, в год 4121 от сотворения мира, пишем вам, праведникам Израиля, хранящим Тору под мечом врагов.

Здесь святая община народа Якова, возлюбленного Творца, благословенно Имя Его! Евреи города Тэрэбант как овцы без пастуха, как малые дети без наставника. Жаждающие мы, но некому дать из Источника, так как остались без учителя и не можем сами читать в шабат в соответствии с Законом.

Милосердный удостоит вас силой и здоровьем, а мы оплатим все расходы на дорогу и содержание того, кто возьмёт на себя заботу о наших душах.

Как сказал наш царь святой, Давид: "Чтобы спасены были любимые Тобой".

Бэ-эзрат ха-Шем, самые малые из детей Якова".

Раби отложил свиток и прикрыл глаза.

– Кто отправится на край земли? Мы обязаны жить в Эрец Исраэль, – прервал тишину Шломо Агалиль.

– Рабан Гамлиэль, – открыл глаза учитель, – разрешил идти в другую страну – обучать Торе и изучать Тору.

– Да-да, – заговорили все разом, – раби, ради заповеди следует идти. Мы пойдём, если ты решишь.

– Я решил. Путь опасен, но Всесильный нас сохранит. Караван Абу Юсифа выходит в дорогу в йом-ришон. Каждый, по желанию своему, может идти со мной.

Пять дней группа евреев, закутанных в арабское тряпье, шла с караваном купцов. На шестой день их принимала община Дамасэка. Это был первый шабат в пути, с горячей водой и крышей над головой.

Пришло время следующему шабату. В сирийской пустыне поселения далеки друг от друга, но караванчики не хотели терять из-за евре-

ев день пути. Тогда те отдали им десятую часть из всей суммы, собранной на дорогу, чтобы не бросили их без охраны.

Вечером, окончив все приготовления к шабату, раби Шимон очертил круг стоянки и обозначил *эрув тэхумин* – место шабатней стоянки. Помолились и сели за трапезу.

Глубокой ночью караванщики зажгли факелы и стали кричать. Слышны были топот и стоны, однако в пределы еврейского лагеря никто не вошёл. Ученики раби Шимона сидели, прижавшись друг к другу, ждали рассвета.

Постепенно небо от севера до востока прояснилось. Открылись следы побоища: шатры разорваны, нет ослов и верблюдов, нет товаров, которые они везли. И нет ни одного живого человека.

При свете солнца, обследовав всю стоянку, путешественники поняли, что ночью разбойники напали на лагерь, разграбили караван, перебили охрану, а остальных увели в плен. Чудо, что евреев не тронули. Наверное, потому, что стоянка их была в стороне.

Окончился шабат. Утром, сразу после ранней молитвы, маленький еврейский отряд двинулся в путь.

В пустыне нет дорог. Выбирай любое направление, только бы была вода. День за днём шли евреи на север, словно ангел вёл их. К концу дня приходили или к колодцу, или к источнику. Потом пустыня кончилась и ночёвки стали устраивать в селениях: сначала арабских, потом персидских, а иногда и еврейских.

Рано или поздно всё имеет конец – даже самая длинная дорога. К вечеру 18 Элула путешественников встречали евреи Тэрэбанта.

Пинхас Афгани, у которого был большой дом, взял к себе раби и его спутников.

Раби Шимона теперь звали Сэферо, потому что стал он *Софером* – учителем общины.

Оставшиеся дни готовились к Судному Дню.

После полуночи раби Шимон Сэферо приходил в *нимаз*, то есть в дом собрания – в бет-кнессет и трубил в шофар. Евреи становились вокруг и повторяли за ним слова Молитвы Раскаяния. Молились, пока солнце не поднималось над бирюзовым морем. Днём здесь же учили *Мишну* – начало Устной Торы, написанную на маленьких пергаментных свитках.

Один из свитков Мишны с расчётами еврейского календаря раби Шимон получил из рук самого рабана Гамлиэля II, правнука великого *хилеля* и деда раби Йеhуды ha-Наси.

Теперь, далеко от Йерушалаима, далеко от родной земли, евреи не потеряют ни одного дня в году, не потеряют ни прошлое, ни настоящее, ни будущее.

В эти несколько дней, оставшиеся до праздника, люди заблаговременно бросали работу и

собирались в большой выбеленной комнате. Сидели на полу на толстых грубых коврах, вслушиваясь в слова раби, поясняющего Мишну:

– Четыре раза в году Творец судит мир:

В Песах выносит приговор на урожай полей, сколько будет хлеба. В Ацерет, в праздник Шавуот, – на урожай садов, на фрукты. В праздник Суккот Творец выносит приговор на воду, на дожди, питающие Святую Землю.

Но в Рош а-Шана все люди проходят перед Ним, как ягнята перед пастухом, а Он, "Создавший сердца всех их, понимающий все дела их", решает судьбу каждого по делам исполненным и по делам, что должен был исполнить и не исполнил.

Евреи внимательно слушали, хотя не всегда понимали учёный язык *арамит* – арамейский, язык Талмуда, куда раби вставлял слова из священного языка. Приятнее было слушать его комментарии на фарси, но он неохотно пользовался этим языком в нимазе.

У общины было два *габая* – старосты, два старика: Азарьё бин Хия занимался хозяйственными делами, Нисон бин Зовулу ведал кассой. Каждый год, за день до Рош а-Шана, они становились перед общиной, и каждый год евреи кричали и спорили о потраченных деньгах.

А сейчас габай молча сидели под старой акацией и думали об одном: "Дорого, очень дорого обходится нам содержание торэхуна раби Шимона и его йешивы. Однако должны же понимать люди, что любая цена для Торы мала".

Повернулся Азарьё к другу:

– Потерянные мы в этом мире, забыли всё, а этот раби нам праздники вернул.

– И хоронить научил, – добавил Нисон.

– Если раби женить, он навсегда останется с нами.

– Барух ha-Шем, вдов у нас нет, но кто отдаст свою дочь за старика?

– Он старик? Нет, седой он, а голова бела от горя и страданий. На его глазах ноцрим убили жену и сыновей, а спасти их, привязанный к столбу, он не мог. И ещё скажу тебе, уважаемый Нисон, когда раби приходит в мой дом, мы поём *мизморы* – песни святого царя Давида. Он поёт, а я тихо повторяю, слушаю его и плачу: "Если бы не ha-Шем, который был с нами, когда народы восставали на нас, они, пылая яростью, проглотили бы нас живьём... Благословен Он, что не отдал нас на растерзание..."

Мы поём, а внучка Шошана садится в тёмный угол и не отрывает от него глаз. Надеется, что получит ответ от раби, и я хотел бы, чтобы стал он моим зятем. О, Благословенный, на то воля Твоя.

Между минхой и вечерней молитвой мужчины Тэрэбанта слушали габаев. Согласились давать на йешиву по динару с семьи и построить дом для раби, чтобы женился и жил как все.

Окончились осенние праздники. Холодный ветер дул с моря. То в одном, то в другом доме объявляли о свадьбе – это община приняла учеников раби.

Учитель теперь жил один в новом доме; никто не знал, когда он ложился и когда вставал.

Днём он молился или писал тростниковым пером на пергаменте, который сам же выделывал из бычьей кожи, засоленной в бочках габая Азарьё.

А ночью в его окне, затянутом бычьим пузырьём, горела лампада – горела подобно жёлтой звезде, близкой и далёкой одновременно.

Шошана, внучка старого Азарьё, поднималась на большой серый камень у дороги перед

домом, и смотрела на тень человека над лампадой.

Душа болела, что он одинок в этом мире, мечтала быть рядом с ним, служить ему, подавать ему еду... Но он не видит, не знает.

Когда возвращалась домой, её встречал дедушка. Все спали, а он учил внучку говорить с *ha-Шемом* или рассказывал о Дворе, которая была судьёй еврейского народа, рассказывал о моавитянке Рут – прабабушке царя Давида, рассказывал о Ханне, освятившей Имя Благословенного.

После этого Шошане снились холмы далёкой страны, высокие пальмы *тэмарим* – фиников, на берегу синего озера, и белый город, парящий над холмами.

Люди привыкли к раби Шимону Сэферо, к ежедневным беседам между двумя молитвами.

Но они не понимали, почему раби, когда читает в шабат, не желает объяснять слова Торы, пока не завершит всю недельную главу. Просили переводить каждый *насук* – стих, а он отвечал, что нельзя прерывать чтение. Евреи Тэрэбанта спорят, а он прикроет глаза и молчит.

В холодный зимний месяц, в ходеш Кислев, снежная пыль поднимается над горами, а в нимазе тепло, пахнет шабатными травами. Раби читает главу о лестнице Якова. Просили остановиться, объяснить, почему *мальахей Элоким* – ангелы Всесильного – поднимаются и спускаются, но он читал до последнего слова, до *маханаим*.

Рассердились на раби, окружили, кричат, что не служит общине, как надо. Он тихо-тихо – но все слышали, – ответил, что служит *ha-Шему*.

Однажды утром он сказал тем, кто был на молитве, что покидает город и возвращается в Иерусалаим, но что остаются его ученики. И просил он прощения у общины. Евреи слушали, молчали, и было им больно и стыдно.

Ветер с моря к земле гнёт, колючим снегом бьёт по лицу. Раби посмотрел на окна дома, где жил, на толпу замёрзших евреев на дороге, поднял правую руку, благословил их. В руке дорожная палка, мешок за спиной. Пошёл, как будто не касаясь земли, как чёрный парус, полетел под ветром.

Шошана выскочила из рук деда, бежит, вот-вот догонит. Нет, не догнала, упала на белую дорогу, плачет, кричит. А парус ветром унесло.

Талмуд Йерушалми (*Мегила 31б, перек 4, халаха 5*) упоминает об одном из еврейских мудрецов, аморае, раби Шимоне Сэферо, которого евреи Дербента (Тэрэбанта) позвали быть у них учителем и читать им Тору. Впоследствии, когда они потребовали прерывать чтение Торы после каждого предложения и объяснять прочитанное, он отказался, потому что

законы чтения Торы запрещают останавливаться на каждом предложении, пасуке.

Спор этот привёл к тому, что раби Шимон Сэферо оставил Дербент и вернулся в Эрец Исраэль.

ДЕРБЕНТ – ТЭРЭБАНТ

В III-I веках до н.э. на территории нынешних Азербайджана и Южного Дагестана возникло государство Кавказская Албания, в состав которого входил тогда Дербент.

I-III века н.э. были периодом расцвета Дербента, о чем свидетельствует большое количество привозных изделий и украшений из Сирии, Индии и Египта, найденных в могильниках этого времени.

При строительстве стали применяться хорошо обработанный камень с резьбой, глиняный раствор, алебастр. Появление квадратных крепостных башен свидетельствовало о дальнейшем развитии искусства фортификации.

В середине III в. н. э. Дербент был захвачен персидским царем Шапуром I, который "...разрушения и пожарища учинил". Однако окончательно под власть персов город попал только в IV в. н. э.

(<http://www.towns.ru/towns/derbent.html>)

Из Персии и Вавилона в Восточную Европу вёл короткий путь через Кавказ – через Азербайджан и Дагестан. В районе Дербента горы (Табасаранский хребет) близко подступают к морю, поэтому район этот, в виду своей значимости, стал местом многих войн.

С VII века персы ослабли, тогда за Дербентский проход стали воевать арабы и хазары. Греки называли его Албанским проходом, римляне – Хазар-

скими воротами, арабы – Дэрбент Бэб аль-Абваб или Бэб аль-Хадид (Главные ворота или Железные ворота).

Некоторое время Дербентом правил эмир, но в 1239 году монголо-татары захватили крепость, и пошли в Юго-Восточную Азию.

В XIV веке Ширванхан отвоевал Дербент, а в XVI веке его захватили турки, но долго там не удержались. Шах Аббас I присоединил город к Персии, а потом русские войска начали многолетнюю войну за Кавказ.

После смерти Надир-шаха Дербент стал самостоятельным ханством, пока в конце XVIII века кубинский хан – Фатали-хан – не женился на сестре *умция* – князя Кайтагского, Тути-Бике.

Он включил Дербент в свои владения и сделал его своей резиденцией.

В то время около Дербента было самое большое еврейское поселение Аба-Саба. Летней ночью 1797 года Кызыкумухский хан привёл многочисленную банду лакцев и разграбил село. Бандиты вырезали почти всё мужское население, от младенцев до стариков, а женщин и девочек изнасиловали, убили или увели с собой.

После смерти Фатали-хана ханом Дербента объявил себя Ших-али. Он поддерживал добрые отношения и с Персией, и с Турцией, и с Россией, а евреев уравнивал в правах с мусульманами.

Евреи вновь стали селиться в Дербенте и еврейская община выросла.

В 1806 году русские войска окончательно овладели Дербентом и установили границы с Персией и Турцией примерно в тех очертаниях, в каких они сохранялись до развала СССР.

ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ:

ЧТЕНИЕ ТОРЫ.

Тору читаем в шабат, в *йом-шени* и *йом-хамиши* – понедельник и четверг, в первый день нового месяца – *рош-ходеш*, в праздничные и полупраздничные дни – *холь ха-моэд*, в Пурим, в Хануку, а также в дни общественных постов – *тааниёт*. Открываем *арон ха-кодеш* – святой ковчег, выносим свиток и читаем Тору, когда в *нимазе* – синагоге –, есть не менее десяти евреев старше тринадцати лет – *миньян*.

В традиции горских евреев хранить свиток Торы в белой рубашке из хлопка. Сверху надевали нарядный бархатный, суконный или шёлковый чехол: бордовый, синий или зелёный. Дополнительным украшением служили шёлковые женские платки и *римоним* – гранаты, с колокольчиками.

Во многих общинах ещё сохранился среди женщин обычай по поводу радостного события в семье дарить Торе красивый женский платок.

В настоящее время свитки укладывают в футляры (иракская традиция). В футляре свиток хорошо сохраняется и его удобно прокручивать, однако легче читать свиток, развёрнутый на столе – когда Тора более доступна и велико ощущение близости к ней. Сам процесс укутывания свитка, подобный одеванию невесты, объединяет всех присутствующих в одну семью.

До последнего времени было принято, что свиток выносили шамаша. В синагоге обычно было два шамаша: один сидел слева от входа, другой справа. Они выносили и раскрывали свиток Торы, высоко поднимали открытый свиток, и евреи, указывая вытянутой ладонью на Тору, повторяли за раби: "Зот ха-Тиро ашир сам Миши ли-вни Йисроиль..."

Во время чтения шамаша стояли с двух сторон, как два стража или как два свидетеля.

Право чтения Торы покупали семь человек и восьмой – *мафтир*, для которого читали раздел из пророков. Преимущество имели родственники-*авелим*, то есть тех, которые были в это время в трауре. Поднимались к *биме* – возвышению, где читают Тору, – с правой стороны и спускались с левой стороны.

Удостоенный чести подняться к Торе благословлял до чтения и после чтения, потом называл имена умерших родственников, чтобы раби читал для них и для всех умерших в общине в течение года "Эль мале рахамим".

В обычае горских евреев было, что, вслед за человеком, вызванным к мафтиру, сидящие в зале повторяли благословения на *афтару* – соответствующий отрывок из пророков.

После чтения надевали на свиток рубашку и чехол и возвращали в арон *ha-кодеш*. Свиток проносили по всему залу, чтобы каждый мог к нему прикоснуться.

В горских синагогах не было отделения для женщин – *эзрат нашим*. Они приходили в синагогу на Йом Кипур, если были свободные места и им выделяли часть помещения, или же стояли у входа и у окон. При праздновании *бар-мицвы* – совершеннолетия мальчика, женщины заходили в зал с горящими свечами и слушали чтение Торы.

И ещё был обычай иметь в семье собственный свиток Торы, который хранили в особом шкафу или же в синагоге, вместе с общественными свитками, в арон *ha-кодеш*.

Свитки Торы горские евреи привозили из Багдада и Персии. В кубинской общине сохранился замечательный свиток Торы, написанный в Персии более трёхсот лет тому назад. Чёткое сефардское

письмо может служить образцом для современных переписчиков Торы – *соферов*.

С того времени, как Россия начала оккупацию Кавказа, горские евреи стали приобретать свитки Торы в Литве. Эти свитки написаны ашкеназским письмом, ктавом "Бет Йосеф".

Мезузы горские евреи писали сами. В гнизе синагоги кубинских евреев можно было найти мезузы трёхсот и четырёхсотлетней давности.

КНИГА ЖИЗНИ

Раби Рувин бен раби Шамуиль завершил пол-ночную молитву "Тикун хацот" шестого дня не-дели, йом-шиши. Жёлтый свет маленькой керо-синовой лампы едва высвечивал старческие, с разбухшими венами, руки раби, лежавшие на книге.

Через несколько дней Рош ha-Шана – Судный День, а потом Йом Кипур – День Искупления.

Очень тревожно на душе.

Армия персов во главе с жестоким Надир-шахом пришла к Шахдагу. Кровожадные персы вырезают селения, не щадят ни детей, ни женщин. Ни своих, мусульман, ни евреев.

– О, Худо! (О, Боже!) Если наша вина превышает заслуги поколения, будь милосердным к своему народу! Будь милосердным...

Вдруг слышит – ребёнок плачет за дверью, будто щенок воет. Встал, поднял лампу, подошёл, открыл дверь. Мальчик лет двенадцати прижимает к груди совсем голого малыша.

– Ой-ва-вой! – взволновался раби, – хоть и лето, а ночью холодно; скорее, скорее заходи!

Втащил их в комнату, двери закрыл на крюк и ковровый полог над дверью опустил.

Жена его, Томоти, выбежала из тёмной комнаты, словно не спала, укутала ребёнка шерстяным платком, полотенце стелет в углу; ставит хлеб, чашки с молоком, сыр.

Через минуту раби Рувим слушал рассказ, что этой ночью бандиты Надир-шаха напали на еврейское селение Гулькоты и устроили страшную резню и насилие. Мальчик успел выхватить из *гохрэ* – люльки-качалки – своего братика, убежал к речке, а теперь сидит здесь, у раби.

Посмотрел раби на жену:

– Иди, – говорит, – по домам евреев Кусары, пусть мужчины поднимутся в нимаз – беткнессет, а женщины и дети дома сидят. Милосердный, Он поможет нам...

В это утро, 27 Элула 5494 (1734) года от сотворения мира, за три дня до Рош ha-Шана, до Судного Дня, молитва общины была особенно сосредоточенной.

Один из двух ящиков для пожертвований – *содоко* – для помощи своим бедным, быстро наполнился. Кто знает, скольким евреям эта помощь сегодня потребуется. Деньги второго ящи-

ка, предназначенные для Йерушалаима, давно были готовы к отправке, но никто не хотел рисковать в такое опасное время.

К концу молитвы сказали, что ещё две еврейские женщины прибежали в Кусары и спрятались в доме Зэрахиё.

От их рассказов замирала душа и, если бы не глубокая вера, поддерживавшая изгнанников сотни и сотни лет, бежали бы с этих мест, как бежали из Святой Земли.

Солнечный день ворвался в молитвенный зал через двенадцать окон. Один за другим евреи вышли во двор и сели в круг. Одни завершали молитву чтением Теһилим, другие изучали "*Шулхан Арух*" или святую книгу "*Зоһар*".

А раби открыл старую книгу в кожаном *переплёте*:

– Братья мои, приближается День Страшного Суда, а следом День Искупления. Грехи наши отправим в скалы Азазеля, а исполненные заповеди посвятим ha-Шему, Благословен Он. Перед Его великим Именем мы склоняемся в Йом Кипур четыре раза. Перед Именем, которое произносил в Храме Главный Коһен.

Священная книга "*Зоһар*" в комментарии на главу "*Насо*", лист восьмой, объясняет, что коһены, приняв на себя Его благословение, этим Именем благословляют еврейский народ. Но цепь благословений на этом не обрывается. Мы передаём её дальше и благословляем народы мира и животный мир. Не на зло, а на добро. Не на войну, а на любовь. Не на смерть, а на жизнь...

Поднял раби голову, видит ужас в глазах евреев. Поворачивается – меч занесён над его головой. Не слышал, как вошли во двор нимаза воины Надир-шаха со своим предводителем. Злодей решил, что раби, душа и сердце общины,

– лёгкая добыча, вырвал меч из ножен, чтобы убить праведника.

Но страшный удар поразил не голову, а книгу, которой раби прикрылся от удара. Меч упал на землю, стало тихо-тихо и оцепенели бандиты в страхе.

Тогда сказал Надир-шах:

– Еврей, ой-ва-вой мне! Я разрубил святую книгу, совершил зло в глазах Всемогущего. Он не дал пролить кровь, спас тебя и твой народ. Раскаиваюсь и не причиню вам зла.

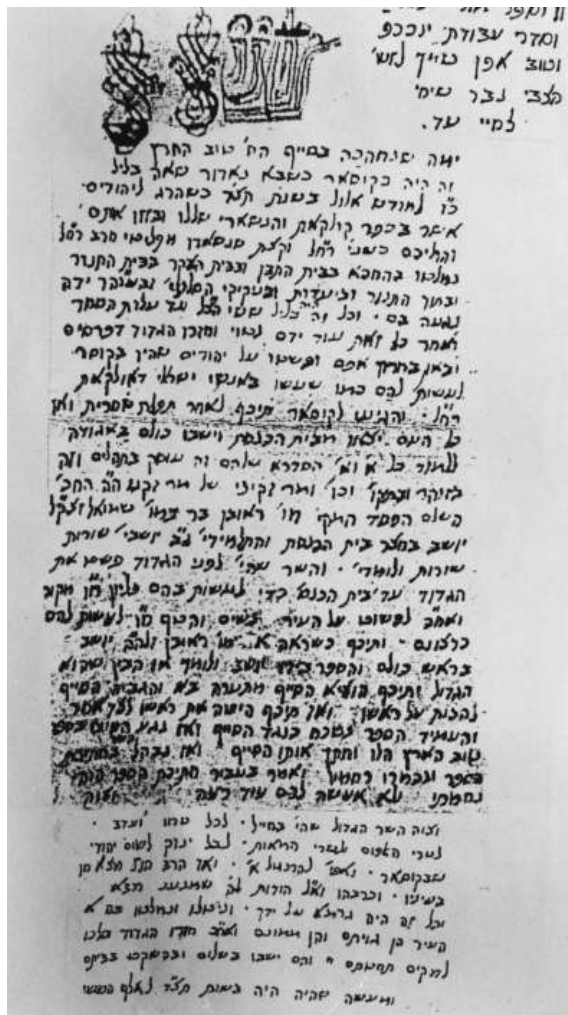
Приказал вернуть награбленное, вскочил на коня и исчез.

Евреи Гульготы, те, кто остался жив, успев спрятаться в поле, в скирдах соломы или в горных пещерах, вернулись в свои дома – оплакивать и хоронить погибших.

Не прошло и года, почти всё село перебралось к столице кубинского хана, на левый берег реки Гудялчай, где уже находилось поселение "Еврейская Слобода".

Пройдут ещё годы. В Кусары придут лезгины, устроят страшный погром оставшимся. Тогда ку-сарские евреи отстроят в Еврейской Слободе – сто-лице кубинского хана, свой бет-кнессет и свой квар-тал.

И святой город Йерушалаим будет отстроен вско-ре, в наши дни, и возвратятся все изгнанные домой. Аминь.

В старой книге, изданной в Венеции в одном кожаном переплёте – три книги: "Ор наарав" ("Сумерки") без титульного листа, "Йом ha-Кипури" ("Служба в День Искупления") р. Моше Кордоверо, 1857 г. и "Тов ha-арец" ("Добро страны") Натана Шапиро, 1665 г.

На внутренней стороне правой обложки рукой раби Гуршума бен раби Рувина Мизрахи, внука раби Гуршума бен раби Давида, внука раби Рувина бен раби Шамуила, записана история чудесного спасения еврейского народа.

Рукописная страница из книги – свидетельство того, что горские евреи жили в соответствии с законами Торы, в любви и преданности Творцу.

А на левой стороне записана родословная семьи Мизрахи от раби Йосефа, 1450-1526 гг, и до раби Ихиеля бен раби Хаима, 1901-1972 гг, благословенна память праведников.

1. Раби Юсуф	76	1450-1526	רבי יוסף
2. Раби Ирмия-даян бен раби Юсуф	75	1479-1554	רבי ירמיה-דיין בן רבי יוסף
3. Раби Яһудо-даян бен раби Ирмия	76	1524-1600	רבי יהודה-דיין בן רבי ירמיה
4. Раби Фарадж бен раби Яһудо-даян	78	1574-1652	רבי פרג' בן רבי יהודה-דיין
5. Раби Шамуиль бен раби Фарадж	76	1620-1696	רבי שמואל בן רבי פרג'
6. Раби Рувин бен раби Шамуиль (держал книгу в руках)	79	1662-1741	רבי רובן בן רבי שמואל
7. Раби Давид бен раби Рувин	77	1690-1767	רבי דוד בן רבי רובין
8. Раби Гуршум бен раби Давид	76	1730-1806	רבי גורשום בן רבי דוד
9. Раби Реувен бен раби Гуршум	75	1778-1853	רבי ראובן בן רבי גורשום
10. Раби Гуршум Мизрахи бен раби Реувен	76	1815-1891	רבי גורשום מיזרחי בן רבי ראובן
11. Раби Исхог Мизрахи бен раби Гуршум	78	1852-1930	רבי יצחק מיזרחי בן רבי גורשום
12. Раби Хаим Мизрахи бен раби Исхог	56	1881-1937	רבי חיים מיזרחי בן רבי יצחק
13. Раби Ихиил бен раби Хаим	71	1901-1972	רבי יחיאל בן רבי חיים

В 1965 году сын раби Хаима, Захар Хаимович, завершил многолетний труд – генеалогию своей семьи: рода Мизрахи, что ведёт своё начало от великого раби Абайе. Книга альбомного типа написана чёрными чернилами, замечательным почерком на двух языках – левая страница на иврите, правая на русском языке.

Надир-шах, один из самых ужасных злодеев мира, родился в 1688 году в Хорасане, в бедной семье тюркского племени афшаров.

В юности попал в рабство, после освобождения собрал отряд разбойников. В 1726 году у него уже было три тысячи всадников. Предложил свою помощь шаху Персии и возглавил его армию. Талантом и жестокостью захватил власть и сам стал шахом. Провёл множество победоносных войн. Его кровожадность по отношению к иноверцам была беспредельной.

Он уничтожил много еврейских сёл в Азербайджане и Дагестане; некоторые сёла приняли ислам, стали татскими, лезгинскими, аварскими или азербайджанскими: Грыз, Щудук, Хиналуг, Сююб, Ючкюн, Кунак-кент и Джалган. Пирдамиш, Рюкэл, Ми-таги, Мугарти, Камах, Зидиян, Билха-дих, Хамай-дих, Дарваг, Зил, Татил, Джараг, Хапил и другие, затерянные во времени.

Во время Второй мировой войны воинские части советской армии, потерявшие на Курской дуге большую часть своего состава, были размещены для отдыха и пополнения в районе Кубы. Могин Давыдов вместе с другими солдатами, оставшимися в живых, побывал в сёлах Шахдага.

Он рассказывал, что мусульмане, узнав, что он горский еврей, заводили его в свои дома, угощали хлебом и показывали старые еврейские книги.

Всеволод Миллер писал: "Жители села Ахты (Дагестан) до сих пор сохраняют воспоминания о том, что их предки были евреями, что и сейчас там есть лезгины, зажигающие в пятницу вечером свечи".

Рассказывают, когда один из отрядов Надир-шаха захватил еврейское село Ахты, раби общины отдал свою сестру замуж за предводителя, а сам принял ислам и таким образом сохранил жизнь всем

евреям. Поэтому село получило название "Ахты" (*ахоти* – на ивр. "моя сестра").

После истории с книгой Надир-шах обратил свою ненависть на арабов и персов. И тогда в 1747 году придворные и охранники убили его.

ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ:

БЕТ-КНЕССЕТ – СИНАГОГА – НИМАЗ

В давние времена при застройке еврейского поселения или квартала сначала строили синагогу – нимаз, а потом вокруг неё жилые дома. Первые синагоги на Кавказе были семейные. Одна семья насчитывала от семидесяти до ста двадцати человек – мужчин, женщин и детей.

Это были небольшие деревянные постройки. Потом евреи, объединявшиеся по месту исхода, стали строить здания из *самана* – обожжённого кирпича – и камня, для большего числа молящихся.

К настоящему времени в некоторых азербайджанских, татских и лезгинских сёлах в Азербайджане и в Дагестане сохранились здания бывших синагог. Их переоборудовали под мечети.

В конце XIX-го века стали строить большие общинные синагоги из обожжённого кирпича. Архитектура их имеет общий для всего Кавказа восточный стиль.

Во дворе отделяли особые участки: один для общественных нужд, в другом резали птицу.

Согласно традиции, горско-еврейская синагога – нимаз – имела двенадцать окон и два входа. В юго-западной стене была особая ниша, где располагался арон *ха-кодеш* со свитками Торы.

Даже днём перед молитвой справа и слева зажигали свечи. В стенах устраивали ниши для книг.

Перед арон *ха-кодеш* для чтения Торы устанавливали возвышение – *биму*, с шестью ступенями.

Полы устилали коврами, которые тщательно чистили перед праздником Песах. Но они и так оставались чистыми, потому что обувь снимали у входа.

Входить в намаз в обуви традиция горских евреев запрещает.

В старые времена сидели на полу, но потом стали устанавливать деревянные скамейки.

В синагоге около бимы устанавливали *купот цедака*, на горско-еврейском языке – *содоко*. Одна для бедных общины, другая для йешив и для бедных в Ирушалаиме. И ещё одна – *содоко-шакалим*, в которую бросали мелкие деньги с первого дня месяца Адар.

Каждая семья имела свои места, которые передавались по наследству. Авелим, которые были в трауре до тридцати дней, сидели в особом ряду. После тридцати дней меняли место.

Каждая синагога имела как минимум двух *шамашей* – служек, которые должны были зажигать светильники, готовить к молитве книги, Сэфер-Тору, места для молящихся и созывать евреев для чтения *сэлихот* – молитв о прощении в месяце Элул.

Часто шамашы были большими праведниками и мудрецами Торы, обладали красивым голосом и вели молитву. Они также были обязаны помогать скорбящим в устройстве похорон и в приготовлении поминальной трапезы.

До советского периода на Кавказе строили большие синагоги, чтобы было достаточно места для всей общины. Синагоги имели большую святость, и все евреи охотно участвовали в их содержании.

СТРОИТЕЛЬ

Йеһуда бен Шимон Якубов
(раби Евдо)

Он родился в городе Баку в 1960 году. Ему было пятнадцать лет, когда семья совершила восхождение в Израиль. Поселились в Акко.

Но к Торе пришёл сам, уже взрослым человеком – в двадцать шесть лет. Учился в Хайфе, в колеле "Ор Тора", в 1991 году американские евреи ("Ваад ле-нацала" – "Комитет спасения") послали его в Азербайджан, в Красную Слободу.

Месяц учил там еврейских детей буквам древнего языка. На следующий год снова приехал и ещё сорок дней занимался в школе с мальчиками и девочками. Рассказывает, что сам в это время учился у раввина Кубы, раби Нуваха.

Раби дал ему одну старую рукописную книгу – историю скитаний и страданий евреев на Кавказе. Читал и плакал над ней, вошла она в его сердце со слезами, пролитыми нашим многострадальным народом.

Вернулся домой, сидит в синагоге, а после молитвы сосед спрашивает:

– Вас, горских евреев в городе, наверное, двести семей, почему не открыли свою синагогу?

– Кто же нам даст, – отвечает.

– Иди, проси землю, а ха-Шем поможет построить.

Пришёл к главному раввину Акко, раби Лопесу Шалому. Рав похвалил за хорошую идею и послал к мэру города. Мэр тоже еврей, дал землю, но где взять деньги на строительство?

Поехал Евдо в Москву к богатым землякам. Привели его к Тельману Исмаилову, одному из богатейших бизнесменов России. Удивился Тельман, что тот просит всего 180 000 долларов на постройку.

– Нет, – говорит, – на барак денег не дам, если строить, так храм, чтобы каждый знал, что пришёл в дом ha-Шема.

Вернулся Евдо домой, сделал макет, снова поехал в Москву, показывает. А люди удивляются – неужели это он такое чудо сотворил?

Евдо сам заказчик и сам архитектор. Почти не спал, что ел – не помнит. Тело отдыхало только в шабат, а душа трудилась без отдыха. А он и рад, что ha-Шем удостоил его такой работой.

На открытие синагоги "Барух Мордэхай" собрались тысячи евреев – освящать её молитвой и чествовать строителя. Действительно – Храм молитвы.

И ещё один построил, более великолепный, в Тират-Кармеле. По заданию Заура Гилалова, благословенна память его. А потом третья синагога – в Сдероте.

Сам остался раввином горской общины в Тират-Кармеле. Создал там музей традиций горских евреев.

Да благословит его ha-Шем для великой стройки в Йерушалаиме!

РАББИ НИСОН, ВНУК РАББИ ДАВИДА ИЗ НАЛЬЧИКА

На террасе княжеского дома сидели князь Чегемский и еврейский судья – *даян*, раби Нисон, а перед ними стояла толпа народа, и стоял конь. Князь уважал раби и нередко пользовался его советами. Так и сейчас он пригласил еврейского мудреца помочь ему решить спор между двумя кабардинцами.

Рассказывает один:

– Уважаемый князь, меня зовут Хасан, а конь этот – мой. Только выехал из верхнего села: у дороги хромой молла стоит, руку тянет. Дал ему монету, а он спрашивает, не соглашусь ли подвезти до Чегема, с раннего утра в пути, ноги болят, сил нет. Пожалел бедного человека: "Садись сзади", – говорю. А он отвечает, что слаб очень, боится ехать за спиной, упадёт.

Посадил его перед собой, едем. Как стали подъезжать к Чегему, говорит мне: "Слезай с моего коня, иди себе". Удивился я, что он моего коня своим называет. "Слезай, – говорю, – сам, неблагодарный".

Стал он кричать, людей созывать, что будто бы довёз меня, а я у него коня отбираю. Люди на крик сбежались, ему верят – мне нет, чуть не побили. Но это я его привёз, верни, князь, моего коня.

– Говори ты, молла, – приказал князь.

– О, мой господин, всё не так. Я подвёз негодного. Видели люди, что уздечка была в моих руках, значит – конь мой.

– Да... да, – зазвучали голоса, – видели мы, что он уздечку держал, он коня погонял.

Задумался князь. Действительно, у кого в руках уздечка, тот и хозяин.

– Что скажешь, почтенный раби Нисон?

– Есть ответ, – улыбнулся раби, – пусть все отойдут от коня на десять шагов, а потом каждый позовёт его. Посмотрим, к кому подойдёт.

Так и сделали. Один кричит, другой кричит, третий; пока Хасан не свистнул. Задёргал конь ушами и побежал к нему.

Как увидел молла, что не удалось обмануть, опустил голову и захромал прочь, даже палку свою забыл.

Было это в шестой день недели. Время уже шло к закату, поэтому евреи, приехавшие торговать с кабардинцами, подошли ближе и говорят:

– Раби, пора ехать, скоро шабат.

– Да-да, – сказал раби, – езжайте, я сам приду.

Удивились они:

– Раби остаётся у князя? А домой когда вернётся? Пешком идти из аула до Нальчика не меньше трёх часов. В шабат у раби Аскара – годовщина смерти отца. Ведь он должен читать *мафтир* и *кадиш*.

Видят: раби не встаёт, сели в бричку и погнались домой.

Солнце касалось снежных вершин гор, в еврейских домах Нальчика зажгли шабатные свечи. Мужчины заполнили двор нимаза, ждут начала молитвы. Все уже знали, что раби Нисон остался в Чегеме.

Когда шамаш открыл двери, евреи вошли в зал и были поражены увиденным. Раби, уже в шабатней одежде, сидел на своём месте и читал Теһилим.

Знали раньше, что для него нет ничего невозможного, но первый раз удостоились увидеть чудо своими глазами.

Таких праведников, как раби Нисон, на иврите называют *бааль ха-нэс* – мастер чуда, властвующий

над материальным миром. Раби Шимон бар Йохай, его друзья и ученики, раби Хаим бен Атар, многие и многие праведники преодолевали пространство и время силой своей праведности и глубочайшего знания Торы.

Рассказывает раби Мардахай Гилядов, раввин общины горских евреев города Нацрат-Илит:

– Приходили к раби Нисону евреи, просили, чтобы написал что-нибудь от глаза, или сделал бы какую-нибудь *сегулу*. Отказывался раби, объяснял, что к евреям дурное не пристаёт, что праведных евреев *на-Шем* охраняет.

Благословенны праведники, на которых опирается народ. Спустя многие годы после тяжких испытаний евреи Нальчика возродили язык Торы в отстроенной синагоге.

На Всесильного наша надежда, Он защитит Свой народ, вернувшийся к Нему с раскаянием. Амен.

ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ:

ТОРЭХУН

Торэхун – так называли евреев, которые читали и комментировали Тору для общины. Горские евреи с большим уважением относились к своим раби – *шохетам, моһэлям*, раввинам. Праведных и знающих Тору шамашей тоже называли "раби".

Но *торэхун* – *хахам*, пользовался особым почётом, его слово в делах общины было решающим, а советы – особенно ценными.

Главный раввин (талмудист) города Баку в 1925 году раби Сэвгиль Рувинов.

Чаще всего одного из *тархунов* избирали раввином общины. И *даяном* – судьёй – мог быть только *торэхун*.

Община содержала раввина и даяна, но очень скудно. Они бедствовали, если у них не было побочного заработка. Поэтому, хотя породниться с ним было большой честью для любого еврея, не всегда отцы соглашались отдать своих дочерей в дом *торэхуна*.

Во многих еврейских поселениях на Кавказе торэхуны открывали школы – *нубохундэ* – и талмудторы. А жены их занимались с девочками.

Опровергая мнение многих историков, изучавших быт горских евреев по ограниченным источникам, смеем утверждать, что горско-еврейские девочки изучали святой язык Торы.

Они читали еврейские книги, изучали молитвы, законы и правила, которые должны знать все еврейские женщины. Свидетельствуем в этом от своего имени и от имени своих родных.

Помимо Торы, Мишны и Талмуда, "Шулхан Аруха" и Мидрашей горско-еврейские мудрецы изучали книгу "Зоһар". Они переписывали багдадским письмом "Сэфер һа-горалот" – "Книгу жребиев", и нередко использовали каббалу при лечении больных, или защищая свою общины от опасности.

РАББИ ИСРОИЛЬ

*По мотивам книги Б.Б.Маноаха "Пленники
Салманасара"*

В Нукоре (совр. Рукель) праздник. Хан Нукора за- сватал невесту для своего внука Теймураза. На полу террасы большого саманного дома, на коврах и подушках расположились уважаемые гости из ближних и отдалённых аулов.

Рядом с собой хан посадил близкого друга, еврея, раби Исроиля Мизрахи. Для евреев Дагестана мудрый раби был наставником и защитником. Он был провидец и мог читать в сердце человека. Врать при нём не имело смысла, поэтому мусульмане боялись и уважали его.

Все ели жирную баранину, варившуюся кусками в огромных чёрных казанах, а еврея хозяин угощал виноградом, жёлтой айвой и ароматными ногайскими дынями.

Случилось, что на торжество приехал хан отдалённого аула, который никогда не слышал о раби. Он поднялся на террасу, поклонился хозяину, и его лицо запылало гневом. Сев у самого выхода, он спросил:

– Разве еврей может сидеть рядом с правоверным?

– Этот еврей – молла, – объяснил сосед.

А хозяин поднялся сам, поднял раби Исроиля и, поддерживая его за локоть, подвёл к недовольному

гостю. Гость тоже встал, а люди прекратили есть, и наступила полная тишина.

– Друг мой, – обратился раби Исроиль к хану, – скажи этому человеку, чтобы немедленно вернулся домой.

– Что-то случилось? – удивился хан.

– Да-да, ему нельзя сидеть здесь.

Гость в бешенстве отскочил в сторону и схватился за кинжал. Посмотрел на сидящих мусульман, которые неизвестно кого станут защищать – его или презренного еврея. Быстро спустился во двор, нашёл своего коня и умчался прочь.

Раби Исроиль посмотрел на сидящих мужчин, которые как будто ожидали продолжения. Но когда они снова взяли в свои руки пиалы с шурпой, вернулся на своё место и заговорил:

– Братья мои, написано в наших книгах: "Настоящий мудрец тот, кто учится у каждого человека". Каждый из вас может научить другого тому, что он знает лучше всех. "Настоящий силач тот, кто подчинил себе свои желания и владеет собой. Настоящий богач тот, кто доволен тем, что у него есть".

Большого уважения заслуживает тот, кто уважает других, умеет найти доброе в каждом человеке.

Кто он, этот человек? Лезгин, кумык, перс, еврей? Бедный или богатый? Знатный человек или простолюдин?

Написано: "Творец сотворил человека по Своему образу". Каждого человека. Не уважая человека, мы не оказываем должного уважения Творцу, благословен Он! Да будет Он нашей защитой!

– Да будет так! – ответили все.

Раби Исроиль встал, поклонился хозяину и гостям, спустился с террасы и пошёл своей дорогой.

Через неделю к дому раби подъехала большая повозка, нагруженная коврами, одеждой и фруктами.

Выгрузили всё и передали ему письмо от того человека, который уехал голодным с торжества.

– Враги, – пишет он, – пока меня не было, заперли мою жену и детей, обложили дом соломой и, если бы я не вернулся вовремя, сожгли бы их. Еврейский молла, спасибо, что уберёг нас от несчастья, Аллах поможет тебе делать людям добро и даст здоровье на долгие годы.

НАСТАВНИКИ И УЧИТЕЛЯ

Десятки племён и народов Кавказа могли бы жить в мире, если бы не фанатики ислама и креста, жаждавшие крови. И те и другие уничтожали селения и города, убивали не только иноверцев, но и подобных себе.

Святого раби, которого любили и почитали евреи и неевреи, знатные люди и крестьяне, – раби Исроиля, убили соседи-мусульмане, проклятые за это своими сородичами.

После раби Исроиля наставником и учителем горских евреев стал раби Элияһу бен раби Мишаэль, 1781-1848 гг. Ему было двадцать три года, когда умер гаон ha-Хида, раби Хаим-Йосеф-Давид Азулай – один из величайших еврейских мудрецов. Раби Элияһу учился у него в Ирушалаиме, потом учился в Багдаде и, когда вернулся домой, во всех общинах горских евреев установил *седер тэфилот* (порядок молитв) ha-Хида.

Раби Элияһу стал первым главным раввином горских евреев. Его авторитет признали все раввины и все горско-еврейские общины Кавказа. Он организовал в еврейских посёлках школы и бет-мидраши. По свидетельству И. Чёрного, только маленькая еврейская колония Нальчика имела в то время три школы.

И. Анисимов приводит такие данные: "У горских евреев на 59,86 домов (почти на шестьдесят семей) приходится одно училище". У неевреев Кавказа – "одно училище на 154,3 д. (более чем на 154 семьи)"

А в России тех лет, где было множество известных писателей и учёных, по свидетельству историков Буганова В.И. и Зырянова П.И., одна школа приходилась на 386 семей.

У раби Элияһу учился и впоследствии стал духовным наставником евреев Кавказа раби Ицхак бен раби Яаков.

Раби Ицхак родился в 5555 (1795) году. В возрасте двадцати семи лет женился на дочери раби Нисана и отправился завершать образование в йешиву города Белая Церковь.

Через тринадцать лет вернулся в Дербент и купил дом, в котором открыл Центр Торы, где вёл обучение по системе восточноевропейских евреев, занимался с одарёнными юношами и давал им *смиху* – диплом, шохета, моһэля и рава.

В 5605 году он был избран даяном, а после смерти раби Элияһу раби Ицхак стал главным раввином Кавказа.

В те годы русские войска захватили Кавказ и вели жестокую войну с местными племенами, Персией и Турцией.

Евреи очень страдали от этой войны. Раввин должен был быть защитником своего народа, дипломатом, чтобы отводить постоянную угрозу уничтожения и грабежей евреев мусульманами.

Раби Ицхак надеялся, что русская армия установит на Кавказе порядок и евреи получат защиту от беспредела и беззакония. За активную поддержку России в 1860 году он получил от царского наместника на Кавказе серебряную медаль и особую грамоту.

В 1868 году раби Ицхак оставил вместо себя своего сына раби Яакова (Яангиля) и посвятил последние годы жизни углублённому изучению Торы.

Он умер 11 Сивана 5637 (1877) года, тысячи евреев оплакивали его и похоронили на еврейском кладбище Дербента. Благословенна память праведника!

Раби Яков бар Ицхак, автор книги "Элокей Ицхак", стал после отца духовным руководителем всех горских евреев на Кавказе и в Эрец Исраэль.

Его биография сходна с биографией раби Йосефа-Хаима, который больше известен как Бен Иш Хай. Они были современниками. Их интересы, их деятельность и судьба во многом совпали.

Отец раби Йосефа-Хаима, раби Элияху, был главным раввином Багдада. Как Йосеф, так и Яков учились у своих отцов. В раннем возрасте они проявили гениальные способности в изучении Торы и заслужили уважение и почёт в своих общинах.

Раби Яков Ицхаки родился в 5606 (1846) году, в двадцать два года был признан главным *даяном* – судьёй, и главным раввином Дагестана. Он много ездил, добирался до самых отдалённых еврейских поселений на Кавказе, обучал ивриту и халахе и сам изучал местные обычаи, народные сказания и песни.

В месяце Тевет 5636 (1876) года раби Яков Ицхаки прибыл в Иерусалим.

Его встречали Ихиель Пинес, рав Салант и другие еврейские мудрецы. Он учил с ними священную книгу "Зоһар" и молился у Котеля – Западной Стены

Храма. "Я готов стоять и плакать здесь без еды до шабата", – признался он раби Ицхаку бен Цви, который сопровождал его в путешествии по Эрец Исраэль.

Через одиннадцать лет раби Яков Ицхаки вновь прибыл в Эрец Исраэль, чтобы поддержать общину дагестанских евреев. Он организовал помощь евреев из разных стран евреям Персии, когда им угрожала голодная смерть.

Как и отец, раби Ицхаки искал пути к мирному решению национальных проблем на Кавказе. От имени Общества помощи дербентским беднякам заходил в дома бедных мусульман, давал им деньги и еду.

Евреи Кавказа любили его, мусульмане и русские уважали. В 1907 году он стал членом Комиссии по выборам в Государственную Думу России.

Но ни почёт, ни благополучная жизнь не остановили его от давнего стремления совершить алию. В 5667 (1907) году он вместе со своей семьёй поселился в Йерушалаиме, недалеко от горско-еврейской синагоги, в Шхунат ха-бухарим – квартале, построенном бухарскими евреями.

Здесь он стал раввином общины, давал уроки и писал книгу. Он назвал её "Охалей Яков". Книга состояла из трёх частей.

Первая часть, "Охель ха-эдут" – сборник молитв на Рош ха-Шана и на Йом ха-Кипурим. Вторая часть – "Охель моэд", сборник молитв на три праздника: Песах, Шавуот и Суккот. И третья часть – "Охель бат Цион" – молитвы и песни для постов и траурных дней.

В 5668 (1908) году в Йерушалаиме напечатали первую часть в двух томах, включающую, помимо

основных молитв, *сэлихот* – молитвы о прощении. Но остальные книги до сегодняшнего дня остались в рукописях и судьба их неизвестна.

Раби Яков Ицхаки умер в 5877 (1917) году и был похоронен 21 Сивана на har ha-Zeytim (1917 г.).

Благословенна память праведника!

Более подробно о нём пишет доктор Мардэхай Альтшуллер в капитальном исследовании "Евреи Кавказа".

На снимке внизу:

1913 год, члены кавказской общины в Ирушалаиме на Масличной горе – *har ha-Zeytim*, на месте захоронения сестры раби Песаха Эльканы Субаева. Он в левом ряду, первый от могильного камня; рядом с ним Ишуа-Ханох, третий – Йеһуда бен раби Йосеф, и крайний – раббай Шалом Ханукаев.

Сидят в первом ряду, справа налево: Менаше бен раби Йосеф (1) и Барух Ишайя (16).

Стоят во втором ряду (, справа налево: первый – Азизи Дербенди, далее – Амаль Дагестани (2), раби Эвьятар (3), за его спиной Аба Ханох (4), рядом хазан бет-кнессета горских евреев в Ирушалаиме (5), раби Шэмуэль Михалов (7). По центру, рядом с раби Шэмуэлем – раби Яков Ицхаки (8), рядом раби Биньямин (9), сзади над ним – раби Йоханан Шаулов.

ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ:

ЙОМ КИПУР

В Йом Кипур (*Кипур*) больше суток, от вечера до вечера следующего дня, евреи не пьют воду и не едят. Тем не менее, для всех это самый радостный день в году, душа возносится над землёй, и пост проходит легко.

По традиции, горские евреи заранее закупами кур и петухов и утром перед праздником совершали обряд *капарот* – искупление.

Резали белую курицу за девочку или женщину, петуха за каждого мальчика или мужчину, а для беременной женщины – одну курочку и одного петуха. Варили целиком и отправляли родственникам, потому что самим нельзя было их есть. Родственники, в свою очередь, готовили своих кур и отправляли им.

Перед праздником, до захода солнца, дети просили прощения у своих родителей.

Мужчины шли купаться в речной запруде, в озере или в море, а женщины тщательно мылись дома горячей водой. Все надевали праздничные одежды и устраивали особую семейную трапезу без вина и водки.

В каждом доме до выхода звёзд зажигали особые свечи, *нер нэшама*, в память об умерших – по одной на каждого, и свечи в честь Йом Кипура.

В синагоге шамаши зажигали большие восковые свечи, которые горели до конца следующего дня, до завершения праздничной молитвы.

По обычаю почти всех горско-еврейских общин, вечером, в Йом Кипур, евреи до молитвы выкупали право взять в руки Сэфер-Тору. Извлекали из *арон*

ха-кодеша все имеющиеся свитки Торы и семь раз обходили вокруг *бимы*.

Раввин надевал белый халат и в полной тишине громко произносил три раза "*Коль нидрей*". Люди повторяли за ним слова прощения, возвращали свитки Торы в *арон ха-кодеш* и читали вечернюю молитву.

Заканчивали вечер молитвой скорбящих – "*Эль мале рахамим*". Все, у кого умерли родители или близкие родственники, читали кадиш сироты.

Праведные евреи и старики ночь проводили в синагоге, читали книгу Теһилим. С ними оставались дежурить шамашы.

Вечером вокруг синагоги собирались женщины, они стояли у входа и около окон. Иногда, во время чтения Торы в утренней молитве, один угол в зале освобождали для женщин.

К концу праздника Йом Кипур в синагоге и вокруг неё собиралась вся община – и взрослые, и дети. Слушали трубление шофара и расходились по домам на праздничный ужин.

КРУГ

В чисто выбеленной маленькой комнате, на подушках перед низеньким столом, заваленным священными книгами, сидел раби Гюршун. Закатное солнце едва пробивалось в узкое окно над его головой. Душа раби пребывала в тишине и покое.

Слабый стук в дверь остановил течение мысли. Раби прислушался, а когда стук повторился, сказал:

– Дверь открыта, мир и благословение входящим!

Согнувшись над кривым посохом, в комнату втиснулся старик.

– Мир тебе, раби, сохранит тебя Творец. Помоги мне...

– Кто ты? Что с тобой случилось?

– Я несчастный пастух. Каждое утро евреи выводят ко мне своих коров, я пасу их, а вечером возвращаю. Сегодня же, когда коровы ели траву на заброшенном поле, за рекой, смотрю: нет одной. Бегаю, ищу, с ног сбился. Исчезла – никаких следов. И чья корова? Бедного Хаима. Ой-ва-вой! Ой-ва-вой! Помоги, раби, помоги найти её.

– Чем я могу помочь тебе, старик? Не в мои годы бегать по горам, искать пропавших коров. Сочувствую тебе. Ищи сам, может, найдёшь...

Заплакал пастух, стоит, полой халука слёзы вытирает.

– Попроси, – говорит, – ha-Шема, пусть поможет вернуть корову.

– Ты ведь тоже еврей, – отвечает раби, – помолись, Он Милосердный, и тебя услышит.

– Нет, раби, я простой человек, а ты лицом к лицу с Ним разговариваешь, прошу тебя, пожалей меня, если не меня, так бедного Хаима – как он будет без коровы, чем будет кормить детишек, одиннадцать их, чтобы они были здоровы...

Подумал немного раби Гюршун.

– Не плачь, старик, – говорит, – видишь на столе чистый лист пергамента? Подай мне.

Взял лист, открыл пузырёк с чернилами, окунул перо и нарисовал круг. В центре круга написал слово и с четырёх сторон, с внешней стороны круга, написал какие-то слова. Дал пастуху.

– Посмотри и спрячь, – говорит, – завтра после утренней молитвы найдём вашу корову.

Старик поднёс лист к свету. Смотрит, не поймёт – что за слова, что за знаки? Спрятал за пазуху, поклонился и, пятась, чтобы не повернуться к раби спиной, оставил комнату.

На следующее утро после молитвы пастух ждал раби Гюршуна во дворе синагоги – нимаза, как говорят *джууру* – горские евреи. Вышел раби, тронул его за рукав:

– Веди, – говорит, – туда, где ты пасёшь.

Пришли к окраине леса. Слева луга, справа, на другом берегу горного ручья – пшеничное поле. Поднялись они на большой камень над водой, смотрят: в поле, в примятой пшенице очерчен круг, в середине круга корова стоит, головой крутит; а снаружи волки зубами щелкают, землю царапают, но преодолеть черту и войти внутрь не могут.

Увидел пастух такое, поднял над головой свой посох, закричал в гневе, кинулся на волков. Испугались волки и убежали, только толстые хвосты мелькнули в пшенице. А старик уже привязывает верёвку к рогам коровы, гладит её, не нарадуется.

Когда вернулись в село, спрашивает:

- Раби, что ты сделал? Как сотворил такое чудо?

- Какое чудо? Молитва помогла нам, не только моя, но и твоя, хорошо ты молился сегодня утром, хорошо...

- Раби, я же вижу, что ты святой человек, пойду, расскажу всем – пусть знают, какой праведник наш рав.

- Нельзя рассказывать об этом, если расскажешь, корова подохнет.

- Нет-нет, раби, никому не расскажу, пойду-ка быстрее, обрадую бедного Хаима, пусть подоит свою корову.

ПАРДЭС

Сотни лет, вплоть до конца двадцатого века, горские евреи жили замкнутой общиной, и о них мало что было известно. Среди горско-еврейских раввинов были *нистарим* – скрытые праведники, поддерживающие мироздание. Они вмешивались в текущие события, когда в молитвах получали на это указания Небес.

Один из них, раввин общины кубинских евреев – раби Гершон (Гюршун) бен раби Реувен, 1815-1891 гг, благословенна память праведника, обладал Тайным Знанием.

Мацева – памятный камень на месте захоронения раби Гершона бен раби Реувена на старом кладбище Еврейской Слободы.

Это он записал на книге, разрубленной Надир -шахом, историю о чудесном спасении евреев Кусары.

Его род берёт начало от раби Йосефа (Юсифа) Мизрахи, 1450-1526 гг, пришедшего на Кавказ из Персии. А правнук раби Гершона, раби Элиэзер, благодарение Всевышнему, взошёл в Эрец Исраэль и поселился в Кармиэле.

Чтобы получить право на глубинные познания в Торе – на Каббалу, мало одного желания. Помимо природных способностей и трудолюбия нужны особые духовные качества.

"Знание это, – пишет Рамбам ("Морэ нэвухим" – "Путеводитель растерянных", часть 1, гл. 62) со слов мудрецов (*Кидушин* 71a), – передают только тому, кто благоразумен, скромн, находится в середине своих лет, не гневается и не опьяняется, не настаивает на своём и вежливо разговаривает с людьми".

Обладающий знанием даже мысленно никому не причинит вред.

"Основанием Каббалы, – говорит раби Хаим Виталь, благословенна память праведника, – служат Пятикнижие, Книга Пророков и Книга Писаний" (Шаарей кэдуша: часть 1, врата 5).

Из этого источника черпает тот, кто стремится к познанию и установлению крепкой связи с Творцом. Он обязан пройти через фильтр 248 повелевающих и 365 запрещающих заповедей и довести до совершенства качества своей души.

"Но тому, кто жаждет Каббалы, недостаточно изучать законы Торы по книге "Шулхан Арух". Устная Тора – путеводитель вошедшего в Пардэс, Сад Торы" (Торат рабену Хаим бен Атар).

Буквальное значение слова ПАРДЭС – цитрусовый сад. ПарДЭС – аббревиатура, начальные буквы:

"П" – *пшат* – простой и понятный смысл), ;

"Р" – *ремез* – намёк;

"Д" – *драш* – толкование;

"С" – *сод* – секрет, тайна.

Раби Акива и три его товарища вошли в ПАРДЭС. Один потерял рассудок, другой умер, третий стал апикорэсом, еретиком, и только раби Акива получил, сохранил и передал Каббалу ученикам.

Откроем "Мидраш отиёт дэраби Акива".

– Сказал раби: Алеф – первая буква (אָלֶף). Что значит АЛЕФ? Тора объясняет, что это Эмет (אֱמֶת), Ламед (לֶמֶד), Пиха (פִּיחַ), т.е. Истина обучает твои Уста, чтобы удостоился Олам ха-зэ (Этого мира). А в

обратном порядке **פלא**, чтобы удостоился Олам ha-ба (Будущего мира).

Другое значение Алеф (**א'**) – Эфтах Лашон Пэ – открою свои уста (**א'פתח לשון פיה**) и в обратном порядке Пэ Лашон Эфтах – уста свои открою (**א'פתח לשון פיה**).

Сказал Благословенный: "Открою уста всем живым существам, чтобы прославляли и воспевали на четыре стороны света Мою власть.

Буква Алеф (**א'**) – это Юд (**י**) справа и Юд (**י**) слева, и тело Вав (**ו**), к которому они крепятся. Гиматрия (числовое значение) этого: Юд = 10, Вав = 6 и снова Юд = 10, итого = 26, т.е. гиматрия Имени Творца.

До середины двадцатого века горские евреи изучали и знали *Лашон ha-Кодеш* – святой язык, иврит. Сохранились и дошли до наших дней рукописные книги по Каббале, Теһилим, особые сидуры, сборники *сегулот*, написанные или переписанные мудрецами Кубы, Дербента, Нальчика.

В Кубе находится книга, по которой раввины сверялись и давали совет, какие действия человек должен выполнить, чтобы Всесильный помог ему.

Еврейские мудрецы были раввинами, шохетами, шамашами. Нередко им приходилось заниматься каким-либо ремеслом, чтобы прокормить семью.

Раби Шият и раби Ихмель Сави из Еврейской Слободы были почтальонами.

В 1998 году в доме, который принадлежал когда-то раби Шияту, размещалась йешива. Во время уборки перед Песахом на чердаке дома студенты йешивы нашли множество священных книг, принадлежавших раби Шияту. Наряду со старинными томами Мишны, Талмуда, Агады, "Шулхан Аруха, Рамбама" обнаружили трудные для понимания

книги по Каббале. К сожалению, они были настолько ветхими, что пришлось отправить их в гнизу.

ПИСЬМО

Каждый день на Ирушалаим срываются с неба холодные дожди. Месяц Шват всегда был холодным. Темно и холодно в крошечной каменной комнатке.

Ихиель сидит за низким столом и при свете маленького фитиля, выглядывающего жёлтым глазом на лист бумаги, выводит твёрдые ровные буквы.

"Из Йерушалаима, святого города, да будет он отстроен вскоре, в наши дни, пишу вам. От Циона Тора, а речение ha-Шема из Йерушалаима.

К вам, родные мои, братья и товарищи, к близким моим и взрастившим меня, с глубоким почтением к праведникам Кубы и Кулькоты обращаюсь сегодня.

Мир вам, Гуршум бен Ицхак, Элкана бен Авнер, Давид бен Эфраим, Реувен бен Давид, Сасон бен Эфраим, Хаим бен Реувен, Моше бен Йеһуда, Йошива бен Йеһуда, Нисан бен Хананья, Исраэль бен Шимон, Ханука бен Давид, Песах бен Йеһуда, Мардэхай бен Йеһуда, Шломо бен Ицхак, Асаф бен Аһарон.

Мир главам святых общин Губы и Гульготы.

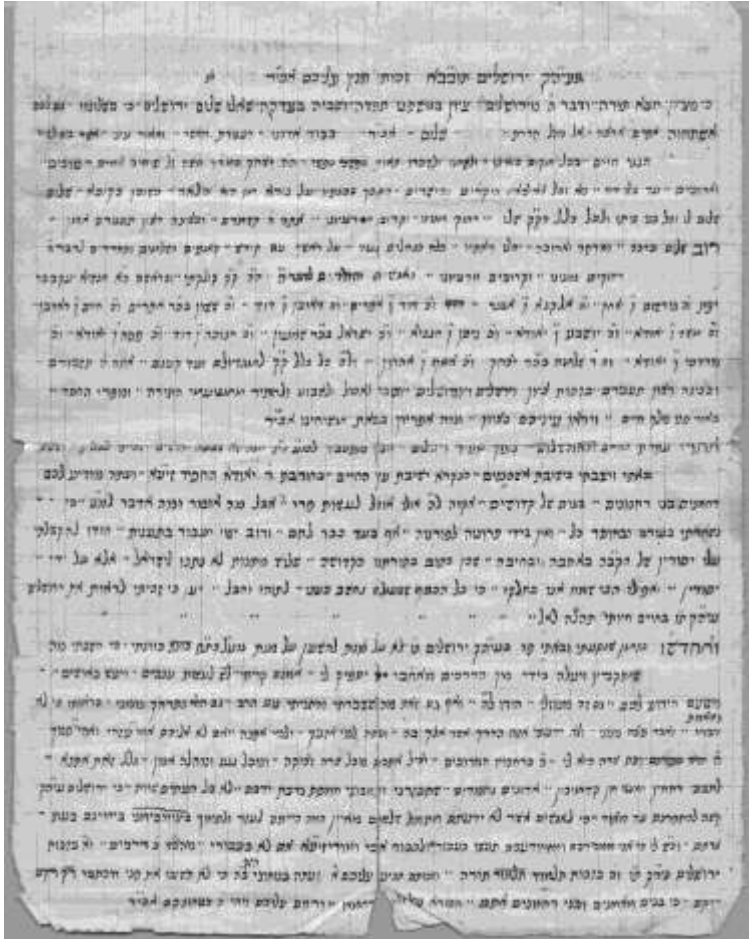
Мир нашему народу.

За заслуги Ирушалаима и Циона укрепитесь в исполнении заповедей и будьте преданны Торе Его.

Семь месяцев назад я совершил алию в святой город и сижу в йешиве наших ашкеназских братьев "Эц хаим". Учитель мой – праведный хасид раби Йеһуда, чтобы дал ha-Шем ему здоровья и долгих лет жизни! А я, самый малый из его учеников, с трепетом открываю Гемару и внимаю его словам.

Великая радость жить и учиться в Ирушалаиме. Даже когда день за днём нахожусь в цоме, то

есть голодаю, потому что нет и одной пруты на хлеб. Страдания тела своего принимаю от Создателя нашего с любовью. Написано в Гемаре: "Три подарка получает Израиль через страдания"...

Здесь, в Иерусалаиме, невозможно найти какой-либо заработок. Евреи, братья наши, бедствуют. Из Губы и Гульготы вы посылаете деньги даже тем евреям, которых не знаете, и, конечно, поможете близкому вам. Я не думал, что буду просить о помощи, и уже писал, но ответа не получил. Почему?

Обещаю, что пойду на Котель, пойду в Хеврон, к Пещере Праотцев наших, пойду к могилам праведников молиться за вас, за ваше благополучие и за мир для вас и ваших детей.

Ихиель, сын праведного учителя и отца моего раби Моше, благословенна память праведника в веках".

Ихиель отложил перо и не стал перечитывать написанное. Теперь, когда голова освободилась от напряжения, голод от живота поднялся к груди. Чтобы заглушить голод, нет лучшего средства, чем сон.

"Нет, почитаю, – решил Ихиель, – "Сэфер Йецира" – "Книгу Сотворения", которую я взял у раби Яакова Ицхаки".

Маленькая книга в одной обложке с вложениями "Тикун хацот" и "Тикун тэфилот". Только успел Ихиель вытащить её из старой залатанной сумки, как фитиль погас – выгорели остатки керосина. Стало темно. Он положил голову на книгу и сразу уснул.

Видит, что стоит на берегу горной реки. Вода прозрачная, с голубизной, шумит, огибая белые камни. "Не может быть, – подумал он, – что это сон". Подошёл к воде, стал на колени, зачерпнул ладонями, поднёс к губам – холодная, -холодная и живая, и губам, и всему телу хорошо.

Поднял голову, смотрит и удивляется, как изменилось всё вокруг. Куда ни посмотрит – на пышные деревья, на птиц, пляшущих среди веток, на облака – видит, как они рождаются, как живут и как исчезают в пространстве. И великую силу почувствовал в себе, что может он одним желанием, одним словом или дом построить, или хлеб из земли извлечь.

Слышит сквозь шум воды, зовут его: "Ихиель! Ихиель!". Обернулся – по дороге вдоль реки люди идут, много – тысячи и тысячи.

Смотрит – все знакомые, всех видел раньше и даже ел за одним столом. Зовут его, чтобы с ними шёл, руками машут. А он не может уйти от реки. Думает – надо людей к воде повернуть, чтобы пили, чтобы сил набрались.

Дорога у них долгая, дальше в горы поднимется, тяжко им будет, тяжко. Как же их напоить?

Надо или дорогу направить к реке, или реку направить на дорогу, но только, если ha-Шем пожелает. Положил ладонь правой руки на левую и стал молиться:

– Рибоно шель Олам, Всесильный и Всемогущий, Милосердный и Справедливый, Ты даёшь жизнь и отбираешь, Ты наказываешь и прощаешь, даёшь есть и пить даже недостойным – поверни народ этот к воде, чтобы пили и не погибли от жажды.

– Рибоно шель Олам, Всесильный и Всемогущий, Милосердный и Справедливый, как долог путь этого народа, как велики его страдания, Ты видишь, что одни идут вперёд, другие возвращаются и падают. На них наступают, их топчут. Поверни их дорогу к реке, чтобы пили и жили, чтобы пили и были сильными.

– Рибоно шель Олам, Всесильный и Всемогущий, Милосердный и Справедливый, устал народ от долгой дороги и от своих грехов. Они как дети. Поверни к ним эту реку, чтобы пили и жили дети Твои.

Смотрит Ихиель на идущих, из глаз слёзы текут. Знает, какие страдания их ожидают, и плачет. Повернулся к реке, над водой туман поднимается, то ли от холода, то ли от жары.

Туман горизонт закрыл, туман Ихиеля окутал, скрыл деревья, дорогу и людей на дороге. Шум воды скрыл, и крики людей заглохли в тумане.

Со слов раби Ихиеля, благословенна память его, записал этот сон Симанду Ифраимов из Нальчика, удостоенный внимания праведного учителя йешивы "Эц хаим", раби Йеуды.

Ирушалаим.

5659 год от сотворения мира.

Разве время остановишь? Те, которые стоят, кого мы видим здесь, они разные и они в движении. Общество на иврите – *ЦиБуР*: **цадиким** – праведники, **бейноним** – средние и **рашаим** – злодеи.

Всегда наш народ в движении. Изгнанники ушли из Эрец Исраэль и возвращались учить Тору или умереть на Святой Земле.

Возвратит Всесильный Свой народ в Ирушалаим, вскоре, в наши дни. Амен.

ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ:

УЧИТЬ И УЧИТЬСЯ

Родители обязаны учить своих детей Торе, заповедям и обычаям нашего народа, обязаны обучить их профессии, чтобы те могли в будущем обеспечивать свою семью.

С раннего детства, с семи-восьми лет, детей приучали к труду и обязанности заботиться о своих близких. С этого же возраста приводили к частным учителям. Даже самые бедные евреи не нарушали традицию и старались исполнить родительский долг.

Согласно традиции, горско-еврейские раввины, шохеты и даже некоторые шамашы сами набирали себе учеников. Обучали древнееврейскому алфавиту, *ктаву ашури* – т.н. ассирийскому письму, которым пишут Сэфер-Тору, и *некудот* – знакам огласовки. С первых дней учили писать багдадским письмом – *ктав багдади*. Деловые записи и письма горские евреи, как правило, писали багдадским письмом.

Учебники были большой редкостью. Учитель писал буквы и слова на иврите, а ученики многократно их переписывали в свои листки. В еврейских сёлах Азербайджана и Дагестана дети постарше учили арабское письмо.

Первыми книгами, по которым они учились читать, были Хумаш (Пять книг Торы) и сидур – молитвенник. Хумаш начинали изучать с книги "Ваикра".

День за днём заучивали наизусть некоторые главы, а учитель переводил текст на горский язык. Он заставлял их читать и заучивать наизусть молитвы по нусаху гаона ha-Хида, раби Хаима-Йосефа Азулая (5484-5566). Учили Мишну и халахот. С тринадцати лет учили Талмуд.

Раньше в каждой горско-еврейской общине были школы для мальчиков: *нубохундэ* или *талмидхундэ*. Большие общины имели несколько школ.

С конца XIX века некоторые родители стали давать своим детям светское образование.

Обычно раввинское образование передавали по наследству. Но бывали исключения, когда юноши, стремившиеся к углублённому изучению Торы, становились учениками известных раввинов или отправлялись учиться в Эрец Исраэль, или в ашкеназские йешивы Польши и Литвы.

Книги доставляли из Йерушалаима, Багдада, Тебриза и Кушты. После того, как Россия оккупировала Кавказ, книги стали привозить из Польши, Украины и Литвы. Часть книг поступала с ходоками из Йерушалаима.

Стоили они очень дорого, однако обычаем требовал, чтобы в каждом доме были хумаши́м, молитвенники и Теһилим.

Коммунисты до последних лет существования советской власти вели жестокую войну с этой традицией. Коммунисты потеряли власть, а традиция осталась.

В традиции горских евреев почитать и уважать своих родителей и учителей. Не только ребёнок, даже взрослый не сядет в присутствии учителя и не станет разговаривать без его разрешения.

В давние времена учителя, как и родители, имели право наказывать учеников и никому из них это не повредило. "Щадящий розгу свою — ненавидит сына своего, а кто любит его — с детства наказывает" (*Мишлей, 13:24*).

Раньше не было горско-еврейских школ для девочек. Образование и воспитание они получали дома, от своих бабушек и мам. В некоторых общинах жена раввина дома давала уроки письма и чтения.

Девочки обязаны были изучать женские законы, заповеди шабата и праздников. С малых лет до замужества их обучали семейным традициям и ведению домашнего хозяйства.

Живой народ не растворится в другой среде и не откажется от своих традиций.

ТЕЧЁТ РЕКА КУДИАЛЧАЙ

В 1937 году в СССР закрыли почти все синагоги, а тысячи раввинов и тысячи верующих евреев были расстреляны или сосланы в сибирские лагеря.

Опустели одиннадцать синагог – нимазов большого еврейского селения "Красная Слобода" на берегу Кудиялчай. Некоторые из них разрушили молодые фанатики-коммунисты, а другие, основательные кирпичные здания, построенные архитектором Илле-лем бен Хаимом, стали складами или мастерскими.

Евреи втайне молились то в одном, то в другом доме. Чужих не боялись – если доносили, то только свои.

– Так было и с нами, – рассказывает Сэви бен раби Яагу, – в том несчастном тридцать седьмом году я был "бар-мицва", то есть было мне тринадцать лет. Жили мы очень бедно, отец был хазаном в нимазе раби Абайе. Пока нимаз работал, отец получал хлеб и какую-нибудь крупу, а как закрыли нимаз – плохо стало, голодно. Летние дни длинные, а ночи короткие; старались лечь раньше, чтобы сном голод заглушить.

Наш дом был крайним в селе. Река за оградой так шумела, что мы не сразу слышали стук в окно. Мать испугалась, просит отца: "Не открывай!" Отец раздвинул занавеску, смотрит – солдаты стоят, а с ними еврей в форме офицера. "Это же мой бывший ученик, – говорит, – не страшно".

Только открыл, этот офицер вошёл, ученик его, и солдаты с ним, человек пять. Отца, мать, двух братьев моих и меня у окна поставили, а сами обыск

устроили. Что искали в бедном доме, где ни денег, ни хлеба не было?

А книги были, много книг, *сифрей кодем* – святые книги: Тора, Талмуд, рукописные... Их солдаты по полу раскидали, ногами топчут. Больно и страшно было это видеть.

Потом отца на дорогу вывели, а я следом побежал. Бегу, плачу. Схватил того еврея, ученика отца, за рукав, чтобы отпустил. Он остановился, посмотрел на меня и раскрытой ладонью так ударил, что я свалился под ноги и сознание потерял.

Не знаю, сколько лежал, светало, когда домой вернулся.

Отца в бакинской тюрьме расстреляли. За что? Так он же хазан был, *шелиях цибу*, от общины перед *на-Шемом* молился.

Через двадцать один год в газете прочитали о его посмертной реабилитации. А в том нимазе, где он был хазаном, сейчас *йешива* – бет-мидраш.

Благословенна память праведников! И вас *на-Шем* благословит на добрую долгую жизнь. Амен.

6 августа 1937 года коммунисты закрыли эту старую синагогу раби Абайе, деда раби Натана бен раби Нуваха, раввина Красной Слободы.

Храм молитвы превратили в склад, потом в чулочную мастерскую, потом в ковровую фабрику. Синагога была магазином и рестораном, два раза горела, а в 2000 году община при содействии американской благотворительной организации "Ваад ле-нацала" восстановила свои права на полуразрушенное здание.

Почти три месяца шёл ремонт. 6 августа 2000 года туда переехала йешива "Шмират ха-Шем" и около ста кубинских ребят провели первое занятие Торы и первую молитву "Минха".

РАБИ ИХИЕЛЬ СЭВИ

Война от края мира до края, где смерть под бомбами, а где от голода. Горе и страдания не обошли и Красную Слободу.

Ровно в полдень 18 января 1942 года, в поселковой двухэтажной больнице Лиза родила мальчика. В это же время Ханна, старая мать её мужа, получила повестку о гибели сына. Она стояла на дороге, держала обеими руками перед собой маленький листок, сложенный вдвое. Ей казалось, что она держит тяжёлый кирпич. Она напрягалась, раскачивалась и пыталась удержать крик, который медленно поднимался от сердца к голове.

Лизе сказали, что свекровь болеет и потому не приходит к ней. Только через три дня, переступив порог белого саманного домика, Лиза поняла, что здесь соединились смерть и жизнь.

На седьмой день Лиза, закутанная в толстый шерстяной платок, стояла у входа в почтовое отделение. После яркого света на улице глазам было темно, трудно было увидеть того, кто там сидит. А когда раби Ихиель Сэви встал, сказала:

– Раби, я родила мальчика, завтра восьмой день, муж погиб, в доме нет мужчин. Кто сделает брит? Кто будет за отца? Кто будет сандак? Нет у меня денег для раби, нет денег для вина, нет еды для угощения. Этот мой мальчик – еврей, как же он будет жить без брита?

– Чья ты, дочка, как тебя зовут, дочка? Лиза, дочь Нэхамиё? Помню, помню твоего отца, благословенна память праведников.

Иди, Лиза, домой, *Худо келэ* – Благословенный, поможет! С Его помощью и брит-милу сделаем и ви-

но найдём, и *хурдэ-бурдэ* – хороший пир для всех устроим.

Женщина подняла голову, хотела улыбнуться, не смогла, закрыла лицо платком и пошла прямо по глубокому снегу вдоль дороги. А раби смотрел, как она идёт, и шептал:

– Шир ha-маалот, эсса эйнай эль hэ-hарим, ме-аин яво эзри. Эзри ме-им Ад-най, осэ шамаим ва-арец...

Подниму глаза к горам – откуда придёт мне помощь? От Господа нашего, создавшего небо и землю.

Спустя час раби Ихмель Сэви стучал в двери кабинета главного колхозного бухгалтера Гирила Гуршумова.

Сел, взял руку Гирила в обе свои руки и сказал:

– Есть у нас сестра, и есть у нас живой мальчик вместо погибшего брата. Завтра у нас праздник, брит-мила, нужны продукты.

Выслушал его Гирил, достал лист и стал писать, а потом открыл боковую дверь в контору и позвал хромого Ягуба:

– Иди, – говорит, – собери людей по этому списку, всех, кого найдёшь, приведи.

Налил в стаканы чай, поставил блюдце с бирюзовым колотым сахаром. Сидят, пьют, молчат, каждый думает о войне и о мальчике, ставшем сиротой до своего рождения.

Стали подходить люди. Занесли табуретки, скамейку. Кому не хватило места, стояли и слушали раби:

– Расскажу вам короткую историю, – начал он, – о царе одного города, где было три квартала. Решил царь проверить, насколько его подданные послушны ему.

Приказал на площади каждого квартала поставить большую бочку, чтобы за ночь наполнили её вином – от каждого дома по ведру.

Жители первого квартала подумали так: "Бочка большая, и если я вместо вина принесу воду, одно ведро среди тысячи царь не заметит".

Один налил воду вместо вина, другой, третий...

Среди жителей второго квартала тоже нашлись такие, но не все: одни заливали в бочку воду, но другие несли вино.

Жители третьего квартала были рады исполнить приказ царя, каждый принёс из своих лучших винных запасов.

Утром царю доставили по кувшину из каждой бочки.

Попробовал из первой и приказал казнить всех жителей первого квартала.

Попробовал из второй бочки и приказал наказывать палками жителей второго квартала. Всех – потому что нельзя узнать, кто лил воду, а кто вино.

Дали царю вино из третьей бочки, стал он пить, весь кувшин выпил. Приказал наградить по-царски тех, кто такое замечательное вино не пожалел для царя...

– Братья мои, – сказал раби Ихиель Сави, – Царь наш, благословенно Имя Его, ждёт от нас чистого вина, ждёт, что мы со всей душой исполним Его заповеди. Завтра в три часа дня брит-мила для сына Нисима, погибшего на фронте, да упокоятся души праведников в мире.

Слушали евреи и кивали: "Каждую семью затронула война, в посёлке остались женщины, дети, старики и инвалиды. Похоронные извещения идут с первого дня. Поможем друг другу – выживем".

Гилил встал со списком и зачитал имена евреев, что и сколько получит каждый для праздника на колхозном складе на свои трудодни. Кто муку для хлеба, кто рис, кто фрукты, кто вино. А кому и по несколько рублей выписал.

Дом старой Ханны не вмещал всех гостей, заходили по очереди, говорили добрые слова и оставляли подарки.

На белом столе, на подушках, мальчик уже не кричит, смотрит вверх – не может понять, куда он попал и что с ним сделали. Раби поднял бокал вина:

– Благословен Ты, ha-Шем, Царь вселенной, Который освятил своего возлюбленного с момента его рождения и запечатлел закон на плоти его, и потомков его отметил знаком священного союза. И в награду за это повелел, наша Доля, Оплот наш, спасти души от уничтожения ради союза, знак которого сделал на нашей плоти.

Благословен Ты, ha-Шем, заключающий союз.

ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ:

БРИТ-МИЛА

Нет в еврейской семье большей радости, чем рождение ребёнка, хотя многие наши евреи родившимся мальчикам рады больше, чем девочкам.

На восьмой день от рождения мальчику делают обрезание. Даже в шабат. Это великий праздник и для ребёнка, и для отца, и всех евреев.

Если ребёнок болен – ждут до полного выздоровления. В таком случае делать *брит* можно в любой другой день, кроме шабата. Переносят на более поздний срок, если другой ребёнок в семье умер сразу после обрезания. Запрещено отодвигать брит-милу из-за траура или любой другой причины.

В ночь перед брит-мила устраивают особое собрание – *Брит-Ицхак*.

Традиция требует, чтобы отец ребёнка, его родственники и друзья в эту ночь учили Тору. Потому что связывают его приход в этот мир с изучением и исполнением заповедей Творца.

Хорошо, когда кто-либо из присутствующих находит в эту ночь *хидуш* – новое толкование закона Торы или даёт комментарий на недельную главу. В эту ночь пьют крепкие алкогольные напитки и благословляют плоды дерева и земли. К сожалению, эта традиция переродилась в обычное праздничное застолье.

На следующий день проводят обряд обрезания. Родители мальчика должны позаботиться, чтобы моёль был не только специалистом, но и праведным евреем, соблюдающим шабат и кашрут.

Хирург имеет право выполнять операцию только под руководством раввина.

Брит-мила будет кошерной только в том случае, если после обрезания плоти, **мила**, выполняют **пэрия** и **мецица**. Следует быть очень осторожным, чтобы не навредить своему ребёнку, не лишить его союза с Творцом.

Многие неевреи делают обрезание, но без **пэрия**, и это просто операция, выполняемая из гигиенических соображений.

Обряд проводят в присутствии десяти взрослых евреев. Мама мальчика передаёт его бабушке или другой родственнице, а та – *сандаку*. *Сандаком* обычно выбирают дедушку, дядю или другого уважаемого и дорогого семье человека.

Когда вносят ребёнка все встают и говорят: "Барух ха-ба!" – "Благословен пришедший!" (букв. "Добро пожаловать!")

Принято зажигать одну большую свечу и несколько маленьких. Вино для благословения обязательно должно быть кошерным. Этим же вином мажут губы младенца.

Заповедь брит-милы искупает провинности отца ребёнка и моёэля с сандаком.

Не принято было приглашать на брит-милу, потому что быть при этом свидетелем – мицва для каждого еврея.

Более двух тысяч лет горские евреи находятся в изгнании, но сохранили заповедь брит-милы и сохранили еврейские имена. Имя мальчику дают в благословении, сразу же после обрезания, а девочке в синагоге, перед открытым свитком Торы, в первый шабат от её рождения.

Чаще всего используют родовые имена – бабушек и дедушек. Или же традиционные еврейские имена из ТаНаХа и Талмуда.

Произносят имена в соответствии с традиционными *таамим* – особенностями произношения. Например, Моше произносят как Миши, Йеһуда –

Евдо, Биньямин – Бэними, Тирца – Тирсо, Лея – Лиё, Ципора – Сипро и т.д. *(В конце книги приведены традиционные имена горских евреев.)*

После обрезания мальчика возвращают женщинам. От глаза и от воздействия тёмных сил в изголовье постели ребёнка горские евреи кладут или книгу "Теһилим", или любую другую книгу со священными текстами.

Устраивают обязательную трапезу с вином, рыбой, мясом и фруктами. Традиция горских евреев – дарить гостям подарки: носки и носовые платки мужчинам и головные платки женщинам.

Брит-мила в Красной Слободе спустя шестьдесят лет. Моһэль – рав бакинской синагоги раби Ревуен. Сандак – Ицхак Мардахаев.

СВАДЬБА

Авелим – скорбящие – не устраивают свадьбы в течение года. Кубинские евреи отменяют уже назначенную свадьбу, если умер даже не близкий родственник.

Бывает, что несчастные "молодые" ждут три, четыре и пять лет, потому что родственников много и всегда кто-то умирает. Это плохо, но с обычаями трудно спорить.

Когда умер дядя жениха, Дина рыдала так, словно умерший был для неё самым близким человеком.

Она сидела на ковре в углу большой общей комнаты. Кто-то подходил, садился рядом, потом уходил. Дине казалось, что ничего хорошего в жизни уже нет и не будет, она навсегда останется в доме матери и будет нянчить чужих детей.

На восьмой или на девятый день после похорон пришла к ней Яфа – сваха, которая знает всё обо всём, даже как из горбоносой девчонки сделать красавицу-невесту, а из хилого мальчишки – статного жениха.

– Раби Ихиель Сэви тебе поможет, – говорит, – пусть пойдёт к нему твой брат.

Через час брат Исай и раби Ихиель Сэви пили чай на террасе чайханы и составляли план. Исай должен был убедить жениха, а раби взял на себя его родителей.

Оказалось, что жениха убеждать не надо. Они сели на траву над рекой. Внизу ворчала вода, потому что камни мешали её течению. Небо над Шахда-

гом казалось бесконечным, а желания легко осуществимыми.

– Я хочу быть доктором, – сказал Исай, – после вашей свадьбы поеду учиться.

– А я построю дом в два этажа. На первом будет большой зал и большой стол на пятьдесят человек, а на втором – восемь комнат. Одна для меня и Дины, и семь – для наших детей: для четверых мальчиков и трёх девочек.

Сказал и вспомнил, что свадьбу отложили на год, опустил голову.

В Красной Слободе немного жителей – пять или шесть тысяч, все друг друга знают, многие связаны родственными узами.

Сохранили еврейские традиции и старинные обычаи. Не все, конечно, но шабат многие старики соблюдают, а на Песах даже коммунисты не едят хлеб. Ни тюрьмы, ни лишение прав, ни агитация не оторвали людей от Б-га, от того, что глубоко в сердце каждого еврея.

Похоронный обряд сохранили таким, каким он был и сто, и двести лет тому назад. Купают покойника, заворачивают в *ахироти* (*тахрихим* – саван), молитвы читают, кадиш. После похорон семь дней сидят на полу, родственники умерших не бреются год и по шабатам поднимаются в нимазе к чтению Торы.

Ещё остался старинный свадебный обряд. Сваतуют невесту – составляют *кэтубу* – договор, раби пишет списки того, что жених дарит невесте. Миквы давно нет, придумали отдельные номера в бане, где утром подружки купают невесту, а в полдень друзья купают жениха.

Кидушин – посвящение – делают под *хупой* – свадебным балдахинном, раби читает *кэтубу* и семь благословений, потом жених разбивает стеклянный бокал, потому что Ирушалаим ещё не отстроен.

Горе и радость всегда рядом. Смерть и рождение.

Умирает человек – родные над ним плачут. Рождается – он плачет, а родные смеются. Пока не женат или не замужем – как будто младенец в утробе матери. А после хупы жених и невеста – семья, сила ха-Шема. Он их соединил, чтобы жили по Его слову.

Пришёл раби Ихиель Сэви к отцу жениха:

– Не отнимай у детей год жизни, – говорит. – Ха-лаха разрешает вам свадьбу, а то ведь невеста может и пострадать. Назначай день, не сразу – так через два месяца или через три.

Внимательно выслушал он раби, встал и вышел из комнаты.

"Нет, – думает раби, – я не отстану".

На следующий день опять пришёл. Отец жениха сидит, слушает, не отвечает. Думает: "На позор устраивать свадьбу? Умер сын дяди – вместе росли, один кусок делили в войну, – теперь пить-веселиться?" Встал и вышел из комнаты.

Вновь пришёл раби, положил руку на его плечо и говорит:

– Знаю, боишься, что скажут люди, боишься, что не придут, не сядут за стол. Я соберу людей. Без музыки пойдём, с песнями, которые пели наши отцы, наши матери, заведём невесту в твой дом. Назначай срок, не жди годовщину. Для нас что год, что два – не зацепишься. Для детей даже один день в ожидании – потеря. Юность и на день не остановишь, не то что на год.

Отвечает:

– Оставь меня, раби. Дети – мои дети, и горе – моё горе. Как было, так и будет.

Ночью лежит, не может уснуть, крутится на жёстком матрасе. Один в большой комнате, которая служит столовой, когда приходят гости. Поднялся и стал читать молитву:

– Отец наш, дай нам с миром отойти ко сну и подними нас, Владыка наш, для благополучной жизни и мира, и направь нас Своим добрым советом, и спаси нас в скором времени ради Имени Своего, и раскинь над нами Свой мирный шатёр.

И защити нас, и избавь нас от врага, мора и меча, и голода, и скорби. Устрани противников, которые впереди нас и позади нас. И под сенью крыл Своих укрой нас...

Прочитал молитву, прочитал "Шэма Исраэль", успокоилась душа. Сел на матрац, прислонился спиной к стене, закрыл глаза и будто оказался в поле.

Куда ни посмотрит – всё в белёсом тумане. Откуда-то снизу, из тумана и холода, поднимается оранжевое солнце. Лучи растворяют туман и играют на волнах жёлтой пшеницы. Видит – дорога пересекает поле, подошёл поближе и застонал: сын лежит в пыли лицом к небу, на горле открытая рана, кровь ещё течёт.

Бросился к нему, зажимает рану рукавом, смотрит по сторонам – кого позвать, кто поможет? Никого.

Поднял его на руки и понёс по дороге. Легко, словно туман понёс на вытянутых руках.

Дорога вниз пошла, а потом в гору и закончилась у железных ворот. Руки заняты, стал стучать ногами. Выскочили охранники, открыли ворота, завели по мраморным ступеням в дом из камня и стекла. Провели по коридорам в большой зал – зал суда.

Судьи сидят на возвышении, справа свидетели стоят, а перед ними – широкая скамейка. Положил он сына на скамейку и посмотрел на судей.

Велели ему подойти ближе, спрашивают:

– Твой сын?

Отвечает:

- Мой.
- Хочешь вернуть сына, чтобы жил он?
- Хочу.
- Какой залог дашь?
- Свою жизнь.

Посоветовались судьи и говорят:

– Твоя жизнь давно не твоя, может быть, кто-то другой согласится?

Испугался он: кто же ещё согласится отдать свою жизнь за его сына? Смотрит на свидетелей, а они на него смотрят. Вот Шамуил – с ним мы в белорусских окопах лежали. Жена стоит, рядом невеста сына, платком закрыла лицо, но всё равно видно, что это она. Стоят раби Ихиель Сэви и раби Нувах. Сбоку дети, много детей и все одеты нарядно.

Неужели вся Еврейская Слобода здесь? Кто отдаст жизнь за моего мальчика? Тишина такая, что дышать страшно.

Главный судья дал знак, чтобы унесли сына, а отец застыл, не может сдвинуться со своего места.

И тогда подошёл к судьям раби Ихиель Сэви, говорит, что он согласен пойти в залог, если отец пошлёт сына под хупу с этой девушкой. И показывает на невесту.

– Да! Да! – закричал отец, – сразу, после Йом Кипура будет хупа!

Постановил суд вернуть жизнь юноше за жизнь раби.

Отец открыл глаза. От жгучего солнца, проравшегося в окно, потекли слёзы. Спустился вниз, во двор, где из ржавого крана днём и ночью текла ледяная вода, умылся и направился к синагоге.

Молитва только началась, шамаш читал о правилах приготовления благовоний, а раби Ихиель Сэви склонился над маленькой книгой с чёрными строчками рукописных букв.

Он поднял голову, улыбнулся, и посадил его рядом с собой.

После Йом Кипура по главной, выложенной булыжником, улице Красной Слободы двигалась свадебная процессия.

Дину вели в дом жениха. С левой стороны шёл брат Исай, а с правой стороны раби Ихиль Сэви.

Дети несли горящие свечи и громко смеялись. На невесту сыпали рис и кидали конфеты. И запел раби у входа песню, которую евреи всегда поют для жениха и невесты.

Раби Ихиль Сэви умер днём, в шабат, благословенно имя праведника. После чтения Торы спустился с бимы, лёг на скамейку и затих. Святой был человек. Я знаю.

ИЦХАК НИСАНОВ РАССКАЗЫВАЕТ

Дедушку моего звали раби Довид бен Нисон, но имя его Довид Илиша, по фамилии Илишаев. Дедушка был торэжун, ни брит-милу, ни шэхиту – кошерный забой скота, он не делал, только Тору читал. А имя отца моего – Хай бен Довид, он был единственным сыном у своих родителей, да будет благословенна их память!

Когда я родился в 1938 году, на восьмой день отец позвал для брит-милы раби Хаима-доллока, парикмахера. Незадолго до этого всех кубинских раввинов арестовали, одних сразу расстреляли, других – отправили в Сибирь. Но раби Хаим-доллок ещё в старые годы учился на моһэля, знал халаху и соблюдал шабат.

Такой вот был – раби-парикмахер. Я знаю, что он делал брит-милу с 1937 года по 1948 год.

В 1948 году власти разрешили восстановить заколоченную синагогу Гульготы. Раввином общины стал раби Ихмель Сэви. Он с этого времени открыто делал брит-милу и шэхиту.

Раби Ихмель Сэви собрал в своём доме мальчиков двенадцати-тринадцати лет и организовал еврейскую школу. Я тоже учился у него в то время, в начале пятидесятых годов.

Учебников не было, он писал ивритские буквы своим красивым почерком, а мы переписывали в свои тетради. Тору и молитвы читать я научился у него.

Ходили к раби Ихмелю Сэви мальчики постарше меня, наверное, у него было больше пятнадцати учеников. Один из них, пионер, рассказал преподава-

телю физкультуры в государственной школе, что раби учит детей ивриту. Пришли люди из КГБ и арестовали его. Но отпустили, когда пообещал, что закроет свою школу.

Закрыл, но несколько мальчиков тайно ходили к нему. На него доносили, его арестовывали и отпускали – доказательств не было, а поднимать шум власти не хотели, кончились сталинские времена. Дольше всех он занимался со мной.

Раби Ихиель Сэви был святой человек, бескорыстный. Жил скромно, но никогда не смотрел, сколько денег дают за его труд. И умер, как святой человек – в синагоге, в шабат. В 1959 году, пятьдесят три года ему было.

КУБА – КРАСНАЯ СЛОБОДА

Первый раз я приехал в Азербайджан в конце 1995 года. Президент Алиев (отец) только начал выводить свою республику из войны и разрухи. Ночью по домам ходили бандиты. В трубах не было газа, а электричество подавали вечером, на несколько часов.

Многие евреи бежали в Израиль, в Америку, в Россию. В Баку из тридцати тысяч горских, ашкеназских и грузинских евреев осталось к этому времени не больше пяти тысяч. И четыре тысячи в Красной Слободе.

И это при том, что азербайджанцы оказались наиболее терпимыми среди всех народов бывшей советской империи. А президент Гейдар Алиев требовал от своих подчинённых оказывать уважение и поддержку еврейской общине.

Под патронажем американской организации "Ваад ле-нацала" ("Комитет спасения") мы создали в Красной Слободе школу, которая через два года превратилась в бет-мидраш и йешиву. Городские и республиканские власти не только не возражали, но более того – оказывали нам всевозможную поддержку. И мы чрезвычайно благодарны им за это.

Был в Красной Слободе еврей – доносчик и провокатор, которого боялись как евреи, так и неевреи. Он писал письма в прокуратуру и в Министерство государственной безопасности, что я – американо-израильский шпион, учу детей плевать на мечеть и не уважать своих родителей.

Однажды пригласил меня начальник КГБ, прочитал эти обвинения, извинился и заверил в полном своём уважении. И ещё сказал, что прокуратура и его служба следят за нами и одобряют нашу работу,

потому что школа удерживает молодёжь от наркомании.

Нам было хорошо. Мы сумели стать семьёй, близкими друг другу. Многие дети действительно были братьями, но Тора ещё больше сблизила их души, соединила так, что они стали подобны воде в бурной реке.

Старшим братом для всех мальчиков был Норик – Мардахай бен Саалюм Мардахаев, самый первый мой ученик. Он несколько лет учился в Америке (в Манси и в Лейквуде), знал иврит и английский язык и имел особый дар понимать каждого человека.

Он легко и удачно вел хозяйственные дела нашего бет-мидраша, а уехав жить и работать в Москву, продолжал нас опекать.

Не только наши раввины, учителя и ученики Торы, поддерживали и поддерживают нас на духовной высоте. Огромная благодарность старейшинам и богатым евреям кубинской общины.

Борису Симандуеву и Ицхаку (Яшке) Нисанову, братьям Захарьяевым, Герману, Исаю и Тельману, Мардахая (Мурику) Мишиеву, Робику и Аграмону Давыдовым, Лазарю Илиеву, Рахамиму бен Нисану. Они – живая история нашего народа.

Жили мы скромно, не любили принимать посетителей, туристов и журналистов. Тем не менее, вся республика знала нас. И, конечно, было приятно видеть, как доброжелательны к нам азербайджанцы.

В чём причина? Наверное, в том, что они по природе богобоязненны. Другая причина в том, что простые люди верят – еврейские раввины обладают особой силой, связывающей их с Небесами.

Для поездок из Кубы в Баку я всегда нанимал машину – такси азербайджанца Асифа, надёжного и доброго человека, чтобы все дороги его были удачными! В этот день он должен был отметить в Баку у диспетчера.

Когда мы заехали в гараж, диспетчер несколько минут кричал на Асифа и не дал новый путевой лист. Тогда Асиф наклонился к нему и сказал:

– В машине сидит еврейский молла – раби. Узнает – рассердится на тебя.

– Раби? – спросил диспетчер. – Так бы сразу сказал, вот тебе путёвка и талон на бесплатную замену масла.

За последние годы более ста пятидесяти мальчиков прошли через бет-мидраш. Их чистые души вбирали в себя Тору, дети легко усваивали иврит. Обычно через два месяца они уже читали и молились на Святом языке.

Многие родители радовались их успехам. В одной многодетной семье, где младшие дети успешно учились у нас, а старший сын уже зависел от наркотиков, отец сказал ему:

– Иди учиться к раби Адаму, каждый месяц будешь получать от меня сто долларов.

– Не пойду, – ответил юноша.

– Почему?

– Отец, я не уверен, что справлюсь, не хочу обманывать Б-га и раби.

Через месяц он погиб в автомобильной аварии. Такое горе для всех нас.

Но были родители, которые не разрешали посещать бет-мидраш. Они опасались, что дети захотят изменить семейный уклад – чтобы дома стали соблюдать шабат и кашрут.

Мы не могли идти против воли родителей, хотя и видели, что их запрет вредит их сыновьям.

Эти мальчики заметно отставали в своём развитии от сверстников, подвергались влиянию улицы, телевидения и фильмов, заполненных насилием и порнографией.

В Кубе для евреев нет работы и нет заработка. Стали они перебираться в Россию, в первую очередь

в Москву. Сначала взрослые мужчины, потом поехали семьями, с жёнами и детьми.

Теперь только по праздникам и по случаю траура оживают улицы Красной Слободы.

Надеемся, что со временем евреи вернутся в свои дома. Дети, которые давно уже выросли, возродят еврейскую жизнь в старом поселении и снова его назовут "Кавказским Ирушалаимом".

Драгоценный подарок получили евреи от Творца – шабат.

В бет-мидраше начинаем готовиться к шабату с пятого дня недели – с *йом-хамиши*. Готовим праздничный стол на тридцать человек. Каждый мальчик обязан что-то сделать в честь святой субботы – *ли-хвод шабат кодеш*. В шабат самая обычная еда приобретает особый вкус.

Только бы не забыть, что когда готовишь, нужно сказать: "Ли-хвод шабат кодеш".

Один молодой израильтянин, учитель иврита, попробовал наши картофельные котлеты и решил приготовить такие же себе на шабат. Через день пришёл и просит ещё раз продиктовать рецепт – говорит, что было совсем невкусно.

Наверное, в чём-то ошибся. Проверили – всё верно. В чём же причина?

– А ты сказал: "Ли-хвод шабат кодеш"? – спросили его. – Нет? Как же так, ведь это самая важная приправа!

Шабат начинается в пятый день недели, в *йом-хамиши*, на рынке или в магазине, где покупаем продукты.

Шабат – это уборка помещений, выпечка хлеба, приготовление праздничной еды, баня и миква. Шабат – это вечерняя молитва и освящение Дня над бокалом вина. Однако мы пьём не вино, а виноградный сок.

В шабат в нашем бет-мидраше фирменное блюдо – *хамин* – соус с картошкой, фасолью, зеленью и с консервированным тунцом или лососем. Шабат – это обязательный десерт из фруктов и сока.

Шабат. За окном уже ночь, мы сидим за длинным столом и поём, по очереди или все вместе, о самом главном в нашей жизни, ради чего мы пришли в этот мир. И тогда для наших душ открываются Врата Небес...

"Поднимите, врата, ваши головы и вознеситесь, двери вечности..." ... " (*Теһилим 24:7,9*).

"Даже если пойду долиной смертной тьмы, не утрашусь зла, ибо Ты со мной..." (*Теһилим 23:4*).

Наши души пребывают в покое. Великие праведники рады нам, улыбаются нам, желают мира и любви.

Мы слушаем и рассказываем *дэраши* – традиционные шабатные рассказы.

ШАБАТНИЕ РАССКАЗЫ

СВИДЕТЕЛЬ

Долгая холодная зима. Словно этот еврейский посёлок спрятан не на Восточном Кавказе, а в Западной Сибири. От обилия снега на покатых улицах слезятся глаза. Воздух пронизан голубым дымом, который кто-то невидимый сдувает с печных труб, торчащих над окнами. Дым пахнет ольхой или букком. Каждый запах по-своему хорош.

Шабат – субботний покой. И двести, и триста лет тому назад в такие же зимы, как эта, евреи протаптывали по снегу тропинки от своих домов к нимазу, на утреннюю молитву или на минху.

Между минхой и вечерней молитвой – *арвитом* – всегда остаётся время. Раби сидит около жаркой железной печки, которую от души накормил шабатный работник Абдулла, а вокруг раби мальчишки – его ученики, да благословит их Творец.

Раби начинает говорить, евреи умолкают и подвигаются ближе.

– Здесь когда-то жил еврей по имени Ашир. Он торговал драгоценными камнями. Дело это, скажу вам, очень прибыльное. Камешки занимают мало места, завернул в тряпочку, бросил на дно котомки с едой. Кто знает, что ты несёшь, если, конечно, никто не выдаст. Он один никогда не ходил, присоединялся к другим купцам, его все знали.

В тот день Ашир выехал с турками, которые везли губинские ковры, охрана у них сильная, надёжная. Конь Ашира не хуже, чем у других; груза

нет, только кошерная еда, да и дорога знакомая, испытанная.

Был в караване ещё один купец, из местных. Молодой, но, видно, неопытный, Керимом звали. Сразу же стал держаться поближе к Аширу. Коня его оботрёт, воду из родника принесёт, вопросы разные задаёт – где какой товар в цене, как покупать, как продавать. Едут рядом, за хорошей беседой время незаметно идёт.

Как-то отстали от каравана, пришпорили коней, еле догнали. Другой раз впереди каравана оказались.

Смотрит Ашир – ущелье на два потока разделилось, вода между скал шумит, надо бы вернуться. А Керим схватил уздечку его коня, кинжал из ножен выдернул и говорит:

– Еврей, спускайся на землю, отдай мне свой мешок и проси прощения у Аллаха, здесь ты умрёшь.

– Не убивай меня, – просит Ашир, – возьми всё, не убивай, не оставляй сиротами моих детей!

– Не проси, еврей, если оставляю в живых, донесёшь на меня, а так, без свидетелей, кто узнает?

Понял Ашир, что нет спасения и помощи. Огляделся по сторонам, видит – на камне сидит птица размером с курицу, красивая, разными красками переливается.

– Эта птица будет моим свидетелем против тебя, негодяй, – закричал Ашир, – а Всесильный отомстит за меня!

Повернулся в сторону Йерушалаима и стал читать "Шма Израэль".

Рассмеялся Керим, дал ему дочитать до "Эмет" и свалил одним ударом кинжала в спину.

Спустился негодяй с коня, оттащил убитого за камни, взял его мешок и поехал вверх по ущелью, чтобы не встретиться с караваном. Вечером уже ел хлеб в доме своей матери, в Губе.

А жена Ашира знать ничего не знает, ждёт его месяц за месяцем. Что с ним, где он? Родные, друзья искали, писали в разные места, где он мог быть. Пропал бесследно.

Много денег оказалось в руках Керима, когда он продал драгоценные камни из мешка Ашира. Купил большой дом, жену привёл, купил лицензию взимать подати с народа для хана. Катается на белом коне – справа и слева слуги бегут: один Коран в позолочённом футляре несёт, другой – палку, бить должников.

Стал богатым и важным человеком, хан его к своему столу допустил.

Сидят хан и Керим на подушках, беседуют, жирные куски баранины в *наршараб* макают. В этот день слуга решил порадовать хана новым блюдом. На дворцовую кухню принесли с гор необыкновенную птицу размером с курицу. Посмотрели повара и изумились её красоте: многоцветные перья отражали солнечный свет и слепили глаза. Решили приготовить так, чтобы сохранить для хана это чудо.

Принесли новое блюдо на стол. Посмотрел Керим и узнал птицу, которая видела, как он убивает Ашира. Вспомнил, как эта птица то одним, то другим глазом смотрела на него, а потом прыгнула с камня и полетела, размахивая крыльями над горной рекой.

Побледнел сначала, на лице холодный пот заблестел. А потом подумал: "Глупый еврей говорил, что птица будет свидетелем. Обязательно будет, когда мы с ханом съедим её!" Не сумел удержать в себе смех.

– Ха-ха-ха-ха-ха-ха! – смеётся, руки прижимает к животу.

Удивился хан, спрашивает:

– Над чем смеёшься?

– Так, своим мыслям, – отвечает.

– Если не скажешь, немедленно прикажу казнить, – рассердился хан.

Почувствовал Керим над головой опасность и ничего не успел придумать, чтобы соврать. Подумал: "Расскажу, как было. Я всего-то одного еврея убил, а он за один раз десять душ отправил в другой мир. Пусть тоже посмеётся". Вытер лицо и губы полотенцем и говорит:

– Мой господин, я вспомнил слова еврея, который перед смертью показал на эту птицу, что она будет свидетелем против меня. Еврея я убил, а эту птицу мы сейчас съедим. Ха-ха-ха-ха!

Посмотрел хан на него, потом на чудо-птицу на столе и думает: "Небеса послали на мой стол птицу-свидетеля и открыли убийство еврея, почему? Видно, Аллах решил отомстить за его кровь моими руками".

Повернулся к Кериму спрашивает как бы с любопытством, чтобы не возбудить подозрение:

– Скажи, кто же этот глупый еврей, как его имя, откуда он?

Выслушал хан, встал из-за стола, вызвал слуг и приказал связать убийцу.

В тот же день судил его перед множеством народа. Послал привести жену и детей еврея Ашира и отдать им дом и всё богатство Керима. Самого его приказал повесить, а семью изгнать из города, чтобы следа не осталось.

Элоким гадоль – Бог велик! Благословен Творец, в чьих руках наказание и награда. Всё Он видит, и всё имеет смысл и значение в Его деяниях, скрытых от нас.

Он, Благословенный, отомстит за нашу кровь и выведет свой народ из изгнания. Амен.

ВЕРНЫЙ СЛУГА

Евреи измеряют время от шабата до шабата и от *рош-ходеш* до *рош-ходеш*. Наверное, все знают, что такое шабат, но не все – что *рош-ходеш* это начало месяца по традиционному еврейскому календарю.

Бывает, что шабат и *рош-ходеш* совпадают, а бывает и так, что *рош-ходеш* начинается в *моцей шабат* – в конце шабата. Вот и в этот зимний вечер в старой синагоге Красной Слободы встречали месяц *Шват*.

Раби отложил в сторону книгу "Теһилим", прислушался к урчанию огня в железной печке и поднял голову:

– Сегодня рассказ мой короткий, чтобы успели прочитать сто четвёртый мизмор – "Благослови, моя душа".

Жил-был грозный хан, люди боялись смотреть на его лицо. Если он на кого-то гневался, гнев проступал на лице. Несчастливого, который видел это, тут же казнили.

Однажды хан сидел за обеденным столом, вокруг него – советники и гости, а в углу тихо наигрывал зурнач. Главный слуга махнул рукой, и юные повара стали подавать шурпу.

Один из них, стройный и нежный, как девушка, подошёл к хану с правой стороны. В вытянутой руке он держал полную чашу с горячим бараньим бульоном – шурпой.

Ой-ва-вой! Прежде чем чаша оказалась на столе, несколько капель пролилось на одежду хана.

Мальчик глянул на лицо хана и увидел свой приговор. В то же мгновение он поднял чашу и опроки-

нул на голову хана. Горячий бульон потёк по чалме хана, по отворотам халата, по ногам.

Хан вскочил с места, а мальчика скрутили подбежавшие слуги.

– Прежде, чем умрёшь, – закричал хан, – отвечай, почему ты это сделал!

– О, великий хан, – ответил юноша, – я пролил несколько капель и увидел по твоему лицу, что ты казнишь невинного. А это плохо. Во-первых, потому что будешь сожалеть об этом, а во-вторых, Аллах не простит невинную кровь. Я решил – так или иначе умру, помогу же тебе перед смертью избавиться от сожаления и от гнева Аллаха. Чтобы не было на тебе напрасной вины. Теперь вели казнить меня.

Удивился хан такому ответу, подошёл ближе и велел стражникам отпустить его.

– Нет, – сказал хан, – не накажу тебя, а награжу. Назначаю тебя личным советником, разрешаю говорить всё, что считаешь нужным, и передавать мне просьбы моих подданных.

Вот и мы с вами пришли в нимаз, в эту синагогу, чтобы в своих молитвах передать просьбы народа Всевышнему, Ѓа-Шем любит своих неразумных детей. Он знает, что наши проступки – или от слабости, или от невежества.

Учите Его Тору, а Он даст вам здоровье и хорошую парнасу – заработок, чтобы вы могли исполнять её.

Да сохранит вас Милосердный!

ДОРОГА

Раби Азарья подошёл к выходу, поцеловал мезузу, громко произнёс: "Барух Даян ha-Эмет!" – "Благословен Судья истинный!" – и разорвал рубашку от ворота вниз, на левой стороне. Так делают *кэрия* – разрывают одежду в знак траура по умершему отцу.

Рав Шмуэль Салант не был его отцом, он был больше – он был Учитель. Открыл дорогу жизни горскому еврею из дагестанского села Мамрач и ушёл, ушёл к праведникам. Дал благословение и ушёл.

Когда прозвучала команда выносить, раби Азарья схватил носилки с левой стороны, а за правую ручку ухватился невысокий худой юноша. Кто-то подхватил сзади и процессия пошла в сторону Масличной горы.

Потом он узнал, что того худого юношу зовут Арье Левин. Хотя раби Азарья был старше почти в два раза, они подружились. Утром садились рядом в общем зале йешивы "Эц хаим" и учили трактат "Макот". Завершая урок, раби Азарья повышал голос и все, сидевшие в зале, прекращали свои занятия, слушали его комментарии. За обширные знания и мудрость раби Азарью бен раби Саадья называли *гаоном* – выдающимся исследователем Торы.

Весной он стал искать попутчиков на Кавказ. Шесть лет не был дома. Теперь отправится собирать деньги для йешивы и для бедствующих горских евреев в Эрец Исраэль и с раби Яангилом вернётся в Иерусалаим.

Сказали, что второго Ияра из Сайды идёт русский корабль на Батуми.

Раби Азарья, Хануко Биньяхуев и с ними два грузина, совершившие хождение в святой Иеруша-

лаим, где на лошадях, где пешком, неделю добирались до ливанского порта.

В Сайде их пытались ограбить. На берегу моря, около складских барачков, к ним подошли молодые арабы с короткими ножами и велели отдать им дорожные мешки. В это время на дороге, ведущей к порту, показался отряд солдат с турецкого корабля и арабы убежали.

Плавание было относительно спокойным. Если не считать насмешек и издевательств от пьяных матросов. В последний день Ияра прибыли в Батуми. До дома было ещё далеко, за пять дней до праздника не успеть.

Раби Азарья и Хануко отправились в Кутаиси, где была сильная еврейская община. А 17 Тамуза они въезжали на почтовой повозке в старый еврейский квартал Дербента – Тэнгэ махалэно.

Прибытие известного раввина в Дагестан обрадовало евреев. Раби Азарья ездил по сёлам, рассказывал об Эрец Исраэль, о бедах горских евреев, живущих на Святой Земле. До праздника Суккот он собрал значительную сумму денег.

Мидраш говорит, что не нужен светильник, когда два мудреца садятся учить Тору. Так было, когда раби Яков Ицхаки и раби Азарья бен раби Саадья Мамрачи садились учить "Зоһар".

– Я тоскую по Ирушалаиму, – говорил раби Яков, – мне снятся серые камни Котеля, омытые слезами евреев. Община освободит меня от должности. Здесь, в Дербенте, праведный раби Элияһу заменит меня.

– Я приехал за тобой, дорогой мой друг, – отвечал раби Азарья, – но ты должен знать, что в Йерушалаиме нет заработка.

– Милосердный не оставит нас без хлеба.

– Конечно, сказал Һилель: "Великий в милости склоняется к милости".

– Знаешь ли ты, где в Святом Городе можно снять комнату?

– Есть недалеко от нашего нимаза две комнаты, хватит места для твоей семьи.

Раби Азарья не стал раскрывать надежду горских евреев Йерушалаима на то, что раби Яков возглавит общину.

Весной 1907 года, после Нисону, праздника Песах, раби Азарья, раби Яков с семьёй и Хануко вышли в дорогу. В пути раби Азарья был немногословен. Месяц он провёл в страшном напряжении, в постоянной и сосредоточенной молитве, чтобы злые силы не подстроили ловушку, чтобы благополучно добралась семья раби Якова, и чтобы он благополучно доставил деньги голодающим евреям Йерушалаима.

Многие годы евреи в Эрец Исраэль бедствовали. Из России прибывали новые переселенцы. Они скупали у арабов участки земли и осушали болота. Еврейский ишув вырос и возросли потребности в продуктах питания, одежде и в бытовых товарах.

Больше всех страдали те, кто всё своё время посвящал Торе. Самые известные мудрецы и раввины отправлялись в Европу и в Америку собирать пожертвования.

Поэтому через пять лет раби Азарья снова появился в Дербенте. Теперь он надолго задержался на Кавказе. Надо было обойти все еврейские поселения, от Нухи до Нальчика. Везде, где бы ни был, давал уроки Торы, учил шохетов и мохэлей и сам делал *милу* – брит.

Еврейский народ в изгнании пробуждался. Мечта о возвращении в Йерушалаим казалась осуществимой. Конечно, за две тысячи лет горы Кавказа стали родными, но евреи устали от постоянного напряжения и притеснений диких соседей.

Евреи в разных странах создавали фонды переселенцев. Горские евреи тоже создали свой фонд. Европейские евреи направляли средства на приобретение земли в Эрец Исраэль и устройство сионистских поселений. В то же время йешивы и религиозные общины бедствовали.

У горских евреев не было такого разделения. Фонд был единым для тружеников Торы и тружеников полей. Этот фонд, созданный ещё в конце XIX века, просуществовал почти сто лет.

Раби Азарья, один из организаторов фонда, собирал деньги в Дагестане. Пришло время переправить их в Иерусалаим, но сделать это оказалось не просто.

Летом в Европе началась Первая мировая война. 16 октября 1914 года турецкие корабли обстреляли черноморские порты России, а англичане двинулись в Месопотамию.

Палестина оказалась в зоне боевых действий. Испытанный путь в Эрец Исраэль через Батуми был закрыт.

По совету Ходжа Абу Ахмада, совершавшего хадж в Мекку, раби Азарья решил идти через Персию и Багдад. По маршруту Нахичевань, Меренд, Хой, до Урмии, а потом, через Курдистан и город Эрбиль – на Багдад. Дальше уже известный и искоженный евреями путь – через Рамади, Эр Рутба и сирийскую пустыню – на Святую Землю.

Раби Азарья не стал искать попутчиков и решил никого из евреев не брать в эту опасную дорогу.

Еврейские купцы из Кубы проводили его до Гянджи. Там он поменял царские рубли на золотые динары. Еврейский портной сшил пояс из плотной шерстяной ткани и зашил в него монеты. Пояс плотно облегал тело и совсем не был заметен под одеждой.

В последний день Хануки, в мусульманский месяц Зуль-Хиджжа, раби Азарья попрощался с друзьями в Гяндже. Они молча наблюдали, как он укреплял за седлом дорожный мешок, читал дорожную молитву и взбирался на невзрачного с виду, но очень сильного жеребца.

Старый шамаш синагоги, раби Иллизир, поднял руку и шептал вслед слова напутствия: "Благословит тебя Всевышний и сохранит. Озарит тебя Всевышний и окажет милость. Обратит к тебе Он Лик Свой и пошлёт тебе мир!"

Из Нахичевани Раби Азарья вышел с мусульманами, собравшимися на хадж с Кавказа и Татарии. Он был неприметен в этой пёстрой толпе.

Старый аварец Омар Гаджи из селения Тинди признал в нём своего земляка и они старались держаться рядом. Лошадь у аварца была старая. Раби Азарья натягивал поводья и не давал своему коню убежать вперёд.

Омар Гаджи задавал вопросы и раби отвечал ему на аварском языке. Стражники-персы несколько раз подъезжали, прислушиваясь к беседе, но ничего не понимали и, в конце концов, оставили их в покое.

– То, что вы, евреи, не признали Иссу, можно понять, – говорил старик, – но ведь Мохаммед открыл Аллаха всему миру.

– Не так, уважаемый, не так. Мохаммед признал, что Мусса был первым истинным пророком. Это Мусса принёс с горы Синай законы Творца.

– Законы, которые евреи приняли и осквернили?

– У каждого народа есть свои злодеи и праведники. Злодеев видно издалека, можно ли из-за них судить весь народ?

– Ваши раввины ответят за них. Как сказал пророк в Суре 133: "Разве вы станете препираться с нами из-за Аллаха?"

– Я приведу тебе конец этой Суры: " Нам – наши дела, а вам – ваши дела, и мы пред Ним очищаем веру."

Ничего не ответил Омар Гаджи, опустил голову и прикрыл глаза.

На стоянке они сажались рядом, но каждый ел своё. Правда, некоторые мусульмане были недовольны их близостью, но молчали из уважения к старику.

В Эрбиле к паломникам присоединились трое арабских купцов, с тканями из Турции. У них был слуга, один на троих, – молодой и наглый сириец. До самого Багдада он крутился около Омара Гаджи и раби Азарьи.

Даже старый аварец почувствовал опасность и предупредил еврея. Решили спать по очереди. Ночью сириец подходил к ним и некоторое время молча стоял.

Последнюю стоянку они сделали в Баакубе, в большой дорожной гостинице в самом начале старинного поселения. Мусульмане совершили намаз и стали располагаться ко сну. Раби Азарья тоже прочитал вечернюю молитву и сидел на террасе, слабо освещённой уходящей луной. Пришёл старик и сел, скрестив ноги, рядом, на маленькую подушку.

– Ты для евреев, – сказал он, – как эфенди для мусульман, почему же путешествуешь один? Это плохо. У тебя должен быть слуга.

– Я не привык пользоваться чужим трудом. Знаю, тебя беспокоит, что я беззащитен среди вас. Однако если Всесильный откажет в поддержке – ни один человек не поможет. Расскажу тебе историю об одном праведном еврее.

Имя его Авраһам, по-вашему – Ибрагим. И был он министром султана, все торговые и денежные де-

ла проходили через его руки. Султан доверял еврею больше других министров – правоверных мусульман, чем они были очень недовольны.

Но ещё Ибрагим был моһэлем, делал обрезание еврейским мальчикам на восьмой день после рождения.

Когда главный министр султана видел, что они совещаются в особой комнате – кипел от негодования. Думал он, как бы наказать еврея. Однажды пригласил к себе домой его помощника-писца, оказал ему почёт, угостил как дорогого гостя и попросил выкрасть какие-нибудь бумаги из железного ящика, где еврей держит документы. И тут же заплатил ему золотом.

Как писец ухитрился открыть ящик – не знаю, но он вытащил всё, что там было, и принёс министру. Обрадовался тот, смотрит – в его руках письма султана.

Сидит султан, обедает, а министры вокруг. Наклонился главный министр к его уху и стал пересказывать содержание секретного письма, что никто не мог знать. Покраснел султан от гнева, а министр объясняет, что это еврей поделился с ним государственными секретами.

На следующий день султан вызвал Ибрагима и приказал ему немедленно отвезти запечатанное письмо коменданту дальней крепости, что на самой границе. А в письме был приказ повесить того, кто привезёт это письмо.

Ибрагим тут же велел слугам приготовить его роскошную коляску, уложил свои вещи и отправился в путь вместе со своим помощником-писцом.

Что еврей берёт в дорогу? Тору, молитвенник, тэфилин и талит. Но так как Ибрагим был, к тому же, ещё и моһэль, взял инструменты моһэля.

День был уже во второй половине, когда они проезжали еврейское поселение. Остановились в до-

рожной гостинице – самим поесть и лошадей покормить.

Подходит к нему хозяин и говорит:

– Я знаю, раби Ибрагим, что ты моһэль, прошу тебя, задержись у нас. Восьмой день моему внуку, а наш моһэль болен, некому делать брит. Умоляю тебя, заплачу, сколько скажешь, не уезжай!

Ибрагим долго не думал – заповедь Всевышнего обязан выполнить. Дал секретное письмо своему писцу, велел взять коляску и отвезти его по назначению. Писец уехал, а мальчика стали готовить к бриту.

Ибрагим сделал свою работу на славу, а потом поднял бокал вина за праздничным столом, как это у нас положено. Ночью встал, осмотрел малыша, а тот спит, словно ничего не было.

Утром коляска прибыла без писца. Слуга передал пакет и рассказал, что комендант крепости по приказу султана повесил писца. Удивился Ибрагим, взял пакет и поехал домой.

Ещё больше удивился султан, когда раскрыл пакет и прочитал, что комендант крепости выполнил приказ и повесил человека, который привёз его письмо. И ещё написал, что человек этот перед смертью признался, что был подкуплен главным министром и выкрал секретные документы из ящика своего господина.

Султан вызвал Ибрагима, показал это письмо и спрашивает: "Какие заслуги у тебя перед Аллахом, что спас от смерти?"

Отвечает еврей: "Не мог Он отдать меня ангелу смерти – кто бы тогда сделал брит еврейскому мальчику?"

Так и я отвечу тебе, уважаемый Омар Гаджи. Жизнь наша продолжается и обрывается по воле Всесильного. Пока мы служим Ему – бережёт, а как выполним работу – позовёт на Суд.

Старик встал, почтительно поклонился еврею и пошёл будить мусульман на ночную молитву. Раби Азарья тоже зажёл свою свечу и раскрыл старую книгу в сером кожаном переплёте.

Читал и не слышал, что паломники уже закончили молитву и сладко спят.

Начинало светать, он закутался в талит и возложил тэфилин. Неясная тревога последние дни не покидала его. Сейчас усилилась. Снизу, из-под сердца, росло ощущение опасности.

Он оглянулся и увидел, что из темноты медленно выходят три человека. Узнал их по очертаниям фигур – конечно, это опять сириец и с ним два стражника- перса. Раби Азарья взял сидур в левую руку, а правую поднял открытой ладонью к ним. Они замерли. Тогда раби сделал шаг вперёд, остановился и ладонью очертил в воздухе круг. Сначала сириец, потом оба перса опустились на колени, легли на пол и тут же уснули.

Утром они со страхом издали смотрели на раби, но он молчал. Никто не узнал о ночном происшествии.

После полудня путешественники вышли к пальмовой роще, за которой начинался Багдад. Все повеселели в ожидании отдыха в хорошей гостинице. Раби Азарья попрощался с аварцем и направил коня к еврейскому кварталу. Там был бет-кнессет раби Хаима-Йосефа и там были друзья, у которых он мог остановиться.

Проехал немного и услышал конский топот. Тут же его окружили полицейские. Они набросили на него верёвочную петлю и сдёрнули с лошади. Засунули в вонючий мешок и потащили куда-то волоком.

Через некоторое время он почувствовал, что находится в каком-то помещении. Когда вытащили из мешка, увидел, что это полицейский участок.

Главный полицейский, у которого усы были особенно пышными, велел сесть на пол.

– Мы знаем, – сказал он, – что ты русский шпион, отвечай, кто тебя ждёт в Багдаде?

– Я не шпион, мой господин, – ответил раби, – я еврей из Иерусалима.

– Недолго тебе осталось быть евреем, – засмеялся он и махнул рукой.

Два огромных араба подхватили раби, вытащили во внутренний двор, сдёрнули с него рубашку и увидели пояс. Раскрыли его, нашли золотые динары и задрожали от радости. Они стали выхватывать пояс друг у друга и бить друг друга по голове, забыв о своём пленнике. Пока они были заняты, раби выскочил на улицу.

Однако полицейский, стоявший у входа, увидел выбегающего со двора человека без рубашки, вскинул винтовку и выстрелил. Смерть пришла сразу. Раби совсем не мучился.

А что арабы? Кто их знает, как они поделили деньги между собой. Спасибо, что послали сказать евреям, чтобы пришли и забрали труп, но документы его не выдали и имя не назвали. Сказали, что нашли на дороге, недалеко от города.

Похоронили раби Азарью бен раби Саадья Ма-мрачи в безымянной могиле на багдадском кладбище. На камне надпись: "Еврей, погибший на пути в Иерусалим." И год – 5674.

Отомстит Всесильный за кровь праведников своих. Амен.

ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ:

НЭДАРИМ

Человеку свойственно давать обещания и клятвы, но не всегда есть возможность их исполнить. Учите халаху (*Шулхан Арух, "Йорэ Деа" 203*): "Не привыкай давать обещания – *недарим*. Каждый, дающий *недэр*, даже если исполняет его, называется злодеем".

Когда произносим слова обещания или клятвы, вызываем на себя силы противодействия (*Зоһар, Бэмидбар 65*). Многие великие праведники терпели поражение в такой битве.

Неисполненное обещание – *недэр*, или клятва – *шевуа*, свидетельствуют против человека в День Суда.

Многие несчастные случаи, травмы и болезни – результат неисполненных обещаний и клятв.

Недэр мальчика с тринадцати лет и одного дня и девочки с двенадцати лет имеет полную силу. Однако отец может в течение дня отменить *недэр*, данный дочерью, даже взрослой, живущей в его доме. Услышал и промолчал – обязана исполнить, отменил – *ха-Шем* простит.

Обещания маленьких детей не имеют силы, тем не менее, следует приучать их воздерживаться от этого.

Муж в течение дня может отменить *недэр* жены.

Недэр, который мы дали необдуманно или по ошибке, может отменить *бет-дин*, еврейский суд из трёх человек.

Так же и клятвы нередко оборачиваются против клянущегося. Нельзя клясться Именем Творца, а

также – именем отца, матери, других близких людей, если мы не хотим принести им несчастье.

Пожертвование – *тэруму* и *цэдаку* – следует давать без обещания.

Но иногда *недэр* помогает нам избавиться от опасности и беды. В традиции горских евреев давать *недэр* на жертвование в случае избавления от тяжёлой болезни. Такой *недэр* нельзя отменять.

В Красной Слободе, в Азербайджане, ещё сохранился обычай в исполнение обещания резать барана или корову и раздавать мясо бедным. В таком случае следует прочитать благословение "Ми шеберах" для давшего *недэр* и для того, кому он посвящён.

Жених под хупой даёт обещание содержать свою жену, заботиться о ней и быть её мужем. Это обещание – *кэтубу* – заверяют два свидетеля и зачитывают перед свидетелями.

С давних времён существовал другой обычай: родители младенцев клялись поженить своих детей, когда они вырастут. Так укреплялась община. Люди, ещё не ставшие родными, долгие годы заботились друг о друге, поддерживали друг друга.

Иногда Тора и наша традиция оправдывают обещание или клятву. По требованию высшего еврейского суда – Санһэдрина, заставляли клясться свидетелей в том, что они действительно видели в небе новый месяц.

"Клятву свидетельства произносят мужчины, но не (произносят) женщины; дальние, но не близкие (родственники), люди, пригодные (для свидетельства), те, кто достоин ее произнести" (Шевуот 30).

Было в нашем народе, что отец давал клятву, если Всевышний подарит ему сына, обучать его Торе. Ханна, бездетная жена праведника Элкана, дала и исполнила клятву посвятить Всевышнему, благо-

словен Он, мальчика, которого она родила, Шемуэля, ставшего пророком и учителем еврейского народа.

Ежедневно мы даём множество обещаний, существенных и пустых. Они ложатся тяжёлым грузом на наши души.

В Рош ha-Шана – Судный День, и в Йом Кипур – День Искупления с нас спрашивают за всё, что мы не смогли выполнить или забыли. Поэтому перед этими двумя праздниками проводим обряд *"hatarat nedarim"* – освобождение от обетов, зарок, обещаний и клятв, которые мы давали в течение года.

СУРУНИ

Когда мы поднимаемся в шабат к Торе, нередко после благословений читаем поминальную молитву – *hашкаву* – для умерших и погибших родственников. Но один раз в году, в день Суруни, наше личное горе выливается в великий народный плач.

Было это в Варташене, в 5570 году от сотворения мира.

Раби Авраһам на всю ночь остался в большой каменной синагоге, он молился, плакал и читал Теһилим. Мусульмане обвинили евреев в ритуальном убийстве ребёнка из аула Ханабади. Под пытками три еврея из Карабаддира оговорили себя и ещё тридцать евреев Варташена. Их тоже мучили, резали ножами, а потом убили.

– Кольцо ненависти сжимается, утром из Нухи придут солдаты хана Исмаила. Где нам искать защиту и милосердие? Только у Всесильного, благословен Он.

Раби ещё помнил улицы Тебриза и слепую ненависть мусульманских фанатиков, заставлявших евреев принять ислам.

– Перебрались в Нуху. Думали здесь, в этом благодатном крае люди не будут такими злыми. Не оправдались наши надежды. Ой-ва-вой!

Раби Авраһам сел на пол у порога, под мезузой, и прикрыл глаза. Пришёл пророк Элияһу и сел рядом.

Спросил раби у пророка:

– Евреи дважды оказались в изгнании: когда Первый Храм был разрушен и когда Второй. Первое

изгнание было временным, но почему второму изгнанию и нашим страданиям не видно конца?

Ответил ему:

– Сын мой, несмотря на то, что во время Первого Храма евреи становились идолопоклонниками, они любили и уважали друг друга, были милосердны друг к другу и соблюдали еврейские традиции.

Творец, Благословенный, видел, что народу следует дать какое-то время для искупления и исправления вины. Но потом, во время Второго Храма, беспричинная ненависть и зависть вызвали Его гнев и Он, Благословенный, разделил еврейский народ и разбросал среди других народов.

Все последующие поколения будут страдать, пока не искупят и не исправят вину отцов, и пока не обратится к Нему весь народ в единой молитве.

Скажу я тебе пророчество Михи:

"И будет в конце дней: гора дома Б-га упрочена будет во главе гор и возвысится над холмами, и стекнутся к ней народы. И пойдут многие народы и скажут: идите, взойдём на гору Г-спода и к дому Б-га Якова, и Он научит нас Своим путям, пойдём Его дорогами, ибо из Циона выйдет Тора и слово Г-спода – из Иерусалима. И будет Он вершить суд между многими народами, и рассудит все племена, и перекуют они свои мечи на орудия для пахоты, а копья на садовые ножницы. Не поднимет народ на народ меч, и не будут больше они учиться войне" (*Миха 4:1-3*).

Не поднимет народ на народ меч, и не будут больше они учиться войне."

Утром джигиты хана Исмаила и мусульмане из Варташена ворвались в еврейский квартал и устроили погром. Убили Ильчина, жившего напротив большой синагоги, и осквернили его семью. А раби Авраама связали верёвками и повели в Нуху.

Хан велел раби Авраһаму принять ислам самому и обратить всю еврейскую общину Варташена. "Нет, – ответил раби, – умрём, но не испачкаем себя!"

Хан дал знак, и слуга вонзил кинжал в живот раби Авраһама, а потом за ноги выволол за городские ворота.

На следующий день пришли евреи Варташена, внесли в казну хана выкуп и похоронили своего раби на еврейском кладбище.

После раби Авраһама главой общины стал раби Моше Узеиров. Он ходил по домам, помогал нуждающимся евреям общины и собирал деньги для евреев Эрец Исраэль. Раби Моше построил в Варташене новую синагогу и открыл йешиву.

Один из его учеников, Шалом бен Йеһуда Якубов (5653-5747), в юном возрасте проявил уникальные способности в Торе и со временем был избран раввином общины.

Все времена для евреев тяжёлые, но был период особенно жестокий. Власть на Кавказе переходила от мародёров Персии к местным мародёрам или же

к турецким или российским, а после гражданской войны начался коммунистический террор.

Вся жизнь раби Моше была *ле-шем шамаим* – во имя небес. И всю жизнь он мечтал об Ирушалаиме. Что не удалось ему – сделал его сын, Давид. В 1952 году он совершил алию и поселился в городе Петах-Тиква.

ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ:

СУРУНИ

9 АВА

Суруни, от *сур* (ивр.) – удалённый, изгнанный. *Сур* – народ, который помнит свои истоки.

Суруни – день 9 Ава. Каждый год в этот день изгнанники, горские евреи, оплакивают разрушенный Храм, далёкую родину. Оплакивают своих родных, не доживших до возвращения и лежащих в чужой земле.

Другое значение этого дня, от *асур* (ивр.) – запрещение, ограничение, которое накладывают евреи на себя в день 9 Ава.

Горские евреи называли этот день "Майром-овой", в память о еврейской матери Мирьям. На её глазах враги казнили семерых её сыновей, которые совершили *кидуш ha-Шем* – освящение Имени Всевышнего, и не приняли чужую веру. Когда казнили самого младшего, мать бросилась со скалы.

Во времена исламского ига и в суровые годы советской власти на Кавказе во всех горско-еврейских общинах этот день отмечали с особым старанием. И сегодня, когда почти нет препятствий к исполнению традиций и законов Торы, сохранили этот день слёз и всеобщего горя.

С начала месяца Ав горские евреи не едят мясо, не купаются в реке и в море (но моются к шабату), не стирают, не проводят торжеств, не покупают и не надевают новые вещи.

Из дальних мест возвращаются к своим семьям или едут к местам захоронения умерших или погибших родных.

На девятый день, вечером, до выхода звёзд, начинается пост и в каждом доме зажигают свечи. Дети прекращают обычные игры. В синагоги идут даже те, кто не ходит в праздники, сидят в полумраке на полу и слушают "Плач Ирмияһу" ("Эйха").

Вернувшись домой, спят одетыми, а на следующее утро опять собираются в синагоге. После молитвы идут на кладбище, босиком или в обуви из любого материала, кроме кожи.

Мы уже говорили, что обычаем горских евреев посещать в этот день могилы своих родных. Хорошо, когда есть возможность собрать у могилы миньян, чтобы прочитать *һашкаву* и *кадиш*. Даже если нет миньяна, следует читать *Теһилим* и *һашкаву*.

Трудно поститься в *Суруни* – в это время часто бывают жаркие дни и мучает жажда от горьких слёз, которые не могут сдержать даже крепкие люди.

В этот день евреи дают обильные пожертвования. Поэтому стоит напомнить, что в соответствии с *һалахой* помогать следует в первую очередь своим родным, потом *йешивам* и студентам, изучающим Тору, потом синагогам, потом членам общины, потом всем остальным. В таком порядке.

Если день 9 Ава выпадает на шабат, то пост переносим на *йом-ришон*, на воскресенье.

В любом случае, на второй день после поста оканчиваются траурные дни, и горские евреи устраивают свадьбы.

Суруни – один из самых важных дней в традиции горских евреев. В этот день усиливается ощущение общности со всем еврейским народом, разбросанным по разным странам и континентам. И крепнет надежда на избавление.

Успокоит Милосердный Свой народ и соберёт в будущем году в отстроенном *Йерушалаиме*. Амен.

Хороший признак, добрый симан – знак, вспоминать в шабат о наших праведниках. Жили они тихо, делали брит и шэхиту, говорили с ha-Шемом, читали для евреев Тору, учили детей и защищали общину от злой власти.

Он таким был, праведный и мудрый

РАБИ НУРИЭЛЬ

Тонкий свист ночной птицы разбудил ребёнка, женщина тоже открыла глаза и стала раскачивать *гуйфрэ* – люльку на полукруглых ножках. "Душа моя, душа моя, – шептали губы, – отец приведёт коня, белого коня. На белом коне войдёшь в Ирушалаим".

Она сидела перед люлькой на полу террасы, тёмный платок упал с головы на плечи и седые волосы отражали свет новой луны.

Над лесами, куда нёс свои воды Кудиялчай, начинало светать. Первый ястреб зари выпорхнул оттуда и задел край единственного облака, оно испуганно дёрнулось и зацепило луну.

Когда раби Нуриэль вышел, женщина обернулась на стук его палки и натянула платок на голову до самых глаз.

– Мир тебе, Хивит, – сказал раби, – пошлешь мне еду в нимаз.

Спустился во двор и направился к нимазу. Давно пора ремонтировать старую синагогу гиялков, но нет денег. На биме стоят две коробки *содоко*: в одну бросают деньги для бедных, в другую для Ирушалаима. И там, и там – мало.

На душе было тревожно: через неделю Песах, надо предупредить евреев, чтобы без особой нужды не поднимались в *агалу* – в мусульманский квартал.

И мусульманских детей не следует пускать к евреям. Он ускорил шаги и вскоре увидел жёлтый свет, мерцавший в высоких окнах, значит шамаша на своих местах.

Они сидели в разных углах и по очереди читали первые разделы молитвы. Когда дошли до "Псукей дэ-зимра", молитву продолжил раби. Голос его проникал в сердце, поднимал к небесам, соединял всех молящихся в одном дыхании. Время исчезло.

– Шма колону, ха-Шем, Элокену! Слушай наш голос, Всесильный, Отец Милосердный! Твой народ, Твои дети, изгнанники, раскиданные по всей земле от края до края, стоят перед Тобой. Когда вернёшь нас домой? Когда освободишь от ненавидящих нас?

После молитвы раби, не снимая тэфилин, сел лицом к евреям и открыл книгу:

– Сказал Ирмияһу (8:15): "Надеемся мы на мир, и нет добра..." Даже в самые страшные дни мы не расставались с надеждой. Много бедствий мы выдержали и ещё будут. Мусульмане уничтожили Грыз, Учкюн, Щудук и другие еврейские сёла. В эти дни русские подливают масло в огонь, говорят, что евреи готовят *гогол* – мацу – с кровью. До Песаха сидите дома, посуду надо лудить, улицы ровнять.

Не успел закончить, прибежал шамаш Гульготы:

– Беда! Беда! Пропал мусульманский мальчик. Всех стариков собирают в нашем нимазе.

– "Вот отчего болела душа, – подумал раби Нуриэль".

Из разных кварталов Еврейской Слободы к большой синагоге Гульготы шли люди. Там их ждали два всадника – воины хана. Они с ненавистью разглядывали евреев, а их нетерпеливые кони поднимали копыта.

– Великий хан велел евреям, – закричал один из всадников, – найти мальчика Сабира, сына Касума, который был среди евреев два дня назад и не вернулся домой! Если живой – живым, если мёртвый –

мёртвым! За жизнь его ответит вся Еврейская Слобода! Великий хан даёт вам три дня.

– Сын Бешеного Касума, который собирает налоги для хана? – заволновались евреи. – Разве мы виновны в том, что пропал его сын?

Воины ускакали, а на людей напал страх – опять погром, куда бежать, где скрыться... Молодёжь решила сражаться, но старики предлагали дать откуп деньгами. И так, и так было плохо, потому что мусульман много, очень много, а евреев мало и не сумеют они собрать такую сумму, которая удовлетворила бы хана и отца пропавшего мальчика.

Пока же согласились с раби Нуриэлем – объявить *таанит*, пост, и всю ночь читать в синагогах Тегиллим.

Заполнили все синагоги слободы, закрыли двери и, сидя на полу, в глубокой скорби повторяли священные строки песен царя Давида, Асафа, сыновей Кораха, Моше и Авраама.

После вечерней молитвы раби Нуриэль открыл свою книгу и стал читать нараспев на языке Талмуда.

Люди вслушивались, не понимая слов, но боялись пропустить хотя бы один звук. Потом раби попросил у шамаша чистый лист и перо, начертил квадраты и в каждый квадрат вписал одну букву священного языка. Потом соединил противоположные буквы линиями и пересечение всех линий отметил кругом.

Поднёс лист к лампе, внимательно посмотрел на свет и написал в кругу Четырёхбуквенное Имя. Передал лист шамашу, улыбнулся и говорит:

– Жив мальчик, жив! Сохрани лист. Утром пойдём в лес. А сейчас пусть все расходятся по домам.

Было ещё далеко до рассвета, но у дома раби Нуриэля собралась огромная толпа.

Он вышел и говорит:

– Братья мои, не сейчас, не сейчас – после молитвы пойдём за мальчиком.

Когда солнце высоко поднялось над Шахдагом, он, два шамаша и Ихиель с винтовкой в руке отправились в лес, вверх по течению реки.

По пути раби сверялся с листом, который расчертил квадратами. Больше часа они пробирались по горной тропе, пока не вышли к деревянному дому лесника. Вошли и видят, что за столом сидит старый лесник, а напротив него мальчик ест сыр с лепёшкой. Встал старик, смотрит на них, а раби говорит:

– Мир тебе, хозяин.

– И тебе Аллах пошлёт мир. Садитесь к столу, ешьте с нами.

– Спасибо, хозяин, воду выпьем и пойдём, дело наше срочное.

Спрашивает у мальчика:

– Сабир, почему ты убежал из дома?

– Отец бьёт меня, – отвечает, – мать мою бьёт и меня бьёт. Мать не может уйти от отца, а я ушёл.

– Оставьте его, – просит старик, – пусть живёт у меня.

Рассказали, что если не вернётся Сабир, хан накажет евреев, вот-вот начнётся резня.

Взяли мальчика с собой и привели в Губу.

Не всегда такие истории заканчивались благополучно. Когда русская армия захватила Кавказ, евреи получили некоторое облегчение.

Всё было бы хорошо, если бы мусульманам Кавказа, а потом и всем прочим не внушили чудовищную ложь об использовании евреями крови в приготовлении мацы.

Дикари верят в подобное только потому, что они дикари. Им нравится вкус крови, они грызут друг друга и все вместе тянутся к еврейскому горлу. Достаточно вспомнить, с каким удовольствием ору-

довали банды Богдана Хмельницкого, Надир-шаха, Гитлера или Арафата.

Против евреев идёт война на двух фронтах, на физическом и на духовном.

Война на физическое уничтожение не имеет успеха, несмотря на хорошо вооружённые огромные армии, превосходящие по численности общее количество евреев в сотни раз. Поводом для войны выискивают самую невероятную ложь.

Древние греки обвиняли евреев в том, что они не хотят убивать больных, слабых детей и девочек, то есть проводить селекцию (Тацит). Христиане обвиняли евреев в убийстве их кумира. Мусульмане возненавидели за то, что евреи не признали Мохаммеда пророком. Просвещённая Европа обвиняет евреев во всемирном заговоре.

Каждый раз, когда евреи преступали законы Творца и теряли право на Его защиту, злоба дикарей переливалась через край, и гибли сотни тысяч и миллионы евреев. Но народ всегда возвращался к жизни.

Война на духовном фронте, это война с Биламом, который научил моавитян, как развратить евреев, чтобы получить над ними власть. Христиане заставляли евреев креститься, а мусульмане принимать ислам. Это всё известно.

Большого успеха добились коммунисты, они пустили в ход ужасное оружие – ассимиляцию.

Война с еврейством в Америке идёт пока ещё с небольшой потерей для евреев. На передний фронт битвы против евреев они выставили консерваторов, реформистов и им подобных и подкрепляют их атаку антиеврейской пропагандой и клеветой.

Когда-нибудь поймут, что война эта бессмысленна. Элоким гадоь, Он защитит преданный ему народ Израиля.

ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ:

НИСОНУ

Подготовку к *Нисону*, так называют горские евреи праздник Песах, начинают сразу же после Пурима – *ломуну*. Многие евреи белят, красят свои дома и квартиры. Кубинские и дербентские евреи моют ковры, в которых застряла хамецная пыль. Избавляются от лишних и непригодных вещей и приобретают новые.

Покупают подарки детям, украшения для женщин, новую одежду. Очищают, стирают и отглаживают старую.

Проверяют и за три дня до праздника кашеруют посуду.

Раньше металлическую посуду – кастрюли, самовары, чайники, чашки и кружки – лудили каждый год перед Песахом. Последнее время перешли на кипячение – *агалу*, что, конечно, соответствует *халахе*, но нарушает древнюю традицию.

Стеклянную посуду, в которой готовили еду, тоже кипятят, хотя достаточно было бы помыть горячей водой.

Посуду и предметы, использовавшиеся для жарки пицци – шампуры, противни, сковородки – прокаливают на огне, и это называется *либун*.

Деревянную, керамическую и любую другую посуду, которую использовали в течение года и которая не кошеруется, на девять дней закрывают в шкафах.

Новую металлическую и стеклянную посуду обязательно следует окунуть в микву или в речную запруду.

Последнее время большинство евреев хранят дома посуду, предназначенную именно для *Нисону*.

Древний обычай – в ночь на 1 Нисана дети зажигали костры, танцевали и пели песни. Евреи, находившиеся в дальних местах, старались завершить свои дела и вернуться домой.

Самое важное приобретение к Нисону – *гогол* – маца. У кого дома оставалось с прошлого года, доедал до начала месяца, чтобы в праздник есть из новой выпечки.

Раньше зерно привозили с поля домой и сушили в подвешенных мешках. За три дня до праздника зерно перемалывали на специально подготовленной мельнице и ночью в синагоге в особой печи пекли *гогол*. Пекли мужчины, но и детям была работа.

Автор этих строк прокатывал шестерёнкой от старых часов листы мацы перед тем, как их укладывали в печь. Это делалось для того, чтобы листы не вздувались и не лопались.

Утром у ворот синагоги выстраивалась очередь, *гогол* продавали по списку, который был составлен месяц назад.

В дни Нисону горские евреи употребляли в пищу мясо и свежую рыбу, яйца, помидоры, огурцы, картофель, свёклу, морковь, лук, чеснок, редиску, редьку, перец, салат и зелень, приправы, свежие фрукты.

Сухофрукты запрещены.

Молоко разрешено, но запрещены все виды молочных изделий.

Запрещена водка и все алкогольные напитки, кроме вина, изготовленного специально для Песаха. Виноградный сок также варят специально для Песаха.

Горские евреи не употребляли газированную воду и все виды напитков, которые пьют в обычные дни.

В старые времена на Нисону перетапливали бараний жир – *курдюк*, гусиный, куриный или индюшачий жир и на нём готовили еду, потому что под-

солнечное масло запрещено. В настоящее время пользуемся оливковым или ореховым маслом.

Вместо уксуса можно употреблять *турши* – особую приправу, которую готовят из алычи. В Губе её называют "*алю*".

Запрещены консервированные овощи и фрукты, варенье, копчёная и сушёная рыба, селёдка, бобы и другие стручковые, семечки, кукуруза.

Сахар, мёд, рис раньше не ели, в последнее время стали подавать отварной рис.

Днём, перед праздником, варят яйца, делают *харосет* и жарят куриную ножку для *седер-лайла* – *Шев Нисону*, однако в эту ночь её не едят.

Ночью каждая семья в своём доме садилась на ковры для заповеданной трапезы. Агаду читали на двух языках: на иврите и на горско-еврейском. Пили вино и ели отварную рыбу, картошку, зелень.

Праздник Нисону продолжался восемь дней. На его исходе, вечером устраивали праздник *Говгиль* ("*избавление*"). Дети рвали в поле траву и бросали в печные трубы.

На следующий день евреи выезжали на природу и жарили шашлыки. Хлеб, выпеченный из заквашенного теста, возвращался на стол.

НЕ КРИЧИ

– Тише! Тише! Нельзя кричать в синагоге, – сказал раби, – берегите себя.

Наш еврейский народ горячий – по любому поводу поднимает голос. Особенно женщины, когда не слышат друг друга. И ой-ва-вой, и себя не слышат, прямо недержание речи.

– Сколько осталось до выхода звёзд, до конца шабата? Есть время? Если есть, расскажу вам историю об одной женщине, которую вылечил раби Нисон. Тот самый раби Нисон из Нальчика, который силой молитвы преодолевал большие расстояния.

– Шартиль, сын Нуваха, был в слободе Нальчик лучшим мастером по выделке кожи для мезузот. И разную другую кожу выдeldывал, и зарабатывал хорошо, но когда для святого дела старался, себя не жалел.

Однако видит раби, что Шартиль уже не выполняет работу в срок и на молитвы не ходит. Сегодня утром опять пропустил.

Пошёл к нему домой. Глянул через плетень: никого нет в пустом и грязном дворе. В двери постучал, показалось, что зовут. Вошёл – комната неубрана, вещи разные под ногами валяются, дети на полу сидят – сколько их? Не различить среди тряпья.

Спрашивает: "Где отец, где мать?" Девочка, лет семи, вскочила, схватила раби за руку, потянула в другую комнату. Там на большой железной кровати лежит женщина, повернула голову, старается что-то сказать, не может. А Шартиль сидит на полу, спит, положив голову на кровать.

Позвал его раби:

– Шартиль, брат мой, что с тобой, что за беда?

Открыл глаза Шартиль:

– Ой, раби, раби, видишь – горе какое, умирает жена, не знаем от чего. Месяц уже лежит, дом не убран, дети некормленные.

Повернулся раби к больной, провёл ладонью над её глазами.

– Вынеси кровать в большую комнату, – говорит, – вернусь после вечерней молитвы – вылечим твою жену.

Вечером раби пришёл не один, привёл десять евреев – миньян.

Раби на стуле сидит, у изголовья больной, а муж и другие евреи – на полу. Открыл раби большую книгу "Теһилим" в кожаном переплёте, прочитал один мизмор, другой, потом молитву "Ана бэ-хоах", где скрыто Имя из сорока двух букв. Попросил Шартиля сказать кадиш и поднял руку, чтобы все молчали.

Женщина закрыла глаза, видно, уснула. Раби наклонился над её лицом, позвал:

– Кто ты, захвативший это тело? Именем Святого приказываю, отвечай!

Евреи в страхе смотрели то на кровать, то на раби. Губы больной зашевелились, в дрожащей тишине раздался хриплый мужской голос:

– Я душа Ифилия.

– Почему ты мучаешь эту бедную женщину, в могилу тянешь? Дети немывты, не кормлены, пропадут без матери!

– Учитель, она сама виновата, не разговаривала, а кричала, что ни слово – то проклятие. Однажды так кричала, так кричала, вижу – душа её сжалась, есть место и для меня.

– Кто ты? Почему не в Ган-Эден, не в Гийном и не в хранилище душ?

– Горькая моя судьба. Не приняли ни в Геином, ни в Ган-Эден – такое наказание, хуже не бывает. Я жил во Флоренции, в еврейском гетто. Отец перцем торговал, но его не за деньги – за мудрость уважали. И меня в йешиве любили, называли талмид-хахамом. Когда восемнадцать лет исполнилось, за-сватали мне дочь габая.

Через месяц отца в дороге убили, забрали деньги и весь товар, что был с ним. Невеста ждала год, пока кадиш не кончил читать, а под хупу её не повёл – не было денег на свадьбу. Перенесли ещё на полгода, время подходит, положение лучше не становится. Попросил снова передвинуть срок. Разные пути искал, пока совсем не отчаялся.

Сижу за книгами, а между строк моя нищета на меня смотрит. Венецианскую бумагу слезами орошаю. Несчастливая моя невеста, закрыл я ей дорогу. Позор для неё, засватанной, дома сидеть, откажу – снова опозорю. Больно было, очень больно.

Три дня не ел, не пил, читал *видуй* – молитву раскаяния. Просил у ha-Шема прощения за то, что решил умереть. Написал два письма, одно для матери, другое для невесты – что освобождаю от *недэра*.

На чердаке верёвку к балке привязал. Помню, что крик застыл в горле, когда петля воздух перекрыла.

Душа предстала перед Судом, и сказали там, что к этому дню в йешиве собрали для моей свадьбы полную сумму. Должны были вручить, когда приду. Не успели.

Конечно, у самоубийцы нет права на Ган-Эден, даже если был праведником при жизни. В Гийном тоже не берут – нет на мне другой вины, кроме этой. Сейчас в одном теле две души, тесно нам.

Губы женщины перестали шевелиться. Никто не решался прервать наступившую тишину.

Тогда раби встал, расправил над ней две свои ладони и тихо произнёс Священное Имя, протягивая гласные. А потом говорит:

– Освобождаю тебя, душа Ифилия, и возвращаю в *црур ha-хаим* – в хранилище душ. Итгадад вэ-иткадаш Шэме раба – Возвысится и освятится великое Имя...

И так далее, весь кадиш "Аль Исраэль" прочитал.

Женщина на кровати вскрикнула, открыла глаза, смотрит на раби, на мужа, на евреев, сидящих на полу вокруг, плачет.

– Вставайте, братья мои, – сказал раби Нисон, – а ты, уважаемый Шартиль, покорми её сегодня, завтра она сама будет готовить еду для тебя и для твоих деток. Будьте здоровы.

И вы, дорогие мои, будьте здоровы. Чтобы только на радость мы собирались. Сохранит Милосердный Свой народ от войны, от болезней и от голода. Возвратит изгнанных, соберёт нас в отстроенном Ирушалаиме. Амен.

СЧАСТЬЕ И УДАЧА

Шабат ждём долго – шесть дней, а проходит он мгновенно. Сколько осталось до выхода звёзд? Пятьдесят минут? Есть ещё время для новой истории.

Было это сто, а может, и двести лет тому назад.

Один старый еврей взял в услужение в свой бедный дом девочку-сироту. Чтобы помогала старухе по хозяйству, чтобы на стол подавала, чтобы детская душа была рядом, потому что своих детей у них не было.

Девочку звали Мозол – удача. А какая удача у сироты?

В двенадцать лет она с улыбкой и старанием выполняла взрослую работу и имела за это постель, еду и какую-нибудь обновку к празднику. Соседи тоже не обижали: кто подарит новый пояс, кто чувяки сошьёт.

Время идёт, девочка растёт, в шестнадцать лет невестой выглядит. Однажды посмотрел на неё старик и задумался, взял за руку:

– Садись, Мозол, – говорит, – слово есть. Полюбили мы тебя, как родную дочь и замуж должны были бы выдать, но не можем из-за бедности своей. Поищем тебе другую семью, богатого хозяина, чтобы заработать могла и собрать приданое.

Заплакала девочка. Куда идти, где искать? Сама тоже привыкла к старикам, за четыре года родными стали. А старик одной рукой гладит её по голове, другой бороду крутит.

Соседи узнали – кто деда ругает, кто одобряет. Искали в Нальчике, в Грозном, в Дагестане, в разных еврейских поселениях.

В Баку нашли хорошего человека, богобоязненного еврея, Шомоила Абрамова, хозяина мебельной фабрики. Взял он Мозол служанкой в дом и обещал хорошо платить.

Добрый был хозяин, не обижал. Но и сама девочка не ленилась, капризной жене угождала, двоим мальчикам, пяти и семи лет, нянькой была. С рассвета до ночи крутится – в богатом доме всегда есть работа.

Надо сказать, на себя она совсем денег не тратила, ела за хозяйским столом; одежду, обувь ей на прощанье купили старики. А то, что хозяин давал, у него же оставляла на хранение.

Свахи о девушке узнали, стали подбирать женихов – невеста-то уже не нищая.

Пожар случился ранним утром. Сначала загорелись мастерские, потом огонь по навесу и по крыше перешёл на дом. Мозол разбудила хозяйку, схватила детей и выскочила на дорогу. Потом удивлялась, как смогла вынести на себе двух тяжёлых мальчиков.

Утром Шомоил пришёл за детьми в соседний дом, где их приютили. Стоит, вниз смотрит, да и девушка опустила голову. Жалко им друг друга, да чем поможешь.

Говорит он:

– Деньги твои сгорели, Мозол, вместе с моим домом, ищи себе другого хозяина. Элоким гадоль!

Евреи не оставили девушку в беде. Собрали одежду, немного денег. Рассказали о ней заезжему купцу из Гянджи, Хаиму Исупову. Тот предложил поехать к нему, чтобы хозяйство и дом на себя взяла. Платить будет так, чтобы за год собрала приданое.

Может, не зря дали ей имя Мозол...

Кончились осенние праздники, зима прошла. Мозол живёт в Гяндже, служит в доме богатого еврея. К Пуриму – *һомуну* – окна, двери, полы в доме вымыла, теперь готовит *эдэсо* – халву из муки с мёдом и орехами.

Всегда евреи на Пурим подарки раздают. Хозяин в своём магазине сидит, а для бедных оставил вино, рис, масло, пахлаву, фрукты разные и мелочь русскими монетами. Пришли первые нищие, Мозол усадила их за стол, поставила еду.

Смотрит – узнаёт Шомоила, бывшего своего хозяина. Он тоже смотрит, ждёт, что она скажет. Стыдно, но живот еду просит. Мозол поставила хлеб, мясо, вина налила, села напротив, спрашивает о детях.

– Три месяца, – говорит, – как оставил дом, чтобы не видеть страданий жены и детей. Искал деньги, просил в долг, чтобы фабрику восстановить – никто не дал.

– А если будут деньги, вернёшься? – спрашивает Мозол.

– Мне бы только начать, дальше справлюсь.

– Сиди, ешь, – говорит, – я скоро вернусь.

Побежала к хозяину, говорит, что срочно деньги нужны, пусть отдаст то, что заработала. Удивился Хаим, подсчитал, сколько приходится за восемь месяцев, завернул в платок и передал девушке.

Вернулась, дала свёрток Шомоилу. Он открыл, посмотрел на деньги, спрятал за пазуху, потом взял обе руки Мозол, поцеловал и, пятясь мелкими шагами, вышел из комнаты.

К концу дня хозяин вернулся. Зовёт Мозол:

– Что случилось? Зачем тебе понадобились деньги? Если принесли золото, надо было мне показать прежде, чем купила.

Рассказала, что приходил её прежний хозяин, что он в большой нищете и она помогла ему, чтобы восстановил свою фабрику. Слушает Хаим, задыхается от возмущения.

– Ты отдала все свои деньги, почему? Безумная! Своё приданое, своё будущее отдала. Негодная девочка, уходи из моего дома, не хочу тебя видеть! Рядом с дураком сам дураком станешь.

Ничего не ответила Мозол, собрала свои вещи в мешок, поцеловала мезузу, закрыла платком лицо и пошла.

Идёт, плачет, еврейский квартал кончился, последние дома Гянджи остались сзади. Слышит топот коней, смотрит по сторонам – где бы спрятаться.

Вдоль дороги лежат большие камни. Кинулась к одному, легла, а под камнем нора – человек поместится. Опустила ноги, почувствовала ступени. Сначала было темно и страшно, потом свет появился. Керосиновая лампа висит, освещает комнату с каменными стенами, стол, кувшин на столе, скамейку. Видит – на полу спит юноша, по виду еврей.

Мозол села к столу, опустила свой мешок. Юноша – наверное, от её взгляда, – проснулся, сел, спрашивает:

– Кто ты? Как сюда попала?

– Я Мозол, а ты кто?

– А я Мацлиях, – засмеялся он, – возвращаюсь домой из Багдада, там учился у раби Хаима-Йосефа. В этой яме меня *ha-Шем* от бандитов спрятал.

Когда девушка рассказала о себе, решили они дожждаться ночи и вместе идти дальше. Говорит юноша:

– Ты – Мозол, *мазал* мой, счастье моё, а я – Мацлиях, твоя *haцлаха* – удача. Будь моей женой!

Засмеялась девушка:

– Кто от своей удачи откажется!

Шли лунной дорогой, никого не встречали, а на рассвете подошли к маленькому еврейскому аулу. Нашли местного раби, рассказали ему всё о себе и попросили сделать кидушин.

Но раби возразил:

– Нет, дорогие мои, всей общиной устроим настоящую свадьбу!

Поставили столы во дворе нимаза, кто плов готовил, кто мясо жарил, вино принесли. Вечером завели жениха и невесту под хупу, прочитали семь благословений и разбил жених стакан в память о разрушенном Ирушалаиме. Потом сели за стол и раби говорит:

– Сегодня Мацлиях и Мозол стали мужем и женой. Нацлаха-удача и мазал-счастье соединились под хупой. На-Шем их свёл. Поэтому я дарю им свой шабатный серебряный кубок и пять русских рублей.

Встал габай и говорит:

– Для счастья и для удачи я дарю своего коня и золотую царскую десятку.

Подходят люди, один за другим, несут деньги, подарки. Мацлиях и Мозол смотрят на стол, смотрят друг на друга, слёзы из глаз текут. Элоким гадоль.

ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ:

ГОСТЕПРИИМСТВО

Дом Авраама имел четыре входа и был открыт на четыре стороны света. Долг гостеприимства был для него настолько важен, что, увидев путников, идущих под палящим солнцем пустыни, преодолевая боль после операции брит-мила, он побежал навстречу и привёл их к себе.

Каждое утро после первых благословений мы читаем:

"Вот дела, в которых нет нормы:

– пеа (нет нормы для участка на твоём поле, который оставляешь, чтобы бедный пришёл и собрал урожай для себя),

– бикурим (посвящение первых плодов урожая),

– гмилут хасадим (благотворительность),

– талмуд Тора (изучение Торы).

*Исполняя сегодня эти заповеди, человек создаёт свой фонд благополучия в будущем мире. Среди них одна из самых важных – **хахнасят орхим** – гостеприимство".*

Горские евреи чрезвычайно гостеприимны. Эта заповедь Торы, **хахнасят орхим**, впитывается с молоком матери и становится образом жизни каждого человека.

Традиция обязывает оказывать уважение, приютить и накормить любого человека, вошедшего за порог дома, и обеспечить его защиту.

Даже если этот человек неприятен хозяину дома, нельзя разговаривать с ним грубо и пренебрежительно. Следует провести его к столу, предложить чай, воду и внимательно выслушать.

Рассказывают, что в прошлом горский еврей, принимающий гостя, сажал его на почётное место, готовил особую еду, которую себе мог позволить только в праздник, а если гость оставался на ночь – отдавал лучшую комнату в доме.

Традиция горских евреев не позволяет ходить в гости без подарка, но и хозяева дома не отпускают гостей с пустыми руками. Если гость ехал в дальнюю дорогу, помимо подарков давали еду.

Нельзя попрощаться и закрыть за гостем двери. Следует проводить его за порог, как минимум, на четыре шага. Нельзя отпускать ночью гостя, живущего далеко, одного, без сопровождения.

Гость, в свою очередь, не должен быть назойливым или подавлять хозяина своим превосходством.

Есть и пить следует умеренно. Нехорошо задерживаться в гостях, если нет особой необходимости.

Следует помнить, что Творец, Благословенный – настоящий хозяин нашего дома, земли, на которой стоит наш дом, мира, в котором мы воюем или любим друг друга. А мы – Его дорогие гости.

Поэтому Авраам-авину просил своих гостей читать благословения до еды и после еды, чтобы узнали настоящего Хозяина.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Кубинские евреи имели в своих домах огромное количество священных книг. В советское время их прятали в подвалах и на чердаках, а как пришла свобода, вытащили на свет. Только кто теперь здесь может их читать! Только дети, благодарение Всевышнему, вернут наш народ к древнему языку и к Торе.

В кубинской синагоге, в гнизе, собрали сотни томов Талмуда, Мишны, поучительных наставлений великих учителей. И в бет-мидраше есть книги, которые не оставят душу в покое.

В одной из старых рукописных книг нашёл я такую историю.

В ауле Джэрах, в Табасаране, жили рядом, дом к дому, евреи и мусульмане. Еврейских домов было около пятидесяти, а мусульманских больше двухсот. Кадий, правитель области, тоже жил в этом ауле. Над аулом, как крепость, возвышался его большой каменный дом. Жестокий был правитель, своих единоверцев не жалел и над евреями издевался.

Когда ему понадобились деньги сверх обычных поборов, приказал схватить первого попавшегося еврея и его семью, бросить в яму и потребовать от евреев выкуп.

Тут же стражники помчались выполнять приказ, схватили плотника Ифраима, его жену, беременную, на последнем месяце и двух маленьких детей, мальчика четырёх лет и девочку – трёх. Доставили их к кадию.

Кадий посмотрел и обрадовался – за такую семью много получит. Привели их к яме, спустили ве-

рѣвками по одному через квадратный проём в досках и закрыли крышку.

А кадий послал сказать евреям, что требует за пленников тысячу рублей и не освободит, пока не выплатят всю сумму.

Собрались старики и все уважаемые евреи общины, стали подсчитывать, сколько могут собрать, чтобы освободить пленников. Получилось всего-навсего восемнадцать рублей. Значит, надо просить помощь у всех евреев Табасарана. Послали делегацию к кадию, чтобы взял, что есть, но он не согласился: "Пока все деньги не дадите, – говорит, – не отпущу".

Зима начинается, пленникам в яме холодно. День прошёл, второй. Утром опускают в яму лаваш и кувшин с водой – еда на весь день. Ифраим молится и Теһилим наизусть читает, а жена в угол забилась, обнимает детей, дрожит, плачет. Через неделю родила, но малыш сразу умер. Мать и отец склонились над ним, плачут. Где предел страданиям нашим, где?

Яму охраняли два стражника, лезгин и кумык. Стояли они над ямой по очереди – один днём, другой ночью, а потом менялись.

Лезгина звали Абу, он жалел евреев, сидел на корточках над ямой и успокаивал Ифраима: "Хотел бы вам помочь, – говорит, – но не могу, тогда меня бросят в эту яму. Молитесь своему Б-гу, обязательно поможет, не может не помочь".

А кумык Ахмат злой был, ненавидел евреев, радовался их горю. Абу слышал, как кумык над ними издевался и горел от негодования, всё думал, как бы евреев спасти и Ахмата наказать.

Приготовил бутылку водки, настоящую на снотворной траве. Ночью, когда дежурил, постучал в крышку:

– Возьми, – говорит, – Ифраим, бутылку – это особая русская водка. Завтра вечером попроси Ах-

мата принести тебе тулуп, а взамен, скажи, что дашь ему бутылку с напитком, от которого душе будет сладко. Если потребует сначала бутылку, соглашайся. Он обманет, но и тебе будет хорошо.

И передал бутылку на верёвке в руки Иффраима.

В следующую ночь, когда на охрану заступил Ахмат, Иффраим позвал его и попросил принести тулуп. Взамен, сказал, что даст ему особый напиток, который евреи приготовили к празднику. Хитрый Ахмат потребовал сначала бутылку, открыл, попробовал: действительно вкусно. Выпил всё, свалился у открытой ямы и уснул пьяным сном.

Абу за углом прятался, подошёл осторожно, смотрит – спит Ахмат. Вытащил Иффраима, его жену и детей из ямы, умершего малыша тоже взяли. Вывел их незаметно к речке, на дорогу. Там ждёт их лошадь, запряжённая в *арбу* – в телегу с огромными колёсами, а между колёсами жерди, и больше ничего нет – ни с боков, ни сзади, ни спереди. На таких телегах сено с гор возят. Взобрались они на жерди, и Абу погнал лошадь.

Далеко уехали, на рассвете добрались до Осетии, где христиане живут. Иффраим дочку к себе прижимает и молитвы царя Давида читает, а жена над умершим младенцем плачет. Светало уже, смотрят – а где же мальчик? Ой-ва-вой! Выпал по дороге. Как быть? Назад возвращаться – убьют всех.

Остановил Абу лошадь:

– Идите, – говорит, – дальше сами, я назад вернусь, мальчика найду. Не беспокойтесь, не дам его в обиду.

Оставил их и уехал. По дороге домой нарубил в лесу хворост, накидал полную телегу. Подъезжает к Джэраку, видит – у дороги мальчик сидит. Посадил рядом с собой, едет.

Останавливают его стражники, рассказывают, что Ахмат выпил вино, запрещённое мусульманам, и

выпустил евреев из ямы. Кадий теперь его вместо евреев в эту яму бросил.

Абу пришёл к кадию и говорит:

– Евреи убежали, мальчика своего бросили. У меня своих детей нет, отдай мне его.

– Забирай! – махнул кадий рукой.

Жена Абу обрадовалась, искупала мальчика, накормила. Дали ему имя Ибрагим – как первого Ибрагима спас Аллах, так и этого спасёт.

В прошедшую ночь евреи оставили аул, переселились в соседние сёла. А мальчик остался жить у Абу, словно родной сын.

Когда немного подрос, привели его к молле, чтобы учил грамоте. В восемь лет Ибрагим читал Коран не хуже своего учителя и выучился писать чёрной тушью. Абу и молла гордились им, а чужие завидовали.

Однажды играли мальчишки над речкой в алькики, это кости такие от бараньих голеней. Ибрагим как ни бросит – в круг попадает, а у них всё мимо. Стали дети его ругать:

– Джуд, – кричат, – мусульман обижает. Бей джуда, бей!

Ибрагим не боялся их, но заплакал и вернулся домой, к приёмной матери. Она успокаивает мальчика, поставила перед ним чашку сметаны и сыр, а он отодвинул, просит, чтобы рассказала о родной матери и об отце. Женщина испугалась, что скажет что-то не то, и убежала к соседке.

Когда Абу пришёл домой, Ибрагим встал перед ним:

– Знаю, – говорит, – что я еврей. Где моя мать, где отец?

– Я – твой отец, врут дети.

Смотрит Абу на него, видит, что мальчик вырос. Посадил рядом и рассказал правду.

Ночь и день мальчик плакал, а на следующую ночь выскользнул из дома и пошёл пешком по той дороге, по которой пять лет назад уехали его родители.

Кто знает, как он шёл и какая сила его вела... Дорога то вдоль речки петляла, то в гору поднималась. Устал, сел под старой акацией, прислонился спиной к стволу и уснул.

Когда открыл глаза, летнее солнце уже высушило росу. Встал на ноги, хотел идти – больно. Видит – телега едет. Махнул рукой, может, подвезут. Лошадь остановилась рядом, опустила голову, а с телеги на него старейший еврей смотрит – её хозяин.

Разгладил свою белую пушистую бороду и спрашивает:

– Кто ты, мальчик, куда идёшь?

Отвечает:

– Я еврей, ищу своих родителей.

– Если ты еврей, почему говоришь, как турок?

– Отец и мать мои, евреи, потеряли меня, когда я маленький был. Жил у лезгина, теперь ищу их.

Велел старик Ибрагиму показать брит. Стыдно было снимать штаны, однако понял, что старик бросит его на дороге. Но тот как увидел, что мальчик не врёт, посадил Ибрагима в телегу, сунул ему в руки лаваш и кувшин с молоком и погнал лошадь.

Через недолгое время они уже ехали по улице крепостного города Темир-Хан-Шура. Подъехали к дому раби Элияху. Выслушал раби старика, потом мальчика и оставил его жить у себя, пока родные не найдутся.

Раби сам учил его еврейским буквам и грамоте. Ибрагим, теперь уже Авраам, через неделю вспомнил язык горских евреев, оказалось, что и русскую речь понимает.

Умный мальчик, никогда у раби не было таких способных учеников. Сэфер-Тору читает так, словно

Всесильный управляет его устами, евреи слушают и боятся дышать. Рады ему и раби, и жена раби, и дети, но он редко улыбается, сидит над книгой, читает, вдруг задумается, кричи над ухом – не услышит.

К тринадцати годам выучил "Шиша Сидрей Мишна" – все шесть разделов Мишны. И четыре раздела Гемары выучил. Смотрит на него раби – мальчик вырос, тянется к Тайной Торе. Когда щёки стали обрастать, стал заниматься с ним до рассвета, до утренней молитвы.

Однажды положил раби руку на плечо Авраама и говорит:

– Сын мой, чему я мог научить тебя – научил, собирайся в дорогу. Поедешь в Литву, в город Вильно – там лучшая еврейская школа, йешива.

Жена раби услышала, рассердилась:

– Зимой посылаешь, пусть сидит до *Аселтэ*, до праздника Шавуот.

Но Авраам сам загорелся, не мог ни читать, ни молиться, пока раби готовил ему дорожные документы.

В пятый день месяца Шват, когда семья попрощалась с Субботой, раби стал собирать своего ученика в дорогу.

Дал ему дорожный мешок и новый сидур. Дал ему талит-катан, который еврейские мужчины носят под верхней одеждой. И сказал:

– Не стирай его до тех пор, пока не наступит самый торжественный день в твоей жизни. Прежде, чем поднять бокал вина для благословения, снимешь с себя этот талит и распорешь правый передний угол, откроешь и прочитаешь то, что я написал тебе на пергаменте для этого момента.

Утром после молитвы жена раби последний раз накормила Авраама, и он оставил родной дом.

Раби Элияху заранее договорился на почтовой станции, что Авраам поедет с солдатами, везущими царскую почту. Два старых солдата уложили в

коляску свои мешки, помогли ему взобраться наверх и тронулись в путь.

С мутного неба сыпалась снежная крупа, тройка лошадей разбивала копытами замёрзшую землю, ещё мгновение и последние дома скрылись в белёсой мгле. Первую остановку сделали в Петровске, взяли ещё один мешок с почтой и до крепости Грозной почти не останавливались.

На второй день такая же остановка была в Беслане. Так же сыпал мелкий снег, сдувал его к обочине и укрывал камни и голые кусты. Солдаты торопились и усердно погоняли лошадей, чтобы при свете дня добраться до ночлега.

Справа нависали скалы и плотно прижимали дорогу к реке. Никто из сидящих в почтовой коляске не заметил, откуда появились всадники в чёрных бурках. Солдаты схватили свои винтовки, один из них успел выстрелить, но тут же был сражён ответной пулей. Второго солдата закололи кинжалом. Авраһама вытащили из коляски и велели бежать, не оглядываясь.

Он бежал, пока были силы, потом свалился к подножию огромного валуна и стал есть снег. Тэфилин, книги, все вещи остались в руках бандитов.

Через некоторое время встал и пошёл. Быстро темнело, шёл наугад, прошёл по мосту. Дальше пошёл через поле и холодный ветер стал задувать под потную одежду.(??? потную или плотную?) Долго шёл, хотел остановиться и лечь на землю, но неведомая сила управляла им и заставляла переставлять тяжёлые ноги.

Дорога перешла в улицу. Окна наглухо закрыты ставнями. Только запах дыма выдаёт, что есть жизнь за глухими стенами. Повернул на боковую улицу, уходящую вниз, заскользил по снегу и упал у порога застывшего во мраке дома.

Утром хозяин дома открыл двери и увидел мальчика-еврея, лежащего на снегу. Приложил руку к губам – ещё живой.

Затащили его в дом, раздели, уложили на кровать и послали за доктором. Врач осмотрел, велел растирать грудь и ноги гусиным жиром и поить кизилковым чаем.

На второй день Авраам открыл глаза. Лежит в тёплой комнате за занавеской, на мягкой перине, и слышит детские голоса – читают на древнееврейском языке по очереди Мишну. Прислушался – так это из восьмого раздела "Йома":

"В шабат обрушилась крыша дома и под обломками оказался человек. Если знаем, что живой, следует немедленно спасать, пилить брёвна, бить кирпичи".

– Для живого нарушаем шабат, а если умер?

Не выдержал Авраам и подал голос:

– А если жив? Кто знает... Даже если на мгновение продлим жизнь – должны нарушить шабат, разобрать завал. Талмуд Бавли, восемьдесят пятый лист, "алеф", говорит: "Действуем, пока не поймём – живой, не живой. Не знаем, кто под завалом – еврей, нееврей... спасаем".

Дети услышали голос, прибежали к Аврааму.

– Проснулся! Проснулся!

Мать, отец, соседи пришли, расспрашивают, кто он, откуда.

Рассказал, что имя его Авраам, ехал в Вильно – учить Тору, в дороге ограбили бандиты. Дальше не помнит.

Говорят ему, что Святой, благословен Он, уберёт его и привёл в еврейский квартал, в еврейский дом. Послали сказать раввину, что спасённый юноша – талмид-хахам. Рав пришёл, задаёт вопросы Аврааму, удивляется – большой люблю главу Письменной Торы и всю Мишну наизусть читает. Копнул глубже, так он и с Тайной Торой знаком.

Через несколько дней Авраам встал на ноги. Рады ему в доме – такой он светлый, такой ласковый. Когда говорит, каждое слово понятно и вся жизнь становится понятной.

Рав привёл его к себе, стали учиться вдвоём. Раву приятно и юноша доволен. Учеников дали, сначала пять или шесть, потом набежали дети. Всем интересно с ним – и детям, и взрослым.

Лето проходит, окончились горестные дни Суруни, месяца Ав. Смотрит рав на Авраама и говорит:

– Тебя к нам Всевышний послал. Видишь, у меня нет сына, только дочь. Но тебя люблю не меньше. Будь моим зятем. Умру – ты будешь раввином этой общины. Я богатый, всё останется тебе. Смугился Авраам, он и мечтать не мог, что рав отдаст за него дочь.

Смугился Авраам: он и мечтать не мог, что рав отдаст за него дочь.

Однако ни один мудрый человек не отвечает сразу. Попросил время до завтра.

Дети хозяина услышали эти слова, побежали домой, кричат:

– Мама, папа, чем наша сестра хуже дочки раби! Если раби пожелает, любой в городе засватает его Мирьён. Пусть Авраам возьмёт в жёны нашу Хивит!

Теперь хозяин говорит юноше:

– Раби прав, Всевышний послал тебя в мой дом. Дом этот родной тебе и дочь нашу отдаём тебе. Как мы были милосердны, так и ты... Перед Новым Годом, Рош ha-Шана, пойдёте под хупу.

Что мог ответить Авраам? Обязан жизнью, согласен.

Все рады: мать Хивит, родные, сама девушка. Узнал рав – поздравляет, говорит, что сделает кидушин.

Пришло время свадьбы. Поставили во дворе столы, вся община собралась. Ведут невесту под хупу, наливают вино в бокал. Тут вспомнил жених о том, что надо распороть талит-катан и прочитать письмо раби Элияху.

Отошёл в сторону, распорол край талита, вытащил маленький лист пергамента и передал раву. Народ удивляется, что там за письмо.

Рав поднял руки и читает в полной тишине:

– *"Не возьмёт брат в жёны родную сестру"*.

Всё. Ничего больше.

Посмотрел рав на Авраама и спрашивает:

– Можешь ли ты рассказать, откуда родом, кто твои родные?

Рассказал Авраам, что помнит, как сидел в яме с отцом и с матерью, и была там с ними сестра. Их охраняли два стражника: один – злой, а другой – добрый, по имени Абу. Родители убежали из ямы, а Абу взял его в свой дом.

А дальше то, что мы с вами уже знаем.

Не успел закончить, вскрикнула мать невесты, упала на землю без сознания. А отец бросился к Аврааму, целует и плачет, плачет и целует, кричит:

– Сын! Сын мой! Сын вернулся!

Авраам опустил на колени перед матерью, щёки гладит.

– Мама, мама, проснись!

В этот же вечер Хивит передала свадебный наряд Мирьён, дочери рава, и, к великой радости всех евреев, сыграли такую свадьбу, что царь Шломо позавидовал бы.

Рав обнимает жениха и говорит:

– Великий человек твой учитель. Благословен народ, у которого такие учителя.

ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ: СЕМЬЯ

Известно, что благополучие всего нашего народа зависит от благополучия каждой семьи. Традиция создания семьи требовала от жениха и невесты соблюдения ограничений и правил, которые навечно связывали их узами брака.

Обычаи и обряды цементируют крепость еврейского народа, подтверждают его вечность. Их следует сохранять.

Историки и этнографы осуждают ранние браки среди горских евреев, хотя этот обычай позволил евреям выжить, когда эпидемии и физическое преследование не оставляли надежды на будущее.

Девочек сватали в возрасте тринадцати-четырнадцати лет. Даже если они ещё не были готовы к супружеской жизни, им давали время для физического и духовного созревания в период между сватовством и браком. Период этот мог продолжаться и год, и два, и несколько лет.

В то же время женихи были лет на десять старше своих невест. И были готовы к самостоятельной жизни и к продолжению рода. Бывали исключения, когда из-за особых обстоятельств женили мальчиков в четырнадцать-пятнадцать лет.

Обряд сватовства устраняет вероятность случайной связи. Учитывают происхождение невесты и жениха, родственные связи, социальное положение, душевные и физические достоинства и совместимость.

В таком случае, даже если между женихом и невестой не было личной договорённости, а лишь исполнение желания родителей, они достаточно зна-

ли друг о друге и могли дать согласие или отказаться.

Родственники жениха и родственники невесты составляли договор, на иврите – *тнай* (этот обряд горские евреи называют *тоной*) и назначали день свадьбы. Отец невесты называл сумму, которую следует внести за невесту (калым). Деньги шли на приобретение приданого невесты и на её предсвадебные расходы.

Определяли, как именно каждая сторона – от жениха и от невесты – участвует (финансово и т.д.) в будущем свадебном обряде. Дарили подарки невесте, жениху и всем участникам торжества.

После сватовства родители невесты приглашали жениха и его друзей на праздничное угощение. Теперь он мог посещать дом своей невесты.

К субботе и к праздникам жених посылал невесте продукты для праздничного стола, дарил подарки родителям, братьям и сёстрам. От невесты тоже несли подарки в дом жениха.

За несколько дней до свадьбы родители невесты накрывали стол и приглашали родственников жениха и своих родственников описывать приданое невесты. Показывали гостям каждую вещь, и раби записывал на особых листах название и количество вещей, в том числе и личных украшений невесты. Запись скреплялась подписью раби и двух свидетелей – со стороны жениха и со стороны невесты. На следующий день вещи везли в дом жениха и готовили комнаты к приходу невесты.

Свадьба начиналась одновременно в двух домах – в доме жениха и в доме невесты. В первый вечер родители жениха накрывали столы для своих родственников и друзей, а родители невесты – для своих.

На следующий день жених и невеста постились с рассвета до вечера и совершали ритуальное омовение, как на Йом Кипур. В старые времена жених

купался в речке или в море, а невесту обязательно водили в микву. Невеста, не прошедшая воды миквы, была запрещена жениху.

Хупу – бархатный балдахин на четырёх столбах – устанавливали во дворе дома невесты в конце дня, до наступления темноты. Жених шёл за невестой в сопровождении родственников и друзей. Несли подносы с угощением и подарками – выкупать невесту. Горели свечи, плакала зурна и били барабаны.

Когда жених в талите становился под хупу, женщины приводили невесту.

Раби читал *кэтубу* – обязательство жениха перед невестой, и проводил обряд *кидушин* – посвящения, и *несуин* – бракосочетания. Жених накидывал невесте на голову платок, в память о разрушенном Иерусалаиме разбивал стакан и под музыку, со свечами, вёл её в свой дом.

Невесту в дом жениха заводили её брат и близкая подруга. Молодых осыпали конфетами и рисом. У входа их встречала мать жениха. Перед тем, как посадить невесту на отведённое для неё место, она выводила её на танец. С невестой танцевали и другие родственники, сначала по очереди, потом все вместе. Во время танца они вкладывали в руки невесты деньги, которые будут нужны молодожёнам в первые дни совместной жизни.

Некоторое время жених и невеста сидели за столом и ели в первый раз за весь день, а потом уходили в комнату, отведённую для их уединения. После уединения к столу возвращался только жених.

О благополучном исходе свидетельствовали две женщины, которые прятались в тёмной комнате, или же жених сам выносил платок свидетельства. Друзья хватали платок и мчались к его родителям, чтобы получить взамен приличный выкуп. Свадьба с музыкой и танцами продолжалась до утра.

И вы будете благословенны для мирной и счастливой жизни в отстроенном Иерусалаиме. Амен.

КОМПАНЬОНЫ

Этот рассказ тоже об удаче. Каждый из нас на неё надеется. А вы подумали, кто посылает удачу?

Стали говорить об одном еврее, что он внезапно разбогател и, кроме того, несколькими словами излечивает от тяжких болезней, против которых бессильны лучшие врачи. И ещё говорили, что его благословение приносит удачу.

Слава пошла по всей области. Знаете, как это бывает: один скажет, другой прибавит – не понять, где правда, а где вымысел.

Подумал рав города: "Может быть, он колдует, не дай Б-г?" Решил проверить, посетить этого еврея и найти истину. Пришёл к нему и говорит:

– Отвечай, исполняешь ли ты заповеди, как ты разбогател и каким образом твои слова приносят людям здоровье и удачу? А если обманешь или не ответишь – призову тебя на суд Торы.

Сел еврей рядом с раввином и рассказывает:

– Получил я в наследство от отца магазин, который давал хороший доход, денег хватало моей семье и на помощь бедным. Но со временем дела пошли хуже и хуже, долги стали расти, и магазин пришлось продать.

Через год стал продавать украшения жены, потом мебель продал, ковры. Дом почти опустел, жену и детей нечем кормить. Подумал: "Раз я такой невезучий, надо найти хорошего толкового напарника, чтобы открыть новое дело".

Но не мог найти – не было желающих помочь мне. Решил отправиться в другой город, может быть, повезёт на новом месте...

Вышел из дома и задумался: "Куда пойду? Кому я нужен? Кто захочет стать моим напарником? Сколько у меня денег?"

Пошарил в кармане, нашёл одну серебряную монету. Подошёл к стене и стал молиться: "Б-г мой, Отец Милосердный, нет у меня никого ближе тебя, будь моим напарником, весь доход буду делить пополам. Я Тебе полностью доверяю, Ты тоже поверь мне".

Почувствовал, что стало легко на душе. Вернулся домой и говорю жене, что нашёл надёжного напарника.

Взял ссуду, открыл новое дело, пошёл доход. Расплатился с долгами, половину заработанного себе беру, а половину отдаю на йешивы, то есть напарнику. А то, что людям мои слова помогают, здесь тоже часть от меня, часть от моего напарника.

Рав выслушал еврея, попросил у него благословения и пошёл домой.

Будьте и вы благословенны, чтобы жили в достатке и помогали своим братьям.

РАБИ ДАВИД

Шабат шалом, братья мои. Какой у нас год, две тысячи первый? А по еврейскому календарю? Верно – пять тысяч семьсот шестьдесят первый. Я хочу вернуть вас назад на сто семьдесят лет. Только не в зиму, а в лето, в месяц Элул.

Правда, в горах Кавказа снег и летом лежит под ногами на каменной тропе, а на перевалах – лёд под снегом.

Не знаю, как тогда назывался перевал от Безенги к Белой речке, там, где сейчас живут балкарцы, да это и не важно. Дорога не очень трудная, свану достаточно было бы и двух дней, но раби Давиду и раби Бенияһу трёх не хватало.

Шли по перевалу, а не по большой дороге, чтобы не попасть в руки чеченских разбойников. Ноша у них небольшая, но ценная: свиток Торы и тэфилины для маленькой еврейской общины в Кабарде.

Рано утром слева показались вершины Каргашиля, а прямо выросли серые склоны Шитхалы.

Со вчерашнего дня смутная тревога сдавливала сердце раби Давида. Голубой воздух струился от восходящего солнца вниз, к тёмному ущелью.

А на гребне горы, которую путники только что преодолели, стояли люди.

Раби Давид показал на них рукой: "Надо спешить, нас преследуют. Пойдём к ручью, потом вниз по воде, чтобы не оставлять следов".

Прошло немного времени, уже можно было различить лица преследователей. Легли в засаду, зарядили кремниевое ружьё и пистоль.

Первая пуля срезала ветку облепихи над головой Бенияһу, вторая попала в голову.

Раби Давид увидел бандита, поднявшегося над обрывом, и выстрелом сбил его в воду. Река подхватила труп и понесла, ударяя его о камни.

Раби Давид отполз в сторону, перезарядил ружьё и снова выстрелил.

Сколько их было, бандитов, – четверо? Через мгновение он увидел, как двое оставшихся в живых убегают, припадая к камням, по правому берегу реки. Он встал во весь рост, прицелился, понял, что так далеко пуля не достанет, опустил ружьё и склонился над товарищем, над другом, с которым шесть лет учился в йешиве.

Вместе они после погрома, потеряв всех родных, бежали в Еврейскую Слободу. Потом вместе

защищали еврейские дома в Эндэри от бешеных воинов ислама.

Теперь он остался один, родных нет и друга, брата, потерял.

Несколько раз спускался раби Давид к воде, наполнял кожаный мешок и выливал на тело друга, потом рыл каменистую землю и плакал над могилой в кустах зелёной облепихи:

– Бенияһу, брат, твоя чистая душа идёт в Ган-Эден, но как я без тебя? Шма, Исраэль, – һа-Шем Элокену, һа-Шем Эһад...

Прочитал Теһилим на его имя: *"Как юноше найти свой путь? Соблюдать Твои заповеди? Всем сердцем к Тебе стремился, не дай мне уклониться от Твоих заповедей!"* (119:9-10). Прочитал һашкаву, поцеловал плоский камень, который втащил на могилу, и стал спускаться по течению ручья.

На закате показались белые саманные дома еврейского посёлка. Маленькая еврейская община прилепила их к крутому берегу, чтобы враги не могли внезапно ворваться и устроить погром. С праздника Суккот евреи заняли круговую оборону и ждали вестей из Губы.

Раби Давид шёл по тропе между домами, дети бежали за ним и кричали: "Омо! Омо!" Каждая семья хотела бы принять его, но раби Нофтоли Коин протянул руки в приветствии и повёл к своему столу.

С приходом раби Давида община стала сильнее. Читали Тору согласно һалахе, а мальчики с тринадцати лет возлагали тэфилин. И ещё он принёс письма от родных из Персии, из Губы, из Дербента.

В это время Россия воевала с кавказскими племенами. Евреи очень страдали от этой войны. Военные мусульмане грабили их и заставляли принимать ислам.

В долине, там, где был аул тогланов, на земле кабардинского князя Асланбека Кайтукина, русские

построили крепость Нальчик. Евреи маленькой общины с Белой речки обратились к коменданту, чтобы пустил их под защиту крепостных стен.

Им дали место на берегу реки, ниже русской слободы, и занесли в списки временных жителей. Евреи выделывали кожу и выменивали её на хлеб, на оружие, на домашний скот и на ткани. Каждый месяц принимали одну или две семьи переселенцев из Дагестана, из Азербайджана и даже из Персии.

Через год, за неделю до 17 Тамуза раби Давид повёл под хупу Гевалд, дочь раби Исмаила. Жениха сопровождал друг, Циткиил (Пантук), сын раби Нофтоли Акои́на, с которым они сблизились с первых дней знакомства.

Раби Нофтоли с женой, сыном и младшим братом Шомоилом переселился из Эндэри в Кабарду в 5585 (1825) году. А в следующее лето недалеко от Вольного аула чеченцы захватили Шомоила и продали в рабство. Искали его, надеялись выкупить – пропал бесследно.

Играет зурна, плачет зурна, ведут невесту под хупу. Дети и женщины танцуют перед невестой, кидают рис и медные монеты. А у Давида перед глазами лицо друга, раби Бенияһу, который остался лежать на берегу горного ручья.

Прошла неделя *Шева бэрахот* – Семи благословений. Возле дома раби Нофтоли выкопали квадратную канаву, закидали её камнями с речки и залили раствором извести и песка с песком. Потом на ровную площадку завезли две арбы глины, залили водой и пустили детей месить босыми ногами, подкидывая для связки жёлтую солому.

Когда масса хорошо размешалась, друзья раби Давида отлили в деревянных формах большие саманные блоки. После 9 Ава возвели стены дома для молодых.

Много лет спустя в двадцати минутах ходьбы от этого места, около железнодорожной станции, точно так же месили глину и строили дом для правнука раби Нофтоли Акои́на, для раби Ники – раби Гильада Нофтоли бен Дони́ила. Благословенна память праведника – ко́хена, талмид-хахама и каббалиста из Нальчика.

В советское время в Нальчике духовными вождями еврейской общины были раби Нахми́ил бен раби Хизкия́ Ами́ров, учитель Гоми́ил бен Ицха́к и раби Ники.

Ники на языке горских евреев – счастье. Почему его так звали? Не знаю.

Раби Мардахай был последним раввином Нальчика, пока не опустел еврейский квартал – Еврейская колонка, а в еврейских домах не поселились кабардинцы и чеченцы.

Рассказывает раби Мардахай:

– Когда я пришёл работать в нимаз, стал встречаться с раби Ники. Он был раввином общины, де-

лал кидушин, рисовал красивые кэтубот, в которых писал, что хупу поставили между двумя реками – такая была традиция.

Он был очень спокойный человек, говорил мало, только то, что важно для дела. Много читал, конечно, на святом языке, особенные книги, старые, были и рукописные. Кроме него только раби Саадиё Шаулов понимал, о чём они.

Похоронили раби Гильада-Ники бен Дониила Нофтоли на Масличной горе – *har ha-Zeytim*, в Ирушалаиме, среди других великих праведников Израиля.

Раби Саадиё тоже тихий был. Перед праздниками в нимазе много работы, несут резать кур, баранов. Он долго, очень старательно точил и проверял свои ножи. Потом пил чай и связанного барана водой поил. Потом молитву читал перед шэхитой. Когда разделявал на куски – проверял, чтобы не было сомнений в том, что мясо кошерное. Наши евреи горячие, нетерпеливые, но он ни на кого не сердился, говорил: "Худо данустэни – *ha-Shem* знает, что человеку нужно". Мудрый был, глубоко знал Тору.

Раби Саадиё очень тихим был, даже в молитве не повышал голос, но каждое слово слышно было и понятно. Любили слушать, когда он объяснял наши еврейские законы, и любили его рассказы. Праведный он был, наверное, один из тех тридцати шести, которые поддерживают мир.

Как-то пришла в синагогу бедная еврейка, привела к нему своего мужа и говорит:

– Раби, благослови, чтобы был у него заработок.

Раби, ни слова не говоря, достал из кармана кошелёк и высыпал всё, что у него там было, в её руки.

– Раби, – возмутился шамаш, – женщина просит *бэраху* – благословение, а ты деньги даёшь. Непра-

вильно это, благослови, и пусть она положит что-нибудь в нашу кассу.

– Поможет моя бэраха или не поможет – вопрос, а если поможет, так не сразу же, – ответил раби Саадиё, – а деньги им сейчас нужны.

А ещё раньше были братья Гилядовы: дед мой – раби Борух, раби Ёмин и Гомиил. Они учились в йешиве в Вильно. Раби Ёмин бен раби Ицхак был очень хорошим учителем. Самые бестолковые ученики через год читали и писали на иврите. Подумайте, каким талмид-хахамом он был, как его уважали, если рав ашкеназской йешивы в Вильно отдал за него свою дочь, Рахель, и отпустил её на дикий Кавказ.

Она учила горских женщин читать, писать, обучала еврейским законам. В начале тридцатых годов раби Ёмин и Рахель умерли от голода.

Камуил Исаакович Гилядов (Гомиил) восемь лет учился в Виленской йешиве. В 1907 году вернулся в Нальчик. После смерти отца, раби Ицхака, он отдал свой дом и двор еврейской школе. Много-много лет был её директором и учителем.

Харедимные евреи возмущались из-за того, что он помогал сионистам, встречался с Герцелем, сбрил бороду. Он великолепно знал не только иврит, но и идиш, турецкий, русский, кабардинский, балкарский. Нас он обучал ивриту и горско-еврейскому языку по учебнику, который сам написал. Он не был раввином, но помог многим евреям остаться евреями после революции и в сталинскую эпоху.

В 1942 году немцы вошли в Нальчик и расстреляли почти всех ашкеназских евреев и три семьи горских евреев на территории ипподрома. Немцы не заметили отличие горских евреев от кабардинцев и балкарцев. Благодаря внешнему сходству с другими народами Кавказа они получили отсрочку.

Раввины искали разные способы сохранения не только жизни людей, но и священных книг, и свитков Торы.

Раби Нахмиил Амиров, главный раввин Нальчика, и его брат, раби Шомоил, приготовили деревянные гробы, уложили в них все книги из нимаза и повезли на кладбище. На гробах была надпись "тиф", которая напугала немцев, и они временно оставили евреев в покое.

Раби Давид назвал своего первенца Ѓешей, по имени первого из "Терей асар" – двенадцати еврейских пророков – Ѓошеа.

После обрезания женщины унесли ребёнка, гости разошлись, только Циткиил сидел на ковре в углу комнаты и читал "Сэфер горалот" – "Книгу жребиев". Раби Давид закрыл двери и сел рядом.

– Знаешь, когда я учился в Йерушалаиме, в йешиве "Бет-Эль", узнал особую молитву Рашаша, благословенна память праведника, – "искра Аризалья". Если болит душа, я повторяю её слова, и открываются врата времени. Я вижу тех, кто пойдёт по этой земле через пятьдесят, сто и двести лет после нас.

– Ѓалаха запрещает предсказывать будущее, – возразил Циткиил.

– Ты прав, нельзя влиять на не свершившиеся ещё события, но нет запрета видеть дела своих потомков. Закрыв глаза, вижу наших внуков, умирающих от голода, детей их на полях битвы и вижу последующие поколения, свободные и счастливые, возвращённые в Эрец Исраэль. Это успокаивает.

Циткиил не успел ответить, как послышалась русская речь, двери распахнулись. В комнату ворвались русские солдаты, схватили раби Давида под руки и поволокли на улицу.

На ходу он успел взять мешочек с тэфилин и книгу Мишнаёт. Просил, чтобы позволили надеть тулуп, но они обругали его и повели по снежной дороге вверх, к военной казарме.

Часовой пропустил их в длинное кирпичное здание. В конце коридора раби Давида втокнули в тёмный карцер и замкнули железную дверь.

В каменном ящике, намного меньше человеческого роста по высоте и длине, можно было только сидеть. Из грязного земляного пола выступал чурбак. Раби Давид сел и прислонился к ледяной стене. Посмотрел на маленькое окошко без стекла, подумал – можно читать. Но что случилось? Почему его арестовали?

Быстро пришла ночь, без лампы или свечи. Вечернюю молитву шептал в полной темноте. Обхватил плечи руками и пел старые еврейские песни. Засыпал на короткое время, но тело дрожало от холода, и он тут же просыпался.

Когда почувствовал, что начинается новый день, возложил тэфилин, сел у окна на шапку и долго молился. Кто-то открыл железную дверь поставил кувшин с водой и кусок хлеба, завёрнутый в тряпку. Он омыл руки, поел хлеб, запил водой и стал учить Мишну.

Шли дни, раби Давид выделял только шабаты: сегодня четвёртый. Никто его ни о чём не спрашивал, а дежурный солдат на вопросы не отвечал. Ноги давно потеряли чувствительность, теперь он с трудом подползал к ржавому к ведру, чтобы опрavitься.

Пока раби Давид был в карцере, староста общины и два его помощника пытались узнать в чём его вина, за что арестовали. Но комендант не стал с ними разговаривать и запретил передавать еду и тёплые вещи.

На следующий день после четвёртого шабата солдаты вытащили его в коридор и на носилках отнесли домой. Следом за ними шёл офицер. Не глядя на собравшихся евреев, он положил на стол десять рублей и поспешил в казарму.

Раби Давида переложили на большую деревянную тахту, ближе к жарко растопленной печи. Рахмиил растёр его уксусом и напоил солёным калмыцким чаем с молоком. Потом жена Гевалд принесла сына, он смотрел на мальчика и шептал благословения.

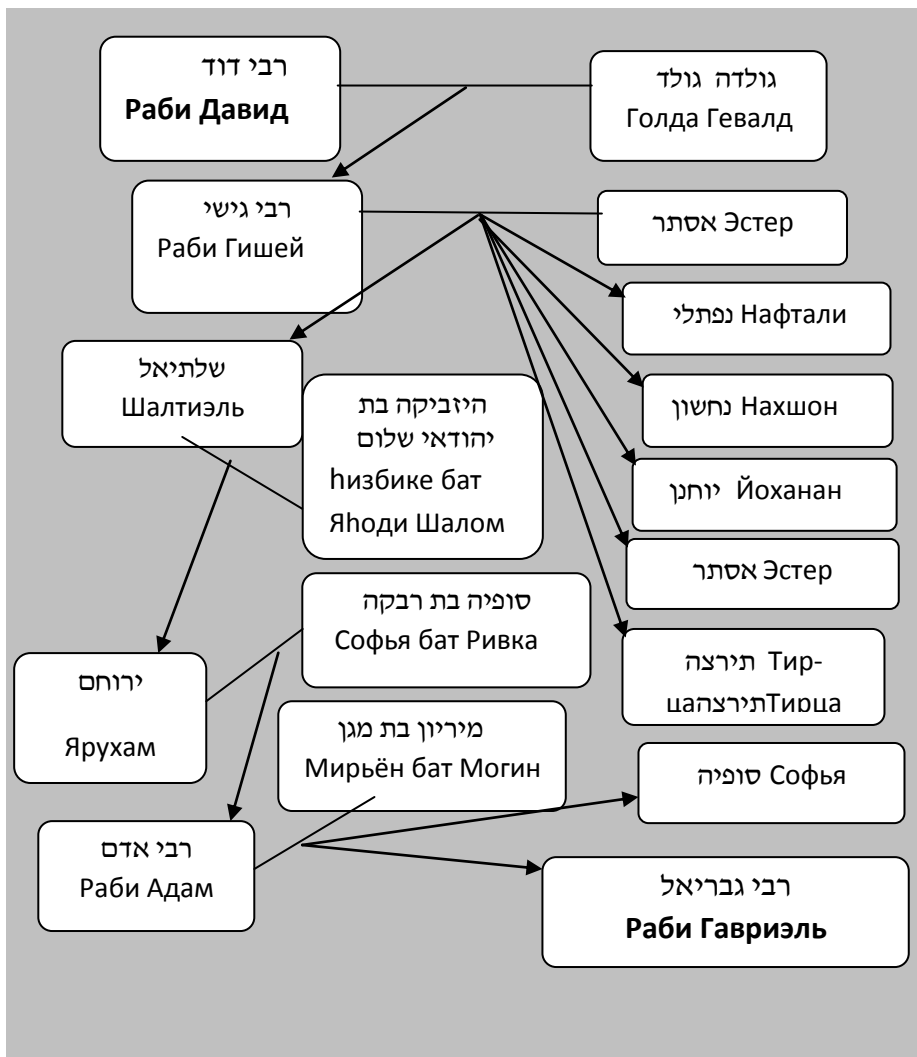
Благословения отлетали от его уст, превращались в голубой дым, свивались в кольца и заполняли комнату. В голубом дыму, в бездонных небесах исчезли жена, сын и люди, сидевшие на скамейке у стены.

Он идёт по берегу ручья по накатанной дороге. Весь правый склон захватили красные маки. Из солнца и маков вышел навстречу Бенияһу.

Смеётся и машет рукой. Обернулся он, видит: за ним идут дети, много детей. Подошли, стали кругом. Вглядывается в лица – на кого они похожи? И засмеялся: "Конечно, на меня!"

Прошли годы – сто лет и больше. Возродился род раби Давида, и внук его внука, раби Гавриэль, стал раввином горских евреев.

Сделаем остановку до следующего шабата. Как жили раньше и как дальше будем жить?

Дети вырастают, дети детей тоже вырастают. Как говорил царь Шломо: "Идёт поколение за поколением, а Тора остаётся" (Кохэлет 1:4).

Мы сидим в этой старой губинской синагоге и не знаем, о чём думали в такой же шабат наши отцы. О чём думал раби Ихиель Сэви в свой последний шабат, когда стоял на биме и читал Тору. О чём думал, когда не хватило ему дыхания жить дальше, и сердце его остановилось. Он сидел здесь, на этой скамейке.

Будет благословенна память праведников,
наших отцов. Чтобы мы были достойны их.
Шабат шалом!

ДОР-ВА-ДОР

Дор на иврите означает поколение, от глагола *ладур* – жить, проживать. Это как вода в реке – существует во времени и вне времени, течёт, течёт, и уже нет её; но мы ведь знаем, что есть.

Не отделить воду от воды в реке, не отделить одно поколение наших праведников от другого. Они, словно волны в одной реке, и волна перекрывает волну.

Бет-мидраш Красной Слободы в 1999 году занимал большой дом, принадлежавший когда-то раби Шияту. Там у нас было пять групп по двадцать – двадцать пять учеников в каждой группе. Было тесно, но уютно.

А я снимал двухэтажный дом на улице Фаталихан. Первый этаж давно не использовался, но второй был благоустроен и имел длинный большой зал, примерно на сорок квадратных метров.

В зале стоял стол, который в шабат вмещал до двадцати человек. В обычные дни, вечером, приходили старшие мальчики, на особые занятия и беседы для взрослых.

Когда из Иерусалима приехал проведать нас рав Авраам Фройлех, мы попросили его провести с нами одно занятие. Пришли ребята, расселись. Спрашивает рав Авраам: "Что бы вы хотели учить?" Подал я ему Гемару, Талмуд Бавли, первый попавшийся том, *масэхет* (трактат) "Кэтубот".

Открыл он и удивился:

– Смотрите, – говорит, – что написано на внутренней обложке и на титульном листе:

С Б-жьей помощью мы, Хаим бен раби Мардахай и Даниэль бен раби Шалом, начинаем изучение Гемары, раздела "Кэтубот", сегодня, в йом-ришон от святой субботы, в 8-й день месяца Тамуз, 5659-го года. Возвратит Всесильный народ свой в Ирушалаим.

– Какое сегодня число? – спросил рав. – Правильно, 8 Тамуза. А год? 1999-й, то есть 5759 от сотворения мира. Ровно сто лет тому назад, 8 Тамуза 1899 года, сели за стол два друга и открыли эту книгу, масэхет "Кэтубот". И мы с вами откроем её сейчас и пойдём по следам наших праведников.

Поучили мы Гемару, послушали дэраш рава Авраһама, удивительную историю о еврейском юноше и о девушке, которые после многих несчастий встали под хупу. Когда ребята ушли, я открыл книгу и нашёл на внутреннем листе ещё несколько рукописных строк на иврите:

Ученик учеников Хизкия Амиров из Нальчика.

И с другой стороны:

Губа.

Садиков Шим учил Гемару 26 июня 1941 года.

И ещё на горско-еврейском языке:

Я, Борух бин Ошир, видел сон в ночь на 5-й день от шабата 5 августа 1943 года, спросил у своего отца, и он ответил: "Сон твой предвещает доброе".

На книге свои автографы оставили пять человек.

Рав Хизкия Амиров учился по этой книге в Нальчике, потом её открыли Хаим бен раби Мардахай и Даниэль бен раби Шалом, потом, затем над ней сидел Шим Садиков; а Борух бин Ошир, наверное, заснул с Талмудом в руке. Теперь новое поколение губинских евреев входит в воды великой реки, которая называется Устной Торой.

Раби Хизкия Амиров называл себя учеником учеников, но на самом деле это был талмид-хахам,

мудрец Торы, раввин. Два его сына, раби Шомоил и раби Нахмиил, учились в Виленской йешиве, а после захвата власти большевиками тайно обучали Торе еврейских детей Нальчика.

Раби Нахмиил стал после отца раввином еврейской общины Нальчика. В 1930 году его арестовали и шесть лет он был в ссылке, правда, недалеко от дома, в Оксае, что около дагестанского города Хасав-юрт. Можно сказать, что ему повезло. Тысячи раввинов и евреев, служивших в синагогах, были расстреляны или замучены в сибирских лагерях.

В Кабардино-Балкарии издан сборник документов и материалов "Органы государственной безопасности и общество. 1920-1992".

В книге сообщается, что по плану карательной системы НКВД, утверждённому в Москве 30 июня 1937 года, "только в Кабардино-Балкарской АССР подлежало репрессиям 1000 человек, в том числе по "1-ой категории (расстрел) – 300 человек, по 2-ой категории (заключение в лагеря на срок от 8 до 10 лет) – 700 человек". Среди них обязательно должны были быть руководители еврейских религиозных общин.

Наших раввинов расстреливали или отправляли в такие места, откуда не было возврата. Может быть, и раввина нальчикской общины постигла бы такая участь, если бы не смелая и мудрая бабушка Бэнафшо. Её настоящее имя было Ривка, но звали её Бэнафшо, в переводе с горско-еврейского – подснежник, а на нашем древнем святом языке – Его душа. Это имя Бэнафшо было привычным для нас и для неё тоже.

Она носила тёмно-коричневые платья, а голову покрывала коричневой шалью, и всем было понятно, что эта маленькая женщина живёт в соответствии с законами и традициями горских евреев.

Осенью 1937 года в Нальчике опять стали преследовать верующих евреев и снова арестовали раби Нахмиила, раввина единственной оставшейся незакрытой синагоги, и поместили его в маленькую камеру в кирпичном доме городской прокуратуры. Жена и дети плакали под окнами; никто не обращал на них внимания, лишь голодная уличная кошка бегала под ногами и просила поесть.

Так бы и пропал раби, если бы не пришла Бэнафшо.

Она поднялась на крыльцо, но часовой не дал ей войти.

– Сынок, мне нужен прокурор, – попросила Бэнафшо.

– Нет, женщина, нет его. Жди на улице.

Она села на ступеньку и стала ждать. Видит – появился прокурор в синем френче, на груди новая советская медаль, а на ногах чёрные хромовые сапоги. Поднялась Бэнафшо, преградила ему дорогу и говорит:

– Брат мой, отпусти нашего раби, он же ни в чём не виноват, ты сам это знаешь.

– Иди-иди домой, не лезь не в своё дело, – сказал он и даже не остановился, чтобы не успела ещё что-нибудь добавить.

– Пока не отпустишь, – закричала Бэнафшо, – не уйду с этого места, и скажут люди, что брат сестру на улице держит.

Прокурор исчез за дверью, а её часовой не пускает. Села она снова на каменную ступеньку и стала ждать. Прошёл час, смотрит прокурор в окно – сидит. Солнце к закату движется, ни жены раби, ни детей его уже нет, а Бэнафшо сидит. Люди, военные и штатские, идут туда-сюда, заходят-выходят, а она сидит. Вечер уже, конец рабочего дня, вышел прокурор, говорит ей:

– Иди домой, не позорь себя.

А Бэнафшо ему:

– Брат мой, для одних двери дома – вход, а для других выход. Если со дня рождения имя тебе – человек, будь человеком, не заставляй народ мой плакать, слёзы наши пригодятся оплакивать тех, кто преследовал нас. Кто посадит нашего раба – сам сядет. Когда отпустишь его, уйду.

– Ну и сиди до утра! – Рассердился он, и поспешил прочь.

Утром пришёл, смотрит – сидит женщина на крыльце.

День прошёл, вечер уже, а она сидит. Вышел он, хотел приказать часовому, чтобы прогнал её, но посмотрел и пошёл себе. А женщина осталась сидеть на ступеньках прокуратуры.

Дома ему тут же воды подали, помылся над тазиком, тогда ведь ни ванны, ни горячей воды в трубах не было; да и труб таких, из которых вода горячая течёт, ещё не видели. Посидел с женой и дочкой, поел, выпил стакан домашней водки, выкурил папиросу и спать пошёл. Лежит, крутится на пуховой перине. Час или два – всё переживает события ушедшего дня. Наконец заснул и видит сон.

Стоит он на узкой городской улице, а по ней идут люди – топ-топ-топ, словно большой барабан звучит. Вглядывается – так это же все те, кого отправили в Сибирь. Как они здесь оказались? Повернулся от них, чтобы уйти в другую сторону, а оттуда другие идут, те, которых расстреляли.

Страшно ему стало – ведь настигнут, разорвут на куски, страшно. Стал стучать в двери одного дома, другого, никто не открывает. Знает, что за окнами спрятались, видят его, но не открывают. Стучит в двери, в окна, ищет спасения. Не открывают. Совсем отчаялся.

Стал тогда спиной к дереву, к старому каштану, а те и другие руки тянут, вот-вот разорвут его на куски.

Вдруг рядом оказалась маленькая женщина. Стоит, держит кувшин с водой, говорит: "Пей, брат, умойся этой водой, если ты чист перед Б-гом – никто тебя не тронет". Смотрит на неё: так это же та, что осталась на ступеньках сидеть! Как её имя? Кажется, Бэнафшо, да, помню – Бэнафшо.

Говорит она: "Брат мой, жизнь человека дороже бумаги, которую ты получил. Сердцу своему верь, не верь бумаге".

Поднял он голову над своей подушкой, а солнце уже за окном полыхает. Получаса не прошло, как прибежал к дому службы своей, к прокуратуре. Сидит на крыльце женщина, закутавшись в толстую коричневую шаль. Подошёл он к ней, говорит: "Забирай своего раби и скажи спасибо, что ко мне попал, а не в НКВД". Пошёл в свой кабинет, написал бумагу и дал солдатам.

Вывели раби, и пошли они домой – раби и бабушка Бэнафшо.

С тех пор не трогали раввинов в Нальчике и синагогу евреям оставили.

В Нальчике к тому времени осталась только одна синагога. Большое красивое здание из красного кирпича в еврейском квартале – Еврейской колонке, недалеко от реки, на улице Подгорной.

Вскоре власти в этом здании устроили солдатскую казарму. В пятидесятые годы солдат перевели в новое помещение, а синагогу превратили в скульптурную мастерскую.

Как скульптура на иврите? *Песель* – идол. Поймите сами, какой вывод следует из этого.

Община купила старый дом на Рабочей улице, который после ремонта стал нимазом. Нимаз – та же самая синагога или бет-кнессет, только правильно будет перевести это слово не как дом собрания, а как молитвенный дом.

Русские его так и называли – еврейский молитвенный дом.

В конце восьмидесятых годов на той же улице община построила новое здание. В 1995 году рав общины раби Мардахай Гилядов предоставил второй этаж здания бет-мидрашу, который мы открыли под надзором американской организации "Ваад ле-хацала".

Творец дал еврейским мальчикам силу для трудной дороги возвращения в мир Торы. Из тридцати пяти учеников в возрасте от одиннадцати до семнадцати лет была собрана группа будущих *талмидей-хахамим* – еврейских мудрецов.

Получив базовые знания в Нальчике, они отправились учиться в йешивы в Америке и в "Ор самеах" в Иерусалиме.

С годами кто стал раввином, а кто-то оставил этот трудный путь. В итоге нальчикские евреи могут гордиться не только праведниками-раввинами прошлых лет, но и сегодняшними, молодыми, но уже известными и авторитетными в еврейском мире.

Первым назову имя правнука раби Саадиё из Нальчика – Саадиё Шаулова. Его и ещё двух мальчиков мы отправили в Америку, в йешиву Лейквуда. Потом он учился в московской йешиве "Торат хаим" и в иерусалимской "Коль Тора".

В 2001 году Саадиё было восемнадцать лет. Московская горско-еврейская община пригласила его на должность раби. Он хорошо знал халаху и наши традиции, удивительно чисто читал Сэфер-Тору и сильным певучим голосом вёл молитвы. Его любили и уважали не меньше, чем знаменитого прадеда.

Погиб трагически в центре Москвы в 2003 году, *зихроно цадик ли-враха*.

Садух – Цадок (Серёжа) Ашуров и Саша Мигиров к тому времени уже готовы были получить *сми-*

ху – раввинский диплом, и уже достигли глубин Торы.

Назову ещё одно имя – Хаима (Виталия) Шаулова, хотя он не учился в нашем бет-мидраше, а пришёл к Торе уже в Израиле. За несколько лет Хаим прошёл путь, на который обычно тратят десятилетия, и стал *мадрихом* (вожатым), учителем и заботливым другом для всех горских евреев, изучающих Тору в Израиле.

Когда ребята из Нальчика и Баку, Дербента и Грозного только начали учиться в йешиве "Ор самеах", я сфотографировал их у входа в старую горско-еврейскую синагогу в Иерусалиме на улице Шмуэль ха-Нави.

На следующий день я вернулся на это место, сел на каменные ступени синагоги и наугад открыл Теһилим. Вижу – это вторая строфа *мизмора* номер 74: *"Вспомни свою общину, обрётённую Тобою издавна, ведь спасал Ты колена наследия Своего..."*

Вот они – скоро станут раввинами наших общин. Благослови их, Всесильный!

В 1967 году во время Шестидневной войны мусульманские фанатики Губы, озлобленные военными успехами Израиля, стали готовиться к погрому. Евреи боялись подниматься в город, на правый берег Кудиалчая. Милиции в таких случаях словно не существовало.

Но "не дремлет и не спит Страж Израиля". В соседнем селе стояла воинская часть. Её командир, еврей, понял, что каждый новый день может стать последним для жителей Еврейской слободы. Он вывел солдат и расставил посты с пулемётами над посёлком. Может быть, бандиты не знали, что на том свете их ждут семьдесят две голых красавицы с чашами вина в руках, и потому оставили евреев в покое.

Губинские евреи говорят: "Худо хилёс сохтэ!" – "Всевышний спас!" Как и раньше спасал колена наследия Своего. Да и как не спасти губинских евреев, сохранивших славные традиции народа даже под властью коммунистов.

ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ:

ТРАУР

Ни одна из традиций горских евреев не сохранилась так хорошо, как траурные обряды. Для общины смерть каждого человека всегда была потрясением, особенно преждевременная, от несчастного случая.

Тело еврея, умершего естественной смертью или от болезни, клали на пол, накрывали простынёй и зажигали свечу или масляный светильник. Два-три человека садились рядом и читали *Теһилим*. Если тело оставалось на ночь, читали всю ночь.

Умершего от несчастного случая в дом не заносили.

Незадолго до похорон тело обмывали в специальном корыте и заворачивали в *ахироти* – саван, сшитый из белой льняной ткани льняными нитками.

В некоторых общинах в это время делали обряд *кэрия* – ножницами или ножом надрезали верхнюю одежду человека, принимающего на себя траур, тот говорил бэраку и руками разрывал её дальше. В других общинах *кэрию* делали у входа в дом, перед выносом тела, в Нальчике – сразу после захоронения.

В это время собиралась вся община, женщины в доме и во дворе, а мужчины на улице. У входа ставили чашку для сбора пожертвований.

Носилки были одноразовые, из жердей, или сплетённые из прутьев – их после использования разламывали и пускали по волнам речки. И были также постоянные носилки, в виде платформы из досок, с ручками и на четырёх ножках.

Тело умершего еврея укладывали на ковёр и накрывали талитом с надорванными кистями цитит, если это был мужчина. Тело женщины накрывали большим женским платком.

Мужчины выносили покойного, а женщины несколько шагов шли следом и возвращались домой – плакать и готовить *сеудат-авраа* – траурную трапезу.

Согласно традиции горских евреев оправдаться перед Небесным Судом душам умерших помогает оплакивание, изучение Мишны, чтение Теһилим и кадиш. Каждая еврейская община имела своих плакальщиц.

На протяжении нескольких часов они плакали и пели о жизни умершего, о его достоинствах и замечательных делах, совершённых им в этом мире. Нередко между ними существовало негласное состязание – кто вспомнит какие-то особые случаи или душевные качества и чей голос вызовет больше слёз.

Искусство оплакивания имеет древнюю историю. Авраам оплакивал Сару, евреи оплакивали Якова, Ирмияһу научил нас оплакивать Ирушалаим и разрушенный Храм (*Эйха*).

Еврейские бабушки и мамы оплакивали тяжёлую судьбу народа-скитальца.

Погибшего в дороге от несчастного случая везли на арбе и тогда в пути разбивали о колесо сырые яйца. А в некоторых еврейских поселениях яйца разбивали на голове лошади.

Ещё был обычай. Когда хоронили старого праведного человека, высоко поднимали носилки, чтобы бесплодные женщины семь раз прошли под ними.

По традиции общин, что от Дербента до Нальчика, останавливались по дороге на кладбище семь

раз и читали девяносто первый мизмор – "Ёшев бэ-сэтер эльён".

Перед кладбищем, не ближе четырёх шагов, ставили носилки ногами на запад. Авелим – скорбящие – становились на восточной стороне, а все сопровождающие – полукругом.

Здесь говорили *һэспед* – поминальную речь и читали кадиш "Аль Исраэль".

По традиции евреев Азербайджана раби и шамаши читали для умершего мужчины семь *һакафот* (букв. обходов), для женщины или ребёнка – семь мизморим из Теһилим. После каждой *һакафы* или мизмора те из сопровождающих, которые находились в годовом трауре, читали кадиш сироты – "Кадиш ятом".

После этого один из авелим вносил в кассу общины мелкую монету за землю, на которой будет совершено захоронение. Как когда-то Авраһам выкупил для Сары участок *Маарат һа-махпела*.

Мужчины несли тело к выкопанной могиле, а авелим оставались ждать на месте.

Во всех общинах горских евреев женщинам и детям умершего запрещали участвовать в похоронах.

Хоронили на глубине до полутора метров, ногами к Эрец Исраэль. Набирали немного земли со дна могилы в платок и передавали скорбящим. Сверху настилали доски, так, чтобы между телом и досками оставалось свободное пространство примерно в три ладони (24 см.), и засыпали землёй.

Над свежей могилой не читали молитвы и не разговаривали.

Возвращались на прежнее место, где прежде читали *һакафот* или мизморим. Сын или другой прямой родственник умершего читал кадиш "Дэ-һу

атид", а раби завершал похороны чтением *нашкавы* и молитвой "Била *на-мавет*" и приглашал всех принять участие в скорбной трапезе – *сеудат навраа* или *борохо*.

Люди расступались, чтобы авелим прошли к выходу, за территорию кладбища, где они останавливались и принимали соболезнования от сопровождающих.

Авелим уходили с кладбища, сняв обувь. В некоторых местах шли в обуви, но внутрь насыпали землю. С кладбища возвращались по другой дороге, не той, по которой шли хоронить.

Не проводили траурную церемонию по детям, не прожившим тридцать один день.

Шиву – семь дней траура – отсчитывали со дня похорон. Семь дней горела свеча или масляный светильник. Скорбящие, родственники и друзья, сидели на полу. Женщины в одной комнате, мужчины в другой.

От каждого дома общины для скорбной трапезы несли продукты: яйца, рис, сахар, овощи, фрукты.

Для скорбной трапезы варили яйца вкрутую, бобы, рис без приправы и ставили рыбу, копчёную или жареную. Если трапезу устраивали для умершего в глубокой старости в своей постели – подавали мясо и водку.

Скорбную трапезу начинали с *Мишны* и *Теһилим* на имя умершего, читали *кадиш* и *нашкаву*. Благословляли плоды дерева, разные виды (*ше-наколь*) и плоды земли.

Потом раби, ведущий трапезу, совершал омовение рук, открывал накрытые полотенцем три целых лаваша и делал *миси* – благословлял на хлеб. Руками разламывал на куски, макал в соль, а помощники на

тарелках относили всем участникам трапезы. Часть хлеба *миси* откладывали для женщин.

В скорбную трапезу по умершему после восьмидесяти лет ели мясо и сладости, пили вино и водку.

В течение семи дней шивы собирали миньян для молитвы в доме или под навесом во дворе. Члены общины обязаны были ежедневно посещать скорбящих, сидеть с ними и слушать чтение Мишны.

Утреннюю молитву и минху в шабат молились в синагоге. Но не ходили на чтение Торы в *йом-шени* – понедельник и в *йом-хамishi* – четверг, а также в Пурим и в Хануку.

В седьмой день после похорон раби снимал траур со скорбящих, они омывали руки и лицо и в сопровождении родных и друзей шли на кладбище. Сначала женщины, потом мужчины.

Для женщин это было первым посещением могилы со дня похорон, и они полностью отдавались своему горю. Через двадцать-тридцать минут их сменяли мужчины. Читали молитву и *нашкаву*, уходили от места захоронения, читали мизморы и *кадиш* и возвращались домой на поминальную трапезу.

Таким же образом проводили тридцатый день – *чуля*, и год – *сал*.

Праздники Песах, Шавуот и Суккот, а также Рош *на-Шана* и *Йом Кипур* отменяют траур. В эти дни запрещено посещать захоронения.

В полупраздничные дни можно только хоронить, но не произносят *хэспед*.

Авелим имели право подняться к чтению Торы только после освобождения от траура. Но обычно

выходили к Торе на четвёртый шабат, покупали право на мафтир. А друзья или родственники выходили к Торе в каждый шабат.

Авелим имели своё особое место в синагоге и меняли его после тридцати дней – *чуля*. После тридцати дней можно было стричься.

Каждую вечернюю молитву в синагоге заканчивали чтением *нашкавы* для мужчин и для женщин, умерших в общине в течение текущего еврейского года.

Скорбящие обязаны читать кадиш одиннадцать месяцев.

Каждое утро – два кадиша "Аль Исраэль" и два – "Кадиш Ятом". Днём – один "Аль Исраэль" и один "Ятом". Вечером – два "Ятом". Ежедневно при изучении Мишны следует читать один "Аль Исраэль" и один "Ятом". Итого четыре "Аль Исраэль" и шесть "Ятом", всего десять.

Принято было изучать Мишну и устраивать трапезу в доме скорбящих четыре шабата после похорон. Но люди шли не с пустыми руками, несли деньги или продукты.

В конце шабата снова собирались, на молитву *арвит*, на изучение Мишны и на *навдалу* – молитву отделения шабата от наступающих будней.

Авелим в течение тридцати дней не участвуют в захоронении других, если это не прямые или близкие родственники. Можно пройти с процессией до кладбища и подождать окончания церемонии. Не участвуют и в поминальной трапезе после таких похорон.

В течение года со дня похорон не устраивают свадеб и не ходят в гости на праздничные мероприятия. Даже к близким родственникам. Но можно сватать невесту и готовиться к свадьбе. Не покупают новую одежду и украшения для женщин, за ис-

ключением всего необходимого для невесты или жениха.

У горских евреев нет какой-то особой траурной одежды. Нехорошо следовать обычаю христиан и идолопоклонников – надевать чёрную траурную одежду.

В старые времена женщины предпочитали коричневый цвет. Всегда покрывали голову, а в дни траура – даже девочки с девяти лет.

Кадиш читают только одиннадцать месяцев. Делают перерыв и возобновляют на тридцатый день, вечером перед годовщиной.

Первую годовщину – *сал* – отмечают по истечении двенадцати месяцев со дня похорон. Все последующие годовщины отмечают со дня смерти. Если первая годовщина попадает на шабат, на праздничный день, на Пурим (*Йомуну*) или на 9 Ава (*Суруни*), переносят её на день вперёд.

Была традиция – сразу же по окончании поминальной трапезы первой годовщины добавлять одной из внучек – девочке, не достигшей двенадцати лет, ещё одно имя, имя умершей бабушки. Раби благословлял на вино, люди ели сладости и радовались, что освободились от траура, поздравляли девочку с новым именем и дарили ей подарки.

Подарки получали также и все участники этого события.

В последующие годовщины нет обязанности устраивать трапезу. Достаточно собрать миньян для изучения Мишны и для благословений на плоды дерева, на *ше-наколь* (водку или другой напиток) и на плоды земли.

Годовщину горские евреи называют *таанит*, потому что дети обязаны в этот день держать пост по своим родителям. Вечером зажигают свечи дома

и в синагоге, читают Мишну, Теһилим, потом кадиш.

В шабат обязательно поднимаются к чтению Торы.

Многие евреи из года в год отмечали годовщину дедушек и бабушек и даже более далёких предков. Приносили в синагогу домашний хлеб, варёные яйца, отварную курятину, фрукты, плоды земли, водку.

После утренней молитвы читали Мишну, Теһилим, нашкаву и говорили кадиш.

Памятник над могилой устанавливали к годовщине, хотя можно и к *чуля*, т.е. *шлошим* – к тридцати дням. В старые времена это был цельный природный камень вытянутой формы. На нём высекали на иврите имя умершего, дату смерти, причину смерти и, иногда, изречения из Торы.

Тэнахаму мин һа-шамаим!

ПЕСНЬ АСАФА

Вспомни Свою общину, обретённую Тобою издавна, ведь спасал Ты колено наследия Своего, эту гору – Цион, на которой Ты обитаешь. Встань, пройди по вечным развалинам – всё осквернил в Храме враг".

(Теһилим 74:2-3)

В окно Дербентской тюрьмы вместе с холодным мартовским дождём проникает ночь. В шёпоте дождя слышит Асаф песни царя Давида и повторяет:

"К святым, что в этой земле, к могучим – моё стремление" (Теһилим 16:3).

Вглядывается в полумрак, видит узкие улочки Вильно, здание училища, где укрепился в Торе и понял смысл своей жизни.

– Все мои планы, все надежды были в этом – Тора и народ, жил этим. Большевики не лучше исламских фанатиков. Да, я создал Еврейский комитет и евреи два года дышали свободно. Расстреляют? *Худо келэ*, Его воля над нами. Жил не зря и умру с Его именем. Детей жаль. И Сусанну. И маму. Может быть, позволят с ней проститься?

Асаф открыл молитвенник, но читать стал по памяти. Когда дошёл до благословения "Шма колону...", снова явился мираж – еврейские улицы Вильно. Заходит в дом, его встречают братья Гилядовы. Что-то кричат, он не слышит.

Теперь он в комнате один. Перед ним Гемара, смотрит: шестнадцатый лист "Бава Батра".

Пыльная дорога подступает к самому окну. Вдалеке чуть ли не в самую пыль катится большое круглое солнце. Багровый луч проникает через решётку окна и ложится на руку.

– Несчастья поразили Иова: разбойники лишили имущества, в буре погибли сыновья, сам заболел мучительной экземой. Услышали Элифаз, Билдад и Цофар и поспешили к нему с утешением.

Как случилось, что три друга пришли одновременно из трёх разных стран? Наверное, их души были так велики, что знали они – именно сейчас он в беде, нужна помощь.

Скоро, после осенних праздников уедут братья Гилядовы, и некому будет ободрить меня, как ободряли и утешали друзей Иова.

Асаф опустил голову на руки: "Разум говорит – сиди, учись! А сердце рвётся домой, в Дербент".

По совету раби Яангиля стал переводить Теһилим и некоторые молитвы с иврита на горский язык. Теперь задумал перевести весь сидур и написать комментарии.

Возможно ли это? Иврит одним словом, одним дыханием передаёт сложную мысль – как найти подбные слова в другом языке?

– Асаф, брат мой, – ворвался в хедэр Ёмин, – рав согласен отдать мне Рахель! Он отпустит её со мной в Нальчик.

– О, *Худо*, – поднял руки Асаф, – велики Твои деяния! Еврейская девушка из Вильно поедет на дикий Кавказ, из большого тёплого дома с водопроводом и канализацией, в горный аул, где женщины черпают воду из реки, сами пекут хлеб и топят печи кизяком.

Поздравляю тебя, хотя и не завидую. Почему? Подумай, Ёмин, разве сумеет Рахель жить так, как

живут наши женщины, приученные с детства тяжело работать на всю семью?

– Ты сомневаешься в ней? Она днём и ночью мечтает о Кавказе, и горские девочки будут бегать к ней на уроки иврита и мицвот.

– Минха, минха! – закричал кто-то из ребят, и друзья поспешили в учебный зал. Ёмина окружили, что-то говорят, поздравляют, потом вошёл рав и дал команду начинать молитву.

В конце месяца Элул лучшие выпускники раввинского училища в Вильно получили смиху. Бывшие студенты, теперь они сами будут учить и наставлять евреев.

Сразу после праздника Суккот уехали Борух и Гомиил Гилядовы, а неделю спустя провожали в дальнюю дорогу на Кавказ Ёмина и его жену, ребецен Рахель. Её стали звать ребецен потому, что Ёмин тоже получил смиху, горские евреи говорят – *достур*, то есть диплом, и стал равом.

Асаф остался один. Конечно, были друзья, был *хаврута* – напарник, вместе с которым учил Гемару. Но всё равно одинок, ведь только Ёмин понимал его мысли и тоже мечтал жить для своего народа.

Иногда евреи Вильно приглашали студентов на свои семейные торжества. Жаль было времени, но *рош-йешива* – глава йешивы – посылал рассказывать дэраши и объяснять Закон.

Однажды Асафа привели в дом богатого мецената доктора Гинцбурга на вечер Брит-Ицхак. В большом зале за длинными столами сидели знатные евреи Вильно – учителя йешив, и *аврехим* – женатые студенты йешивы.

Когда назвали его имя, он встал, прочитал про себя первую строку "Шэма..." и заговорил, чётко выделяя звуки аин, хей и хэт.

– Наши учителя включили трактат "Авода зара" в раздел "Незикин", в раздел, рассматривающий

ущербы, потому, что трудно измерить ущерб, который причиняет миру, сотворённому ha-Шемом, служитель "авода зара" – идолопоклонник.

Сказано в святой Торе (*Шмот 20:5*): "Не поклоняйся (идолам) и не служи им, ибо я – ha-Шем, Всесильный твой, карающий за вину отцов детей до третьего и до четвёртого поколения..."

Двадцать шестой лист трактата выясняет, может ли еврейская женщина пользоваться услугами акушерки-идолопоклонницы.

Раби Меир запрещает: "Нет, это опасно". Но мудрецы говорят, что можно – в присутствии еврейских женщин.

"Если акушерка *мумхе*, то есть хорошо знает свою работу, – возражает раби Меир, – она может убить ребёнка, и никто не догадается о причине смерти. То же и с кормилицей из идолопоклонников. Что помешает ей вместе с материнским молоком дать ребёнку яд?"

Другой вопрос – может ли еврейка принимать роды у идолопоклонницы?

"Да, – отвечает раби Йосеф, – за плату. И за плату может кормить её ребёнка. Ведь если она откажет без уважительной причины, они ещё больше возненавидят и будут преследовать евреев".

А в шабат?

"Даже в шабат, – отвечают наши мудрецы, – еврейка может принимать роды у идолопоклонницы, только плату пусть возьмёт на следующий день".

Как же быть, если требуется помощь врачей *мумаров* – евреев, изменивших Торе и не выполняющих заповеди?

Некоторые евреи изменяют вере под действием соблазнов, другие намеренно и по злобе предают и доносят на наш народ.

Если обратимся к сказанному раби Йеһудой, то возможно было бы принять лечение от мумара, если он совершил измену под гнѐтом обстоятельств.

Не будем делать вывод, перейдём к следующему вопросу.

Можно ли доверить нееврею или мумару делать брит-мила?

"Нет, – говорят наши Учителя, – моһэль обязательно должен быть евреем. Потому что это заповедь для еврея. Но некоторые заповеди мы можем выполнять чужими руками, например, послать пожертвование с посыльным-неевреем".

В данном случае Гемара рассматривает такое условие, что даже женщина-еврейка не может делать ребёнку брит, на неё не распространяется выполнение такой важной заповеди.

А теперь я напомним уважаемой общине слова нашего учителя, гаона Элияһу: "У праведника святы все его дела, и духовные и физические, от рождения и до смерти – даже еда".

Последние годы евреи забывают об опасности, подстерегающей нас с самого рождения, о влиянии нееврейских благодетелей, которые будто бы заботятся о наших детях, но кормят их нечистой духовной пищей – книгами, подобными яду. Не следует доверять их лицемерному участию. Ущерб от него неизмерим.

От рождения до смерти Благословенный требует от нас святости. Не оскверним свои уста чужой нам пищей и руки свои чужими делами! Благословит он сидящих здесь и весь народ Израиля для великого служения Ему, амен.

Слова Асафа понравились, его поздравляли, а отец мальчика подошёл, обнял его и незаметно для других вложил в его карман десять рублей.

Днём Асаф занимался по программе училища, а вечером писал на линованных листах слова горско-еврейского языка, подбирая варианты из наречий дербентских, нальчикских и кубинских евреев. Надо было создать универсальный горско-еврейский

язык, понятный во всех поселениях. За основу взял словарь своего учителя, раби Яакова Ицхаки.

Через год сидур был готов.

Окончилось холодное сырое лето. Часто болела голова, уставали глаза. В полночь поднимались читать сэлихот, Асаф не высыпался.

Поэтому обрадовался, когда доктор Гинцбург пригласил его на свою дачу в Клайпеду.

После обеда он не вернулся в свою комнату, а пошёл к морю, на Куршскую косу.

На тёмно-зелёных волнах крутилась белая пена, можно было представить, что это Каспий, но запах воздуха был другой; а старый полуразрушенный замок и каменные стены портовых складов вызывали отчуждение.

"Каждый человек, – думал Асаф, – должен быть на своём месте. Попечительский совет предлагает остаться, продолжать занятия и преподавать в еврейской школе. Нет и нет. Я поеду учить наших горских мальчиков. Я научу их ивриту и объясню Гемару на горском языке. Мы с Ёмином создадим в Дербенте настоящую горскую йешиву".

Он поднял глаза – две большие серые чайки играли над морем, разлетались в разные стороны и сходились в стремительном полёте.

– Нет и нет! – повторял Асаф. – Еду домой.

Прикрыл Асаф глаза, видит себя уже в Дербенте, его встречает раби Элияһу һа-Нухи. Рав обнимает, целует его, поздравляет с приездом и с дипломом. Провёл Асафа к своему столу и взял в руки рукопись сидура.

Открыл наугад раздел *каббалат шабат* – встречи субботы, мизмор 95, "Леху нэранэна" Читает: "Биёт рина хуним ари Худо..." – и улыбается: "Оставь, – говорит, – завтра получишь ответ, а пока расскажи, что учили, есть ли ещё горские евреи в Вильно?"

Беседа шла долго, оба были рады встрече. Только не сумел рав Элияһу найти ему работу в училище или в синагоге.

Потом были другие встречи – в Хасав-юрте, в Петровске, в Грозном, в Нальчике. Встретил своего тёзку, Асафа Агарунова, бредившего сионистскими идеями.

Мататияһу Богатырёв и Шломо Мардехаев обрадовались, что стипендия, которую они давали юноше, оправдала себя, и совместно издали сидур.

В предисловии раби Асаф написал:

Верю в то, что наш Б-г, которому мы молимся, не забудет нас, выполнит большое желание тех, кто тысячами ждал Его. Тогда не будет необходимости в переводе с нашего языка на другие языки, тогда все мы будем говорить и писать на том языке, на котором говорили и писали наши праотцы и наши пророки, на своём языке, по своему желанию. Амен.

Дербент, 15 дня месяца Тамуз 1908 года."

Жизнь Асафа раскручивалась, как спираль будильника, который он когда-то разобрал. Первая мировая война всколыхнула весь мир.

Открыли еврейскую школу в Дербенте. Потом он уехал в Самарканд и такую же школу открыл там. В марте 1917 года создали Еврейский национальный комитет, и Асаф стал его председателем.

Он ходил из синагоги в синагогу.

– Нам нужны свои, еврейские школы и типографии, – говорил он, – мы должны вернуть евреям священный язык. Мы должны обеспечить бедных и защитить наши поселения от погромов.

Вечером после выступления в большой дербентской синагоге раби Яшайя Рабинович посадил его рядом с собой:

– Сын мой, Асаф, – говорит, – не доверяй большевикам, никому не доверяй кроме ha-Шема. Беги от евреев, которые заменили законы Торы новыми правилами. Они жестокие, ни отца, ни брата не пощадят.

Сбылись его слова – в 1918 году раби Яшайю арестовали чекисты, били, издевались. А потом пришла его, Асафа, очередь.

Больше месяца ждал суда в старой каменной тюрьме. Жена и Ядидья писали с воли: "Заплатим, устроим побег..." "Нет, – отвечал, – я не преступник. Если убегу, значит, виновен".

Суд был скорым, три малограмотных горца-большевика объявили: "Расстрел".

Дверь камеры заскрипела. Солдат просунул голову, сказал, что переводят в другую тюрьму, и велел выходить с вещами. Асаф сложил книги в мешок, пощупал тэфилин и пошёл.

Было совсем темно. Дорога раскисла от дождя, и когда он скользил, солдаты с двух сторон поддерживали и не давали упасть.

Он увидел, что проходят мимо родного дома, и неожиданно получил разрешение зайти и проститься с мамой. Она как будто ждала – дверь была открыта. Руки её легли на его склонённую голову, когда он стал просить, чтобы она простила его и помогла Сусанне вырастить детей.

Как солдатам удалось оторвать их друг от друга?

Остановились у входа на еврейское кладбище. Дали ему лопату и велели копать. Дождь заполнил весь мокрый холодный мир. Уже нечем было дышать. Солдаты велели вылезти из ямы, отошли от него на несколько шагов и по приказу из мглы открыли огонь.

Раби Асаф бен раби Ютам Пинхасов родился в 1884 году в Дербенте. Учился у раби Якова Ицхаки. В 1908 г. окончил раввинское училище в Вильно и получил диплом учителя и раввина. Учил еврейских мальчиков в Дербенте и в Самарканде. Автор уникального горско-еврейского сидура. В 1917 году со-

здал Еврейский национальный комитет. В 1920 году большевики распустили комитет, а его приговорили к расстрелу. В марте 1920 года расстреляли. На следующий день после казни реабилитировали.

1911 год. Ихиль бен раби Яагу Гавриил и Тирца бат Коин Ливи – дедушка и бабушка раби Мардахая Гилядова, раввина города Нальчик, с 1996 года раввина горских евреев в Нацрат-Илите.

ГОРЯЧАЯ ВОДА

Пришёл раби домой, открыл двери, видит – сидят во дворе под навесом две женщины-лезгинки. Удивился, спрашивает, с чем пришли. Отвечает та, что постарше:

– Эфенди послал нас.

– Какой эфенди, что ему надо?

– Ой-ва-вой! Несчастье у нас. Хороший парень из Хачмаза засватал мою дочь, подарки носил, свадьбу назначил. А месяц назад сказал, что видеть её не может и отменяет свадьбу. Почему? Не нравится она ему, говорит. Почему не нравится? В чём причина? Сам не знает. Девушка жить не хочет, день и ночь плачет. Есть перестала, не разговаривает, горит вся – посмотри на её лицо. Врачи деньги берут, а вылечить не могут. Пошли мы к молле, молла послал к эфенди, а эфенди посмотрел и тоже отказался помочь. Идите, сказал, к еврейскому раввину, если не раввин – никто не поможет. Помогите нам!

Удивился раби, что эфенди мусульман к нему на лечение отправляет. А женщина подошла ближе и шепчет:

– Напиши бумажку еврейскими буквами, я её жениху в постель спрячу.

Рассердился раби:

– Какую бумажку? Я еврейский раби, а не колдун. Ищите колдунов у себя, в своём народе!

Повернулся уйти, а девушка вскочила со стула, бросилась в ноги, гладит туфли раби, рыдает. Что делать? Как от них избавиться?

Подумал немного и говорит:

– Сядь на место и внимательно слушай. Как скажу, так и сделаешь. Возвращайся домой, набери ведро горячей воды и помой весь дом, все углы. А потом ещё раз, чтобы дом дважды был вымыт горячей водой. Пусть мать купит цветы, поставьте букет на стол. Потом сама дважды искупайся в горячей воде – такой горячей, насколько сумеешь вытерпеть. Вечером спать ляжешь, а утром, если достойна, Милосердный, Один для всех, поможет тебе. А теперь уходите.

Женщина полезла в сумочку за деньгами, но посмотрела на раби, подхватила дочку и выскочила на улицу. А раби пошёл к себе, довольный, что сумел так хитро избавиться от них.

Через две недели женщины появились снова. Они приехали на старенькой побитой машине. Около входа в дом стояли в ряд мама, дочка и худой высокий юноша. Перед ними на земле лежал баран со связанными ногами. Раби подошёл к дверям, но юноша дёрнул барана за верёвку и потащил за ним.

– Куда ты, куда, – закричал раби, – я не режу баранов, убери немедленно!

– Эфенди, о, еврейский эфенди, – отвечала женщина, – муж моей дочки привёз тебе подарок со свадьбы.

Удивился раби, что его уловка – избавиться от этих женщин – получила хорошее завершение. Подхватил барана и скомандовал:

– Открой багажник!

Голос был такой, что послушаться невозможно. Жених открыл багажник, затолкал барана.

– Будьте счастливы, – сказал раби, и вошёл в свой дом.

Идёт, улыбается, головой качает: "Һа-Шем поможет тем, кто любит горячую воду".

ЮСИФ СИМАНДУЕВ

Духовная жизнь горских евреев на Кавказе не заглохла в советское время. Хотя уничтожили многих раввинов, шохетов, моһэлей и учителей Торы, ещё оставались праведные евреи, учившиеся в йешивах в царское время. Они сохраняли и передавали детям традиции отцов, втайне учили писать и читать на святом языке.

Жил в Красной Слободе скромный человек, экономист по профессии, Юсиф Бен-Сионович (Йосеф-Шор бен Бинцион) Симандуев. Рано утром вставал, возлагал тэфилин, читал шахарит и отправлялся на работу. Вечером возвращался, молился, занимался хозяйством и писал стихи.

Когда была война, в 1941 году отправили его на фронт. В 1945 году инвалидом вернулся домой, к молитвам, к работе, к стихам. А вспоминаем мы о нём, потому что оставил он после себя хорошую память, а также стихи на святом языке и перевод "Агады шель Песах" (Пасхальной Агады) на горско-еврейский язык.

Сохранились его рукописи с изречениями из Торы и Талмуда, мидраши и поучительные истории, написанные "багдадским письмом" на иврите и на горско-еврейском языке.

Приведём одну из них, самую короткую.

ПАРДЭС (ЦИТРУСОВЫЙ САД)

У одного человека было поле. Обрабатывать каменистую землю было трудно, вода далеко. Измучился он с этим полем и продал его.

А тот, который купил, посадил на поле апельсины и вырастил хороший сад. Деревья в строгом порядке расходились от центра в разные стороны, на аллеях поставил он скамейки для отдыха, посередине построил высокий навес и поставил стол.

Вокруг сада возвёл красивую изгородь и привёл сторожа. Любой мог войти в сад за небольшую плату, срывать и есть апельсины, отдыхать в этом чудесном саду.

И людям хорошо и хозяину прибыль.

Спустя несколько лет пришёл в сад бывший хозяин, заплатил сторожу, посидел в тени, съел апельсин и говорит: "Эх, слупил я, что продал такое хорошее поле!"

ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ:

ЕВРЕЙСКИЕ ИМЕНА

"Прежде чем дать имя своему ребёнку, родители должны задуматься, подходит ли оно их сыну или их дочери и как оно будет влиять на будущую жизнь человека" (*Мидраш Танхума, хаазину 7*).

"Не следует давать мальчикам женское имя, а девочкам – мужское. И не следует давать двусмысленное имя или имя, которое подходит как для мужчин, так и для женщин" (*Диврей Малкиэль 3:75*).

Тот, кто хочет проявить милосердие к ребёнку, не назовёт его таким именем, которое будет ему в тягость. Имя не должно быть смешным или странным для окружающих.

Нельзя называть своего ребёнка именем злодея, но хорошо назвать его именем праведника.

Хорошо, когда в семье сохраняют традицию и дают своим детям имена дедушки или бабушки, или же другого близкого и доброго человека, покинувшего этот мир.

У горских евреев было принято в годовщину смерти дедушки или бабушки (в некоторых общинах – после тридцати дней траура) добавлять его (её) имя одному из внуков (одной из внучек). Сразу же после траурной трапезы накрывали праздничный стол с фруктами и сладостями. Раввин благословлял ребёнка на это имя, все присутствующие поздравляли его (её) и родителей. Ему (ей) дарили золотые украшения, а всем участникам этого события давали подарки.

На протяжении многих столетий горские евреи давали детям еврейские имена. Но звучали они в соответствии со свойственным им произношением.

В горско-еврейской транскрипции имена сохранили древнее звучание и, возможно, что произношение (מִיטָא – мивта) горских евреев более близко к тому, каким оно было в давние времена. В этом горские евреи подобны йеменским. Длительная изоляция в горах Кавказа сдерживала модификацию языка в такой же степени, как защищала от влияния чужой культуры.

Язык горских евреев – зуһун джуһури – сохранил «айнацию начальных гласных» (Прф. Агарунов М.Я. «Большой словарь джуури»). Языку джуһури присуще мелодическое произношение гласных и согласных звуков иврита, которым евреи пользовались до изгнания из Эрец Исраэль.

Это особая гортанная ה – hey и верхнефарингальный мягкий ו – аин, это ח – хэт, который отличается от כ – хаф и ק – куф, которая произносится как гьюф, ט – тет следует читать, как дид, а צ цаци в некоторых случаях это звук с, например, цицит произносят, как сисит. Часто камац звучит, как О; а ו – вав, если израильтянин читает как О – у горских евреев звучит, как у, а ה – hey в конце слова это И. Например, имя Моше в горско-еврейской транскрипции произносится, как Миши, а имя Яков – как Яагюв.

Мы приводим имена, собранные старейшинами кубинской общины Борисом Симандуевым и Яшке Нисановым.

МУЖСКИЕ

Абайе	אבייה	Авроһом	אברהם אברוהום
Авадиё	עבדיה	Аврум	אברום
Авнир	אוניר	Авшалум	אבשלום

Авнил	אוניל	Авшай	אבשי
Агабабо	אגבבו	Аграмон	אגרמון
Агиво	אגיבו	Адам Одом	אדם
Адиньё	אדיניה	Аһарун	אהרון
Азарьё	עזריה	Аһару	אהרו
Асаил	אסאיל	Ариил	אריאל
Асаф	אסף	Атнаил	אתנאיל
Боаз	בועז	Банил	בניל
Басалин	בסלין	Бэними	בנימי
Беняһу	בניהו	Бэнил	בניל
Бинсион	בינסיון	Борух	ברוך

Гавриил	גבריאל	Гэдиил Год	גדייל גד
Гильод	גלעד	Гомуил	גומויל
Гуршум	גורשום	Илил	היליל
Евдо	יהודה	Ёнатан	יונתן

Дан	דן	Дон	דון
Довит	דוביט	Довид	דוד-דויד
Даниил Донил	דניאל דוניל		
Залмон	זלמן	Зарахиё	זרכיה
Зарбоил	זרבویل		
Зарх Зэрах	זרך	Захариё	זכריה
Зоволун	זובולון	Зокой	זקי
Һизгил	הизгил	Ино	הינו

Ивотар	יוטר	Изгиль	יזגיל
Изро	יזרו	Илишо	ילישו
Илазар	ילזר אלעזר	Илизир	יליזיר
Ильё	יליה	Иляһу	אליהו יליהו
Иляву	יליוו	Ильхонон	ילחונון
Илһоно	ילהונו	Ильшама Ильшам Ильшаһам	ילשמה אילשם ילשהם
Имониль	ימוניל אמנואל	Исроил	ישראל
Истохор	יסטוחור	Исхог	יסחוג יצחק
Ирмиё	ירמיה	Ирсил	ירסיל
Ифиль	יפיל	Ифраим	יפראים אפראים
Ифтох	יפטח	Ихииль	יחיאל

Ишай	ישי	Ишияһу	ישיהו
Ишмоиль	ישמאיל	Камуил	קמואיל

Маасиё	מעסיה	Манахим	מנחים מנחם
Молохим	מלכים	Мэнашир	מנשיר
Малки	מלקי	Манувах	מנוח
Мардахай	מרדכי	Мэркиль	מרקיל
Мацлиях	מצליח	Мататиё	מתתיה
Машиях	משיח	Миһир	מיהיר
Милих	מלך	Миниамин	מנימין
Миши	משה – מישי	Мушоил	מושאיל

Мухоил Михаэль	מכאיל	Маасия	מעשיה

Нагдуми	נגדומי	Натан	נתן
Нэхамиё	נכמיה	Натаниэль	נתניאל
Нахшум	נחשום	Нахшон	נחשון
Наум	נהום	Нисон	ניסן
Нисим	ניסים	Нофтоли	נפטולי
Нувах	נוח		
Падацур	פדצור		
Рабо	רבו	Разиил	רזיאל
Рамаш	רמש	Рамбом	רמבם
Рахман	רחמן	Рахмиэль	רחמיאל
Рашпиль Рашбилъ	רשפיל	Рофоиль	רפאל
Рамин	רמין	Рувин Рувим	רובין רובים

Саадиё	סעדיה	Сави Сэви	סבי
Саһлум Саалюм	סהלום סעלום	Сасун	ששון
Симон	שימון	Симхо	שימחה
Симанду Симантув	סימנדו סימנטוב	Сион	סיון
Сухмэ	סוכמה		
Шалтиэль	שלתיאל	Шериё	שרייו
Шимту	שמטו		
Юсуф	יוסף	Юсиф	יוסף

Юмту	יומטו	Юно	יונו
Юшво	יושוה		
Яһару	יהרו	Яһано	יהנו
Якутиэль	יקותיאל	Ядидья	ידידיה
Яир	יעיר	Яангил	יענגיל
Ярухам	ירוחם	Яшайе Яшаһиё	ישיה
Яшар	ישר	Яшке	ישקה

ЖЕНСКИЕ ИМЕНА

Авшаг Эвшаг	אבשאג	Анталай Энталай	אנתלי
Алмаз	אלמז	Амалия	אמליה
Аснат	אסנת		
Бэдзоһов Батзоһов	בדזוהוב בתזהב	Бативил	בתיویل
Батсион	בתסיון	Барча	ברצ'ה
Бэриё	בריה	Бэриш	בריש
Бэрин	ברין	Билпо	בילפו
Бильго	בילגה	Борухо	ברכה
Ботушва	בתשבה	Бриллиант	בריליאנת
Гаһвар	גהבר	Гаһари	גהרי
Галия	גליה	Гэгэй	גגי
Гюльчиман	גולצ'ימהן		
Дастагюль	דסטגול	Динор	דינר

Довлат	דבלת		
Һиноһам	הינוהם		
Иско	יסקה	Истир	אסתר
Ифрод	יפרוד	Ифрат	אפרת

Либо	ליבה	Лиё	ליה – לאה
Ливко	ליבקה		
Мазанту	מזנטו	Мазал Мо- зол	מזל
Мамай	ממי	Маргол	מרגול
Майром	מירום	Мэзэ	מזה
Мэлкето	מלכתה	Милько	מילכה
Мирвори	מירבורי	Мирьён	מיריון
Мозолут	מזלות	Молко	מלכה
Монан	מן	Михаль	מיכל
Зульпо	זולפה	Зумруд	זומרט
Зоһов	זהב	Зори	זורי
Наами	נעמי	Наһэмо	נהמו
Назханум	נזחנום	Нарудж	נרוג'
Сара	שרה	Сарах	שרח
Сариё	שריו	Сибо	סיבה
Сипро	שיפרה	Сонке	סונקה
		Соня	סוניה

Тайло	טילה	Тирсо	תירצה
Томор	תמר	Тури	תורי

Турунж	תורונג'		
Хаё	חיה	Хаят	חיית
Хаво – Хово	חווה	Хавасилит	חבצלת
Хагило	חגילה	Хана	חנה
Хасидо	חסידה	Хатаал	חטל
Хивит	חיבית	Хумар	חומר
Жимен	ז'ימן	Жовоил	ג'ובאיל
Шифро	שיפרה	Шуломит	שולמית
Шушан	שושן	Циля	צילה
Яфо	יפה		

לזכרון עולם בהיכל ה'
ונתתי לכם בביתי ובחומותיי יד ושם

לזכרון ולעילוי נשמות של
ירוחם בן שאלתיאל ז"ל
מגן בן בנימין ז"ל
סופיה בת רבקה בנפשה ז"ל

יהי רצון שינוחו בשלום על משכבם
ויזכו למנוחה נכונה בצל כנפי השכינה
ותהא נפשם צרורה בצרור החיים